

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2025 № 4(53)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

КРИМИНАЛИСТЪ

2025 № 4 (53)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А.А. Сапожков, заместитель директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Редакционный совет

А.Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н.Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т.А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е.Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И.А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е.В. Болотина, доктор юридических наук; Н.А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И.В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л.В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н.А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А.А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И.Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е.В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е.Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г.П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В.Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А.С. Карцов, доктор юридических наук; Н.П. Кириллова, доктор юридических наук; О.Н. Коршунова, доктор юридических наук, профессор; А.Н. Кузбагаров, доктор юридических наук, профессор; Э.К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В.В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю.В. Мишальченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н.С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; Т.Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; М.Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А.Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С.М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е.Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р.А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е.Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С.А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю.А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н.И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О.В. Чельшева, доктор юридических наук, профессор; Ю.Б. Шубников, доктор юридических

наук, профессор; В.С. Шадрин, доктор юридических наук, профессор; Р.Д. Шаранов, доктор юридических наук, профессор; В.Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А.А. Эксархопуло, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А.А. Сапожков (главный редактор), кандидат юридических наук, доцент; Д.А. Безбородов (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; М.А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О.А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е.В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; Д.Ю. Краев, кандидат юридических наук, доцент; Н.В. Кулик, кандидат юридических наук, доцент; Е.Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; И.Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции, издательства и типографии:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4. Распространяется бесплатно.

Подписано в печать 03.12.2025. Печ. л. 22,5. Формат 60х84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1 – 160). Заказ 28/25.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации. Дата выхода в свет 23.12.2025.

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

- Бармин А.Д.* Квалификация публично-распространения заведомо ложной информации в форме продолжаемого преступления3
- Бородин Д.А.* Уголовно-правовой статус уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд10
- Бурлаков В.Н., Готчина Л.В.* Криминологическая характеристика личности организованного преступника17
- Бычихин Д.М.* Существенность судебной ошибки как основание отмены неправоудного приговора24
- Ермолович Г.П.* Экстрадиция, депортация, репатриация и особенности других правовых институтов, связанных с пересечением государственной границы34
- Желтова Е.Н.* О состоянии, динамике, тенденциях и некоторых факторах преступности в виде незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг)41
- Зуева Е.А.* О значении цели при нарушении неприкосновенности частной жизни48
- Иванова Е.В.* Подходы правоприменительных органов к квалификации угрозы убийством (ч. 1 ст. 119 УК РФ), совершенной в семейно-бытовой сфере55
- Куликов А.В.* Проблемные вопросы хищения безналичных денежных средств путем мошенничества с использованием компьютерных технологий (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ)63
- Лавроненко Р.А.* Профилактика преступности в кредитно-финансовой системе72
- Латышева Е.В.* О классификации преступлений, входящих в объем насильственной преступности в семейно-бытовой сфере78
- Лобанова П.Д.* Проблемы правового регулирования изъятия медицинской документации86
- Морозова Ю.В.* Объективная сторона неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего94
- Непеин Г.Г.* Криминологическое обеспечение деятельности прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве по уголовным делам о нарушении правил

безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта101

Сильнов М.А. Вопросы противодействия пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения в свете реализации принципа уважения чести и достоинства личности107

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

- Белоусова Д.С., Субанова А.Б.* Возбуждение прокурором дела об административном правонарушении в государствах — участниках СНГ: процессуальная форма (на примере Российской Федерации и Республики Казахстан)116
- Иванова Е.Ф.* Защита прокурором прав несовершеннолетних при проведении вакцинации и иммунодиагностики посредством административного судопроизводства123
- Синявская С.П.* Медиадискурс прокуратуры: дискурсивный анализ формирования образа в современном информационном пространстве132
- Чепенко Я.К., Шестакин И.А.* Конституционное право на образование и проблемы его реализации139

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Максимов В.А., Боброва Ю.М. Специфические черты и виды негативных сервисов в римском частном праве146

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

- Григорьева М.А.* VII Всероссийский (с международным участием) Криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики». Обзор научно-практического мероприятия151
- Шурпаев Ш.М.* Отзыв официального оппонента на диссертацию Синчурина Олега Витальевича на тему «Служебные преступления коррупционной направленности, совершаемые в сфере государственных (муниципальных) закупок, и их предупреждение», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки»160
- Холопов А.В., Тимощук О.Е., Дементьева О.Ю.* Научить следователя мыслить — научное наследие профессора Г.А. Густова (к 100-летию со дня рождения ученого)168

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.34

КВАЛИФИКАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМЕ ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Андрей Денисович БАРМИН

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, barminn1n@gmail.com*

Аннотация. Предметом исследования является квалификация продолжаемых преступлений, их отграничение от совокупности преступлений применительно к преступлениям, совершаемым путем публичного распространения заведомо ложной информации. Ключевым вопросом является определение критериев, позволяющих проводить разграничение наиболее эффективно и подходящих для всего многообразия возможных деяний, предусмотренных ст. 207.1 и 207.3 УК РФ. Данная проблема актуальна, поскольку складывающаяся правоприменительная практика нуждается в унификации в целях преодоления негативных тенденций, существующих в отечественном уголовном праве.

В статье анализируются различные теоретические и практические подходы к решению сложившейся проблемы, предлагается собственный подход к ее решению. Методология исследования включает детальное изучение судебной практики и сравнение позиций судов по вопросам разграничения продолжаемых преступлений и совокупности преступлений, совершаемых путем публичного распространения заведомо ложной информации. Автором делается вывод о том, что в настоящее время проблема разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступлений применительно к преступлениям, совершаемым путем публичного распространения заведомо ложной информации, остается малоизученной теоретически, спорной с точки зрения практики и недостаточно урегулированной законодательством. Предлагается в качестве наиболее важного критерия разграничения продолжаемых преступлений и совокупности преступлений применительно к рассматриваемым составам использовать цель посягательства. При этом среди возможных трактовок цели деяний в наибольшей степени соответствует поставленной задаче трактовка, согласно которой целью является распространение заведомо ложной информации о событии или обстоятельстве, предусмотренных диспозицией ст. 207.1 и 207.3 УК РФ, в целом, а не об отдельных фактах.

Ключевые слова: продолжаемые преступления, совокупность преступлений, квалификация преступлений, неопределенность в праве, заведомо ложная информация, общественно значимая информация, назначение наказаний, избыточная криминализация

© Бармин А.Д., 2025

Для цитирования: Бармин А.Д. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации в форме продолжаемого преступления // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 3–9.

Original article

QUALIFICATION OF PUBLIC DISSEMINATION OF KNOWINGLY FALSE INFORMATION AS A CONTINUING CRIME

Andrei D. BARMIN

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, barminn1n@gmail.com

Abstract. The subject of this research is the qualification of continuing crimes, their distinction from a series of crimes in relation to crimes committed through the public dissemination of knowingly false information. The key issue is the identification of criteria which enable the most effective differentiation, and are applicable to the full range of possible acts provided for by Articles 207.1 and 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. This problem is relevant as the prevailing law enforcement practice requires unification to overcome the negative trends existing within domestic criminal law.

The article analyses various theoretical and practical approaches to resolving this problem and proposes the author's own solution. The research methodology includes a detailed examination of established judicial practice and a comparison of court positions concerning the distinction between continuing crimes and a series of crimes committed through the public dissemination of knowingly false information. The author concludes that, at present, the problem of differentiating between continuing crimes and sets of crimes in the context of crimes committed via the public dissemination of knowingly false information remains insufficiently studied from a theoretical perspective, is contentious from a practical standpoint, and is insufficiently regulated by legislation. It is proposed that the most significant criterion for distinguishing between continuing crimes and a series of crimes in the context of the crimes under consideration should be the objective of the act. Among the possible interpretations of the purpose of the acts, the most fitting for this task is the interpretation that considers the purpose to be the dissemination of knowingly false information about an event or circumstance as provided for by the provisions of Articles 207.1 and 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, in general, rather than regarding individual facts.

Keywords: continuing crimes, series of crimes, qualification of crimes, legal uncertainty, knowingly false information, socially significant information, sentencing, excessive criminalization

For citation: Barmin A.D. Qualification of public dissemination of knowingly false information as a continuing crime. *Criminalist*. 2025;4(53):3-9. (In Russ.).

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, распространение недостоверной информации является одним из факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации [1]. Именно поэтому предупреждение и пресечение преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных техноло-

гий, в том числе путем распространения заведомо ложной информации, является одним из важных направлений деятельности правоохранительных органов. Результатом проводимой государством политики, направленной на недопущение распространения ложной информации, стало дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) статьями 207.1 – 207.3.

На эффективность указанных норм оказали значительное негативное влияние сложности, возникшие в правоприменении. Так, одним их наиболее проблемных вопросов применения ст. 207.1 – 207.3 УК РФ стал вопрос квалификации продолжаемых преступлений и их отграничения от совокупности преступлений.

Данный вопрос имеет большое значение для теории и практического применения уголовного права. Признание ряда деяний продолжаемым преступлением либо совокупностью преступлений значительно влияет на уголовно-правовые последствия совершения деяния, например на вид и размер наказания.

Несмотря на то что продолжаемые преступления являются предметом множества научных исследований, ряд проблем в рассматриваемой сфере остается неразрешенным, поскольку в настоящее время в законодательстве и науке отсутствует единый подход к выделению однозначных критериев разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступлений. В результате отсутствует и единообразие в правоприменении. При схожих обстоятельствах одни суды усматривают в деянии совокупность преступлений, другие – продолжаемое преступление. Это влечет ряд негативных последствий, таких как сложности в решении вопросов об освобождении от уголовной ответственности и определении размера и вида наказания, неверное исчисление срока давности уголовного преследования и др. Данная позиция находит отражение в работах теоретиков права [2].

В силу объективных причин обозначенная проблема особенно актуальна для относительно новых составов преступлений, что обусловлено рядом факторов, например таких, как малый объем судебной практики, отсутствие актов официального толкования и недостаточная изученность норм на теоретическом уровне. Это справедливо и по отноше-

нию к преступлениям, совершаемым путем распространения заведомо ложной информации. Именно в преступлениях, предусмотренных ст. 207.1 – 207.3 УК РФ, наиболее наглядно проявляется то, как отсутствие единых критериев разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступлений негативно сказывается на правоприменении.

Так, приговором Радужнинского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа от 28 июля 2020 года по делу № 1-74/2020 лицо признано виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ. При этом изготовление и последующая публикация двух видеороликов судом трактуется как продолжаемое преступление ввиду того, что оба деяния совершены «с целью: публичного распространения среди населения под видом достоверных сведений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19)»¹. Аналогичная позиция прослеживается и в других судебных актах. Например, в постановлении Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 2 июля 2020 года по делу № 1-110/2020².

В то же время Балахинским городским судом Нижегородской области по уголовному делу № 1-208/2020 при схожей фабуле два аналогичных деяния рассматриваются как два самостоятельных преступления³. Отметим, что это не

¹ Приговор Радужнинского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ) от 28 июля 2020 г. по делу № 1-74/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

² Постановление Буйнакского городского суда (Республика Дагестан) от 2 июля 2020 г. по делу № 1-110/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

³ Приговор Балахинского городского суда (Нижегородская область) от 21 июля 2020 г. по делу № 1-208/2020 // Судебные и норма-

единственный случай, когда несколько актов распространения заведомо ложной информации квалифицируются как несколько единичных преступлений.

В результате за совершение схожих по объективным и субъективным признакам преступлений одному лицу назначено наказание в виде обязательных работ на срок 200 часов, второму — в виде обязательных работ на срок 400 часов, что, очевидно, вступает в противоречие с зафиксированным в ст. 4 УК РФ принципом равенства граждан перед законом. Помимо этого, отсутствие единообразия в правоприменении является одним из факторов, препятствующих преодолению правовой неопределенности и, как следствие, выполнению правом регулятивной функции [3, с. 81].

Заметим, что существует ряд составов преступлений, для которых рассматриваемая проблема не имеет такой актуальности. Значительную роль в этом сыграли постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в которых предложены четкие критерии для квалификации ряда деяний как продолжаемого преступления.

Например, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» выделяются следующие критерии определения продолжаемых хищений: действия по каждому эпизоду преступны; действия по каждому эпизоду юридически тождественны; все хищения совершаются из одного источника; все действия совершаются с единым умыслом¹.

тивны акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указывается, что в тех случаях, когда несколько изнасилований либо несколько насильственных действий сексуального характера были совершены в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего лица и обстоятельства их совершения свидетельствовали о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует расценивать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ². В результате возможно выделить следующие признаки продолжаемого преступления, предусмотренного ст. 131 или ст. 132 УК РФ: действия юридически тождественны; присутствует единый умысел.

В пункте 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» высшим судебным органом указывается на то, что систематическое получение взяток от одного и того же взяткодателя за общее покровительство или попустительство по службе, если указанные действия были объединены единым умыслом, следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление. Совокупность преступлений, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, отсутствует и в тех случаях, когда взятка или незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе получены

² О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

или переданы от нескольких лиц, но за совершение одного действия (акта бездействия) в общих интересах этих лиц¹. Таким образом, применительно к получению взятки в качестве критериев выделены: единый умысел; один взяткодатель.

Приведенные выше разъяснения оказали значительное влияние на судебную практику. Предложенные Верховным Судом Российской Федерации критерии сформировали единый подход к разграничению продолжаемого преступления и совокупности преступлений для ряда посягательств. Однако эти правообразующие разъяснения Верховного Суда охватывают лишь некоторые составы преступлений и не могут быть применимы к составам, конструкция которых значительно отличается от указанных в постановлениях. Это объясняется тем, что рассмотренные разъяснения относительно содержания понятия «продолжаемое преступление» разнятся в зависимости от специфики «сущности» конкретного преступления и особенностей конструкции его состава [4, с. 350].

Верховным Судом Российской Федерации предпринята попытка обобщить существующий опыт разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступлений. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 года № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях», «о единстве умысла виновного ... могут свидетельствовать, в частности, такие обстоятельства, как совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени,

аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и (или) предмета преступления, направленность деяний на достижение общей цели»².

Однако данное Постановление лишь обобщает практику по всему многообразию составов преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством, и не может быть в полном объеме применимо к одному конкретному составу либо группе составов. Не вызывает сомнений, что характеристика продолжаемого преступления отличается в зависимости от механизма совершения преступления [5, с. 101].

В связи с отмеченными выше обстоятельствами становится очевидной необходимость в выработке критериев определения продолжаемого преступления применительно именно к преступлениям, совершаемым путем публичного распространения заведомо ложной информации, в целях дальнейшей унификации правоприменения и устранения существующих противоречий.

В теории уголовного права ранее предлагались критерии разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступлений, предусмотренных ст. 207.1 УК РФ. На наш взгляд, заслуживают особого внимания критерии, предложенные З.М. Сизо [6, с. 131]. Выдвигаемый автором тезис о том, что способ и форма передачи информации не могут выступать в качестве такого критерия, представляется справедливым, поскольку даже в рамках одного деяния могут использоваться различные формы и способы передачи информации. Например, сочетание текста и видеофрагментов или фотографий и аудиозаписей. Кроме того, возможна ситуация,

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 : текст с изм. и доп. на от 24 дек. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

когда идентичная информация распространяется различными способами с незначительным временным интервалом. Например, в публичном выступлении и опубликованном позднее тексте этого выступления.

Также сложно не согласиться с тем, что единая цель является главным критерием определения продолжаемого преступления. Однако при этом представляется, что сужение цели совершения преступления до «создания ложного представления у общественности о каком-то конкретном событии» необоснованно. В своих решениях суды, например, указывают, что преступления совершены с целью «публичного распространения среди населения под видом достоверных сведений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19)» применительно к ст. 207.1 УК РФ¹ и «публичного распространения ... заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации ...» применительно к ст. 207.3 УК РФ². Соответственно, в рамках сложившейся практики установился подход, согласно которому целью преступного посяательства является не искажение отдельных фактов, а искажение информации о каких-либо обстоятельствах в целом. Например, такими обстоятельствами являются пандемия коронавирусной инфекции или проведение специальной военной операции. Представляется, что подобный подход к определению цели

совершения преступления в большей мере соответствует конструкции рассматриваемых норм и может использоваться в качестве критерия разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступлений.

Также в качестве цели совершения преступления судами в ряде случаев указывается «провокация паники, страха и беспокойства у неопределенного круга лиц». Однако, на наш взгляд, использование такой формулировки неоправданно расширяет возможность квалификации деяний в качестве продолжаемого преступления.

Иные подходы к разграничению продолжаемого преступления и совокупности преступлений в контексте применения ст. 207.1 и 207.3 УК РФ не получили широкого распространения в теории уголовного права.

Относительно ряда других преступлений используется хронологический критерий. На наш взгляд, использование данного критерия применительно к ст. 207.1 и 207.3 УК РФ нецелесообразно.

Во-первых, сами обстоятельства, в отношении которых установлен уголовно-правовой запрет на распространение заведомо ложной информации, являются достаточно протяженными во времени.

Во-вторых, некоторые способы совершения преступления, например создание и последующая публикация фильмов, содержащих заведомо ложную информацию, предполагают длительный процесс приготовления к совершению преступления. В результате между двумя актами публичного распространения заведомо ложной информации, объединенными единым умыслом, может пройти значительный промежуток времени.

Кроме того, в настоящее время недостаточно исследована проблема квалификации продолжаемого преступления в случае, если одно из деяний образует

¹ Приговор Радужнинского городского суда (Ханты-Мансийский автономный округ) от 28 июня 2020 г. по делу № 1-74/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

² Приговор Труновского районного суда (Ставропольский край) от 11 марта 2025 г. по делу № 1-6/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

идеальную совокупность преступлений. Например, на практике распространены случаи, когда единичное деяние квалифицируется одновременно по ст. 207.3 и 280.3 УК РФ.

Также может вызывать затруднения квалификация публичного распространения заведомо ложной информации в форме продолжаемого преступления с учетом возможного длящегося характера каждого отдельного деяния.

Таким образом, в настоящее время проблема разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступлений, совершаемых путем публичного распространения заведомо ложной информации, остается малоизученной теоретически, спорной с точки зрения

практики и недостаточно урегулированной законодательством.

Учитывая отмеченные выше обстоятельства, полагаем, что главным критерием разграничения может служить только цель посягательства. При этом под целью следует понимать распространение заведомо ложной информации о событии или обстоятельстве в целом, а не об отдельных фактах. Избранный подход будет способствовать унификации правоприменения. Иные критерии должны быть разработаны с учетом специфики рассматриваемых составов преступлений и быть применимыми ко всему многообразию возможных деяний, предусмотренных ст. 207.1 и 207.3 УК РФ.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Магомедов Г.Б., Джамалова Б.Б. Проблемы квалификации длящихся и продолжаемых преступлений в контексте Постановления Пленума Верховного Суда от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 265 – 268.
3. Шабета И.В. Правовая неопределенность и перспективы ее использования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 81 – 83.
4. Уголовное право. Общая часть : учебник / Д.А. Безбородов, С.А. Бочкарев, Л.В. Готчина [и др.] ; под общ. ред. А.Н. Попова. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2025. 733 с. 1 CD-ROM. Текст : электронный.
5. Тюнин В.И. К вопросу о «длящихся» и «продолжаемых» преступлениях // КриминалистЪ. 2025. № 1. С. 93 – 102.
6. Сизо З.М. Уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии: проблемы теории и практики : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. ... канд. юрид. наук / Сизо Заур Махмудович. Краснодар, 2023. 211 с.

Информация об авторе

А.Д. Бармин – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A.D. Barmin – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС УПОЛНОМОЧЕННЫХ ЛИЦ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ИНТЕРЕСЫ ЗАКАЗЧИКА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Даниил Анатольевич БОРОДИН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, evolvedpath@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности уголовно-правового статуса работников (сотрудников) заказчика, обеспечивающих проведение закупочных процедур. На основе отраслевого законодательства и правоприменительной практики анализируется содержание выполняемых ими функций и предоставленных им полномочий. Дается оценка использованной в законе терминологии, применяемой к обозначению работников (сотрудников) заказчика в сфере закупок, и делается вывод о корректности применения к ним термина «уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». По результатам проведенного анализа решается вопрос о соотношении указанного специального субъекта преступления с категорией «должностное лицо».

Ключевые слова: закупки, публичные закупки, контрактная сфера, сфера публичных закупок, должностное лицо, уполномоченное лицо, организационно-распорядительные функции, административно-хозяйственные функции, заказчик, поставщик, специальный субъект преступления

Для цитирования: Бородин Д.А. Уголовно-правовой статус уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 10 – 16.

Original article

CRIMINAL LEGAL STATUS OF AUTHORIZED PERSONS REPRESENTING THE CUSTOMER'S INTERESTS IN THE SPHERE OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Daniil A. BORODIN

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, evolvedpath@gmail.com

Abstract. This article examines the specific features of the criminal legal status of the customer's employees (personnel) responsible for conducting procurement procedures. Based on sector specific legislation and law enforcement practice, the author evaluates the content of the functions they perform and the authority vested in them. The study assesses the terminology used in the legislation to refer to customer's employees (personnel) in the procurement sphere and determines the correctness of applying the term «authorized person representing the customer's interests in the sphere of procurement of goods, works, and services for state or municipal needs» to them.

© Бородин Д.А., 2025

Based on the analysis, the relationship between this special subject of a crime and the category of «official» is determined.

Keywords: procurement, public procurement, contract sphere, public procurement sphere, official, authorized person, organizational and administrative functions, administrative and economic functions, customer, supplier, special subject of a crime

For citation: Borodin D.A. Criminal legal status of authorized persons representing the customer's interests in the sphere of procurement of goods, works, services for state and municipal needs. Criminalist. 2025;4(53):10-16. (In Russ.).

В условиях современной российской рыночной экономики реализация полномочий, возложенных на государственные и муниципальные органы и организации, неминуемо сопряжена с закупкой товаров, работ и услуг¹. Проведение закупочных процедур обеспечивается широким кругом сотрудников (работников) заказчика, деятельность которых не только урегулирована федеральным законодательством, но и подчинена локальным нормативным актам органа (организации), в котором они осуществляют свои функции, а также непосредственно инструкциями по занимаемым ими должностям. Анализ каждого из указанных разноуровневых источников правового регулирования важен для правильной квалификации содеянного и фиксации наличия (или отсутствия) признаков субъекта преступления.

С включением в 2018 году в главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) новых составов преступлений (ст. 200.4, 200.5 УК РФ) криминализован ряд нарушений в контрактной сфере, совершаемых отдельными категориями работников заказчика, некоторые противоправные действия которых ранее находились вне уголовно-правовой сферы по причине отсутствия у работников заказчика признаков должностного лица, предусмотренных примечанием 1 к ст. 285 УК РФ.

¹ Далее сфера отношений, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд путем заключения и исполнения контрактов на закупку товаров, работ, услуг, именуется также «сферой закупок», «сферой публичных закупок», «контрактной сферой».

Вместе с тем изменение уголовного закона актуализировало вопросы уголовно-правового статуса лиц, участвующих в закупочных процедурах на стороне заказчика и способных своими действиями (бездействием) причинять вред общественным отношениям в указанной сфере. В науке нет единого мнения об обоснованности признания законодателем лиц, выполняющих отдельные функции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, не обладающими признаками должностного лица [см., напр.: 1, с. 53; 2, с. 83]. Теоретическая неопределенность уголовно-правового статуса работников (сотрудников) заказчика, принимающих участие в закупочных процедурах, вызывает проблемы и в правоприменительной практике, что находит отражение в отсутствии единого подхода судов к квалификации содеянного в сходных по своим обстоятельствам делах.

Думается, что преодоление возникающих как в теории, так и на практике проблем в указанной сфере должно основываться прежде всего на анализе предусмотренных законом полномочий лиц, выступающих на стороне заказчика, характере выполняемых ими функций в рамках закупочных процедур. В этой связи по результатам проведенного исследования формулируется авторская позиция относительно соотношения рассматриваемого специального субъекта преступления с категорией должностного лица.

За исключением контрактного управляющего, отраслевое законодательство не дает определения упоминаемых в нем категорий работников (сотрудников) заказчика, участвующих в закупочных процедурах, ограничиваясь перечислением их функций и полномочий. Некоторые из них законодатель объединяет в понятие «должностные лица заказчика»¹, что, вероятно, обусловлено использованием терминологии трудового законодательства, в котором под должностью понимается круг обязанностей и полномочий работника, закрепленный в виде отдельной организационной единицы в структуре работодателя и не являющийся тождественным понятию из примечания 1 к ст. 285 УК РФ.

В качестве однородного понятия для обозначения работников (сотрудников) заказчика, принимающих участие в процедурах закупки и способных выступать субъектом уголовно-правовых отношений в связи с реализацией полномочий в контрактной сфере, представляется уместным использовать термин «уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» (далее — уполномоченное лицо заказчика). На основе анализа предусмотренных законодательством функций и полномочий можно выделить следующие группы уполномоченных лиц заказчика, имеющих сходный правовой статус:

1. Руководитель заказчика и иные лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в сфере закупок.

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ : текст с изм. и доп. на 26 дек. 2024 г. Ст. 38. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Правовой статус руководителя заказчика определяется уставом, положением или иным учредительным документом органа (организации). Как правило, в качестве полномочий руководителя в учредительных документах указываются:

осуществление общего руководства деятельностью заказчика;

действие без доверенности от имени заказчика с правом подписания договоров, доверенностей, платежных и иных документов;

распоряжение бюджетными средствами в пределах доведенных лимитов бюджетных обязательств, а также собственными денежными средствами заказчика, полученными от приносящей доходы деятельности;

утверждение структуры и (или) штатного расписания заказчика, назначение на должность и освобождение от должности работников органа (организации), дача поручений и указаний, обязательных к исполнению всеми работниками заказчика, и т. д.

Конкретный объем полномочий руководителя заказчика зависит от правового положения органа власти, организационно-правовой формы организации, руководство которыми осуществляется.

Учитывая, что руководитель заказчика зачастую является единоличным исполнительным органом, вышеуказанные полномочия распространяются и на закупочную деятельность. Так, руководителем заказчика определяются структура и штатная численность контрактной службы, он назначает на должность ее руководителя, а также может передоверить указанное полномочие по назначению иному работнику (сотруднику) органа (организации)². В этой связи противоправные действия заказчика в ана-

² Типовое положение (регламент) о контрактной службе : утв. Приказом Министерства финансов Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 158н : текст с изм. и доп. на 15 нояб.

лизируемой сфере могут быть квалифицированы по соответствующим статьям главы 30 УК РФ в силу выполнения им организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных функций. При этом, как отмечает М.А. Любавина, достаточно, чтобы лицо было наделено полномочиями в какой-либо одной области, одновременное выполнение каждой из названных функций не является обязательным [3, с. 32].

Аналогичным образом обстоит дело с иными лицами, выполняющими указанные функции в силу возложенных на них полномочий, которые могут быть удостоверены путем выдачи доверенности, издания приказа, иного распорядительного документа. Как справедливо отмечено Б.В. Волженкиным, «для признания субъекта должностным лицом не имеет значения, выполняет он функции... постоянно, временно или по специальному полномочию» [4, с. 114]. Так, обосновывая наличие у начальника тыла УМВД России по Новгородской области Ч. признаков должностного лица, суд в своем определении сослался на содержание выданных руководителем ведомства доверенностей и изданных им же приказов, которыми Ч. наделялся правом от имени указанного государственного органа заключать контракты, договоры и соглашения, утверждать сметы и калькуляции, подписывать финансовые документы, осуществлять контроль за расходованием бюджетных средств, подписывать акты о приеме-передаче здания (сооружения)¹.

Таким образом, группа уполномоченных лиц заказчика, представленная его руководителем и иными лицами,

на которых возложено выполнение организационно-распорядительных и (или) административно-хозяйственных функций в сфере закупок, по характеру выполняемых функций имеет сходные признаки с должностным лицом по смыслу примечания 1 к ст. 285 УК РФ.

2. Контрактный управляющий, руководитель и работники контрактной службы.

Закон определяет контрактного управляющего как «должностное лицо, ответственное за осуществление закупки или нескольких закупок, включая исполнение каждого контракта», альтернативой которому выступает контрактная служба, обязательная в структуре заказчика, если совокупный годовой объем закупок превышает сто миллионов рублей².

Функции и полномочия контрактного управляющего, контрактной службы сводятся к обеспечению процедуры осуществления закупки на всех этапах ее проведения:

при планировании закупки (разработка плана-графика, организация подготовительных мероприятий в виде консультаций с участниками конкретного рынка товаров, работ, услуг в целях определения состояния конкурентной среды, наилучших технологий и других решений для обеспечения нужд заказчика и т. д.);

при определении поставщика (подрядчика, исполнителя) (размещение в единой информационной системе (далее – ЕИС) извещения о закупке, закупочной документации, определение и обоснование начальной (максимальной) цены контракта, описание объекта закупки и т. д.);

при заключении контракта (размещение в ЕИС проекта контракта, рассмотрение независимой гарантии, проверка поступления внесенных поставщиком

² О контрактной системе в сфере закупок товаров... Ст. 38, ч. 2.

2021 г. Пп. 2.2, 2.3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 июня 2024 г. по делу № 77-1374/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(подрядчиком, исполнителем) в качестве обеспечения исполнения контракта денежных средств от участника закупки, обеспечение заключения контракта с участником закупки, признанным победителем, и т. д.);

при исполнении, изменении, расторжении контракта (обеспечение выплаты аванса поставщику (подрядчику, исполнителю), оплаты поставленного товара, выполненной работы (отдельных ее этапов), их экспертизы и приемки и т. д.)¹.

Уголовно-правовой статус рассматриваемой категории уполномоченных лиц остается дискуссионным. Причиной тому является «неоднозначный» характер выполняемых ими функций, которые могут иметь определенное внешнее сходство с функциями должностного лица (например, руководитель контрактной службы распределяет реализуемые службой функции и полномочия между ее работниками²).

Анализ выполняемых контрактным управляющим, руководителем и работниками контрактной службы функций не позволяет сделать однозначный вывод об их относимости к организационно-распорядительным или админи-

стративно-хозяйственным функциям. По мнению Ш.М. Шурпаева, указанные лица не обладают признаками должностного лица, поскольку их деятельность напрямую не связана с принятием юридически значимых решений, влекущих правовые последствия [5, с. 61 – 62]. Искключением, с его точки зрения, является совмещение функций руководства контрактной службой должностным лицом (руководителем) заказчика [5, с. 65]. В то же время он делает вывод, что функции руководителя контрактной службы могут стать обязательным звеном коррупционной схемы, несмотря на их обеспечительный (технический) характер [6, с. 52].

Противоположного мнения придерживаются В.И. Гладких [1, с. 53], Ю.И. Кулешов [2, с. 83], И.А. Любый [7, с. 29], полагающие, что контрактный управляющий и руководитель контрактной службы обладают рядом организационно-распорядительных полномочий, а значит, имеют признаки должностного лица. Иную позицию занимает М.А. Филатова, утверждающая, что часть полномочий данных лиц относится к административно-хозяйственным или организационно-распорядительным, но другая — к таковым не относится, в связи с чем они могут привлекаться к ответственности как по нормам главы 23, так и по нормам главы 30 УК РФ в зависимости от конкретных полномочий, при реализации которых допускаются нарушения [8, с. 39 – 42].

Представляется, что функции и полномочия контрактного управляющего, руководителя и работников контрактной службы носят прежде всего обеспечительный характер, связанный с техническим, документальным оформлением процедуры закупки. Вместе с тем вопрос о возможности определения отдельных полномочий таких лиц как организационно-распорядительные и (или) ад-

¹ Функции и полномочия контрактного управляющего и контрактной службы изложены в ч. 4 ст. 38 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.). При этом функции и полномочия контрактной службы во исполнение ч. 3 ст. 38 названного Закона дополнительно урегулированы Типовым положением (регламентом) о контрактной службе, утвержденным Приказом Министерства финансов Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 158н (ред. от 15 ноября 2021 г.). Хотя действие этого Приказа не распространяется на контрактного управляющего, указанные в Типовом положении (регламенте) функции и полномочия по своей сути являются конкретизацией указанных в законе. В связи с чем для более детального описания функций и полномочий контрактного управляющего в закупочной деятельности полагаем корректным в качестве примера привести функции и полномочия, которые перечислены в Типовом положении (регламенте) о контрактной службе.

² Типовое положение (регламент)... П. 2.4.

министративно-хозяйственные требует дальнейшего рассмотрения.

3. Член комиссии по осуществлению закупок, приемочной комиссии и лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг.

В рамках закупочной деятельности заказчиком могут создаваться различные комиссии, которые можно подразделить на два вида в зависимости от стадий закупки, для реализации которых они создаются и действуют:

комиссия по осуществлению закупки, в полномочия которой входит определение поставщика (подрядчика, исполнителя) по контракту путем рассмотрения поступивших заявок на участие в закупке, их оценки на соответствие извещению об осуществлении закупки и т. д.¹;

приемочная комиссия, в полномочия которой входит приемка поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги².

Характер выполняемых данными комиссиями полномочий является в науке предметом не меньшей дискуссии, чем уголовно-правовой статус предыдущей группы уполномоченных лиц заказчика. Ш.М. Шурпаевым высказано мнение, что анализ законодательно закрепленных за членами комиссий полномочий позволяет сделать вывод о принятии ими в своей деятельности решений, имеющих юридическое значение и влекущих юридические последствия, а значит, и председатель, и члены комиссии выполняют организационно-распорядительные функции [5, с. 63].

Если придерживаться изложенной позиции, то можно предположить, что, к примеру, подписание приемочной комиссией акта о приемке выполненных работ (по унифицированной форме КС-2) влечет на основании ст. 711, 720

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров... Ст. 39, ч. 1; ст. 48, ч. 3.

² Там же. Ст. 94, ч. 6.

Гражданского кодекса Российской Федерации возникновение у подрядчика права требовать оплаты принятых по контракту работ. Однако важно учитывать, что приемка поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги требует не только решения приемочной комиссии, но и его утверждения заказчиком (т. е. руководителем или иным специально уполномоченным на то лицом)³, что, по мнению Ш.М. Шурпаева, не влияет на организационно-распорядительный характер полномочий членов комиссии при приемке товаров, работ, услуг, поскольку подписание документа о приемке так же обязательно, как и его утверждение руководителем заказчика [5, с. 63 – 64].

Другая позиция высказана М.А. Филатовой, которая подходит к вопросу более дифференцированно: председатель комиссии, как правило, выполняет функции должностного лица, в то время как решение вопроса о характере полномочий рядового члена комиссии должно по аналогии с контрактным управляющим основываться на конкретных функциях, выполняемых им, которые могут как являться должностными, так и не являться таковыми [8, с. 42]. Мнения же относительно выполнения лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг (т. е. без создания приемочной комиссии), должностных функций у Ш.М. Шурпаева и М.А. Филатовой совпадают [5, с. 63; 8, с. 43].

Вопрос о характере полномочий членов различных комиссий заказчика, лица, осуществляющего приемку товаров, работ, услуг, требует детального рассмотрения на основе анализа как регулярной закупочной деятельности ее субъектов с точки зрения выполняемых лицами функций, так и правоприменительной практики.

³ Там же. Ст. 94, ч. 7.

Полагаем, что уполномоченное лицо заказчика и должностное лицо соотносятся между собой как род и вид: уполномоченное лицо заказчика как специальный субъект преступления прежде всего определяется сферой общественных отношений, на которые лицо посягает путем противоправного использования полномочий, связанных с осуществлением закупочной деятельности заказчика. Данная деятельность регламентирована не только уголовным законом, но и отраслевым законодательством. Функции же должностного лица

носят абстрактный характер и не ограничены сферой публичных закупок.

Таким образом, лицо может одновременно иметь признаки обоих анализируемых специальных субъектов преступления (примером может служить руководитель органа государственной власти, который представляет интересы заказчика в сфере закупок и вместе с тем выполняет организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции по смыслу примечания 1 к ст. 285 УК РФ).

Список источников

1. Гладких В.И. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ): теоретический анализ // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 51 – 54.
2. Кулешов Ю.И. Субъекты служебных преступлений: проблемные вопросы толкования с учетом действующего уголовного законодательства // Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Хабаровск, 17 мая 2018 г. / Хабар. краевой суд [и др.]. Хабаровск : Юрист, 2018. С. 81 – 86.
3. Любавина М.А. Признаки должностного лица и иных субъектов преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления : конспект лекций. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2005. 60 с.
4. Волженкин Б.В. Служебные преступления. Москва : Юрист, 2000. 368 с. (Библиотека следователя).
5. Шурпаев Ш.М. Специальный субъект в составах злоупотреблений и подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 4. С. 51 – 70.
6. Шурпаев Ш.М. Вопросы квалификации преступлений коррупционной направленности в сфере публичных закупок // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 4. С. 52 – 60.
7. Любый И.А. Проблемные вопросы субъективного состава ст. 200.4 УК РФ // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 27 – 29.
8. Филатова М.А. Проблемы толкования признаков злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 28 – 50.

Информация об авторе

Д.А. Бородин – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

D.A. Borodin – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.911

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ОРГАНИЗОВАННОГО ПРЕСТУПНИКА

Владимир Николаевич БУРЛАКОВ¹, Лариса Владимировна ГОТЧИНА²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, parus348@mail.ru

² Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. Личность организованного преступника имеет отличительные особенности в зависимости от специализации и вида организованной преступности. Выделяют следующие виды организованных преступных групп (ОПГ): унитарная ОПГ, федеративная группа, конфедеративная ОПГ, авторитарно-унитарная ОПГ, тоталитарно-федеративная ОПГ, клуб-союз ОПГ.

Организованная российская преступность носит корыстно-насильственный характер. В структуре организованной преступности преобладает незаконный оборот наркотиков, совершаемый зачастую с корыстной мотивацией и с применением насилия. Наблюдается увеличение числа преступлений в сфере экономической деятельности и мошенничеств. Существенную долю составляют преступления против собственности, прежде всего хищения. Сохраняется криминальная специализация организованных преступников в сфере торговли оружием, сексуальными услугами, наркотиками и людьми.

Типовая характеристика личности организованного преступника: мужчина в возрасте 30–49 лет, имеющий высшее или среднее профессиональное образование, трудоспособный без постоянного источника дохода и лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность или участвующее в ней; процент лиц с судимостью минимальный.

Ключевые слова: организованный преступник, насилие, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, хищение, без источника дохода

Для цитирования: Бурлаков В.Н., Готчина Л.В. Криминологическая характеристика личности организованного преступника // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 17 – 23.

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE PERSONALITY OF AN ORGANIZED CRIMINAL

Vladimir N. BURLAKOV¹, Larisa V. GOTCHINA²

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, parus348@mail.ru

² St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The personality of an organized criminal has distinctive features depending on the specialization and type of organized crime. The following types of organized criminal groups (OCG) are distinguished: unitary organized criminal group, federative group, confederative

© Бурлаков В.Н., Готчина Л.В., 2025

organized criminal group, authoritarian-unitary organized criminal group, totalitarian-federative organized criminal group, club-union organized criminal group.

Organized crime in Russia is characterized by a greed-driven and violent nature. Within the structure of organized crime, illegal drug trafficking predominates, which is often committed for selfish motives and involves the application of violence. There has been a notable rise in offences related to economic activities and fraud. Crimes against property, especially embezzlement, constitute a significant proportion. Organized criminal groups maintain their specialization in weapons trafficking, sexual services, drug and human trafficking.

The typical characteristic of the personality of an organized criminal involves a man aged 30 to 49 possessing either higher or secondary vocational education, able-bodied without a permanent source of income, and a person engaged in entrepreneurial activity or participating in it. Notably, the proportion of such offenders who possess prior criminal convictions remains minimal.

Keywords: an organized criminal, violence, drug trafficking, human trafficking, embezzlement, lack of stable income

For citation: Burlakov V.N., Gotchina L.V. Criminological characteristic of the personality of an organized criminal. Criminalist. 2025;4(53):17-23. (In Russ.).

Введение. Во все времена организованная преступность представляла собой высоколатентный вид групповой преступности, состоящей из совокупности преступлений, совершаемых в организованных формах — организованной группой и преступным сообществом (организацией). Современность не исключение.

На личность организованного преступника оказывает существенное влияние вид организованной преступности и ее специализация. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) предусмотрено несколько ее разновидностей. В частности, в ст. 210 УК РФ — преступное сообщество (ПС), преступная организация (ПО), структурное подразделение, собрание организаторов; в ст. 208 и 209 УК РФ — вооруженное формирование и банда. По мнению одного из авторов данной статьи, с учетом организационной структуры и криминальной функциональности можно выделить шесть видов организованной преступности:

унитарная — характеризуется тем, что каждый член преступной группировки установил связь со всеми другими ее членами; это малочисленные организованные преступные группы (ОПГ), их преступный бизнес имеет небольшую

прибыльность, для них не характерна устойчивая криминальная профессионализация;

федеративная с системой централизованного взаимодействия, в которой информационные и деловые процессы замыкаются на лидере, образующем самостоятельную управленческую подструктуру; криминологические особенности личности членов исполнительного и управленческого уровней (каждый в отдельности немногочислен) имеют четко выраженный характер; как правило, соисполнительство при совершении преступлений отсутствует;

конфедеративная — представлена децентрализованной системой криминальных коммуникаций; информация в такой группировке идет от ведущего лидера к второстепенным; деятельность группировки — легально криминальная (предпринимательство либо занятие должности в государственной организации);

авторитарно-унитарная — это централизованная группировка; лидер осуществляет руководство, жестко контролирует деятельность ОПГ (наводка, разработка плана, распределение добытого преступным путем, защита от разоблачения);

тоталитарно-федеративная — характеризуется децентрализованной системой коммуникативных связей между преступниками и централизованным взаимодействием между первичными группами. При изоляции лидера его функции может перенять посредник;

союз организованных преступников (ОП); в России представлен сообществом «воров в законе».

Перечисленные организованные преступные формирования имеют пирамидальную структуру со своими особенностями криминальной функциональности. Так, ОПГ первого уровня — это устойчивые группы лиц, объединившихся для совершения одного или несколько преступлений. Далее по восходящей расположены преступные организации — сплоченные, внутренне организованные группы со специализацией — тяжкие и особо тяжкие престу-

пления. Завершают пирамиду преступные сообщества [1].

В правоприменительной практике выявляются те из них, которые предусмотрены в УК РФ.

Результаты исследования. Характер организованной российской преступности остается корыстно-насильственным, как и в конце 1990-х годов, когда преступления такого вида составляли 71 % [1]. Численность лиц, совершивших преступления организованной группой, постоянно растет: в 2019 году осуждено 5940 лиц, в 2021 — 5179, в 2023 — 7854 [2], в 2024 — 9071¹ [3].

О характере преступной деятельности, структуре организованной преступности и криминальной специализации организованного преступника можно сделать вывод, проанализировав статистику, приведенную в табл. 1.

Таблица 1

Распределение организованных преступников в зависимости от направлений криминальной деятельности [2; 3]

Преступления, совершенные лицами в составе организованных групп	Количество и доля лиц, совершивших преступления, чел. / %			
	2019 г.	2021 г.	2023 г.	2024 г.
Убийство	77 / 1,3	66 / 1,3	71 / 0,9	74/0,8
Грабеж	26 / 0,4	19 / 0,4	3373 / 42,9	35/0,4
Бандитизм	39 / 0,7	61 / 1,2	71 / 0,9	55/0,6
Вымогательство	154 / 2,6	63 / 1,2	996 / 12,7	124/1,4
Разбой	132 / 2,2	56 / 1,1	1967 / 25	94/1
Кража	597 / 10,1	300 / 5,8	370 / 4,7	441/4,9
Мошенничество	880 / 14,8	553 / 10,7	1013 / 12,9	1742/19,2
Хищение, ношение оружия	7 / 0,1	10 / 0,2	127 / 1,6	37/0,4
Незаконный оборот наркотиков	2229 / 37,5	2268 / 43,8	3274 / 41,7	3600/39,7
Похищение человека	126 / 2,1	22 / 0,4	34 / 0,4	23/0,3
Преступления в сфере экономической деятельности	825 / 13,9	815 / 15,7	1353 / 17,2	1224/13,5
Организация занятия проституцией и вовлечение в нее	101 / 1,7	78 / 1,5	125 / 1,6	187/2,1

¹Показатель включает количество лиц, совершивших преступления в организованной группе и в преступном сообществе.

Результаты анализа данных позволяют сделать вывод о том, что главным направлением деятельности выявляемых ОПГ является незаконный оборот наркотиков (около 40 %), совершаемый зачастую с корыстной мотивацией и с применением насилия. В то же время по отношению к ним увеличивается количество преступлений в сфере экономической деятельности (колеблется в диапазоне 16 – 14 %) и мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ (19 % в 2024 году). Преступления против собственности, особенно хищения, также составляют существенную долю, однако их выявляемость довольно скачкообразна (грабеж – от 0,4 % до 42,9 %; разбой – от 1,1 % до 25 %; кража – от 4,7 % до 10,1 %).

В анализируемый период максимальный показатель хищения и незаконного ношения оружия зарегистри-

рован в 2023 году и составил 1,6 %, а в 2024 году – 0,4 %, что не характеризует реального положения дел в структуре организованной преступности, если учесть, что на российской территории идут военные действия и три года Россия участвует в специальной военной операции (СВО).

Распространена криминальная торговля не только оружием, но и сексуальными услугами, наркотиками и даже людьми; выявляемость таких преступлений также низкая.

Криминальное насилие (например, при убийстве) занимает около 1 % и зачастую используется организованным преступником для устранения конкурентов, оказания давления.

Рассмотрим некоторые показатели на примере лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 208, 209 и 210 УК РФ (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Распределение преступников по наличию судимости [2; 3]

Статья УК РФ	Количество лиц, имевших две неснятые и непогашенные судимости / три судимости и более		
	2021 г.	2023 г.	2024 г.
Ст. 208	1	–	–
Ст. 209	4 / 2	4 / 3	5/4
Ст. 210	2 / 1	4 / 3	9/7

Так, в 2021 году 59 человек привлечены к ответственности за совершение организованной группой деяний, предусмотренных ст. 208 УК РФ, 65 – ст. 209 УК РФ, 103 – ст. 210 УК РФ.

На момент судебного рассмотрения две неснятые и непогашенные судимости имели: один обвиняемый по ст. 208 УК РФ, четыре – по ст. 209 УК РФ и два – по ст. 210 УК РФ; три судимости и более имели: два обвиняемых по ст. 209 УК РФ и один – по ст. 210 УК РФ.

В 2021 году в организации незаконных формирований, банд и преступных организаций (ст. 208 – 210.1 УК РФ) участвовал один несовершеннолетний в возрасте 16–17 лет, который воспитывался в полной семье.

В 2023 году 56 человек привлечены к ответственности за совершение организованной группой деяний, предусмотренных ст. 108 УК РФ, 76 человек – ст. 209 УК РФ и 169 – ст. 210 УК РФ.

На момент судебного рассмотрения две неснятые и непогашенные судимости имели: четыре обвиняемых по ст. 209 УК РФ и четыре – по ст. 210 УК РФ; три судимости и более имели: три обвиняемых по ст. 209 УК РФ и три – по ст. 210 УК РФ.

В 2024 году пять человек привлечены к ответственности за совершение организованной группой или преступным сообществом деяний, предусмотренных ст. 108 УК РФ, 55 – ст. 209 УК РФ и 232 – ст. 210 УК РФ.

Тревожным показателем является все большая криминализация женщин. В 2023 году по ст. 208 УК РФ осуждены восемь женщин, по ст. 210 УК РФ – 41.

В 2023 и 2024 годах в организации незаконных формирований, банд и преступных организаций (ст. 208–210.1 УК РФ) участвовали трое несовершенно-

летних в возрасте 14–17 лет (в каждый год).

В 2023 и 2024 годах распределение осужденных за совершение деяний, предусмотренных ст. 208, 209 и 210 УК РФ, по возрасту, образованию и социальному положению (занятости) представлено в табл. 3–5.

Таблица 3

Распределение преступников по возрасту [2; 3]

Возраст	Количество лиц 2023 г./2024 г.		
	Ст. 208 УК РФ	Ст. 209 УК РФ	Ст. 210 УК РФ
14–17 лет	2/-	1/1	0/2
18–24 года	14/5	11/21	35/49
25–29 лет	18/5	17/19	39/65
30–49 лет	16/8	45/19	85/148
50 лет и старше	6/7	2/1	10/80
Всего лиц	56/25	76/61	344

Таблица 4

Распределение преступников по социальному положению (занятости) [2; 3]

Социальное положение (занятость)	Количество лиц 2023 г./2024 г.		
	Ст. 208 УК РФ	Ст. 209 УК РФ	Ст. 210 УК РФ
Рабочие	4/4	10/7	23/28
Служащие коммерческой или иной организации	1/3	5/3	19/36
Трудоспособные без постоянного источника дохода	45/18	2/42	55/120
Лица прочих занятий	4/-	4/-	20/1
Государственные и муниципальные служащие	1/3		1/9
Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность или участвующие в ней	-/1	2/4	34/40
Учащиеся и студенты		-/1	3/1
Сотрудники правоохранительного органа		-/3	1/17
Осужденные к лишению свободы, назначенному реально		2/-	7/-
Всего лиц	56/29	76/60	169/252

Распределение преступников по образованию [2; 3]

Образование	Количество лиц 2023 г./2024 г.		
	Ст. 208 УК РФ	Ст. 209 УК РФ	Ст. 210 УК РФ
Высшее профессиональное	10/8	19/10	82/130
Среднее профессиональное	16/6	22/26	35/63
Среднее общее	25/8	26/32	40/70
Основное общее, начальное или нет образования	5/3	9/5	12/15
Всего лиц	56/25	76/73	169/278

Таким образом, социально-демографическими характеристиками личности организованного преступника являются: преобладающий возраст лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 208 УК РФ, составляет 25–29 лет (в 2023 году) и 30–49 лет (в 2024 году), ст. 209 УК РФ – 30–49 лет (в 2023 году) и 18 лет – 24 года (в 2024 году), ст. 210 УК РФ – 30–49 лет; преобладающее образование: ст. 208 и 209 УК РФ – среднее общее, ст. 210 УК РФ – высшее профессиональное; преобладающее социальное положение (занятость): ст. 208 и 209 УК РФ – трудоспособные без постоянного источника дохода, ст. 210 УК РФ – трудоспособные без постоянного источника дохода и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность или участвующие в ней (указанные две категории – более 50 %).

В научной литературе приводится типология личности организованного преступника [4, с. 72]. В зарубежной криминологии отмечено несколько специфических критериев, которыми можно руководствоваться. Так, Г.Й. Шнайдер отмечал, что организованным преступником называется тот, кто получает это определение от лиц его социального окружения и от участников организованной группы преступников. «Мафиози не тот, кто таковым себя ощущает, а тот, кого рассматривают в таком качестве другие» [5, с. 51].

С учетом особенностей принадлежности личности к преступному формированию определенной конфигурации можно предложить следующую ее типологию: руководитель преступного сообщества, преступной организации (ч. 1.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ); исполнитель конкретных преступлений (ч. 2 ст. 210 УК РФ); постоянный член преступного формирования, выполняющий самостоятельные функциональные задачи, как то: обеспечение внешней и внутренней безопасности, материальное обеспечение, легальная и нелегальная экономическая деятельность (ч. 2 ст. 210 УК РФ), при выполнении последней задачи учитываются условия, изложенные в примечании 1 к ст. 210 УК РФ; коррупционер – чиновник, обеспечивающий защиту преступного сообщества от правового контроля (ч. 3 ст. 210 УК РФ); промежуточный тип – соучастник, т. е. преступники переходного состояния, от общеуголовников до членов преступного сообщества.

Выводы. Организованными преступниками являются в основном мужчины в возрасте 30–49 лет, имеющие высшее или среднее профессиональное образование, социальное положение – трудоспособные без постоянного источника дохода и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность или участвующие в ней; процент лиц с судимостями среди них минимальный.

На основе оценки типов личности можно констатировать текущие тенденции организованной преступности. В частности, дальнейшее расширение сферы участия ее в экономической деятельности легального характера; за-

вершение структурной перестройки; сближение с личностной характеристикой экономических и должностных преступников; перманентная борьба за сферы влияния.

Список источников

1. Бурлаков В.Н. Криминологическая характеристика личности организованного преступника. Санкт-Петербург : С.-Петерб. центр по изучению организованной преступности и коррупции, 2000. URL: <https://m.eruditor.one/file/992164/grant/> (дата обращения: 24.02.2025).
2. Форма 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ» за 2019, 2021 и 2023 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7900> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Форма 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ» за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=7900> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Токманцев Д. Признаки преступного сообщества // Уголовное право. 2016. № 5. С. 69 – 77.
5. Шнайдер Г.Й. Криминология / пер. с нем. под ред. Л.О. Иванова. Москва : Прогресс, 1994. 501 с.

Библиографический список

1. Борьба с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом : монография / С.Д. Белоцерковский, А.С. Васнецова, А.Я. Гуськов [и др.] ; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 297, [1] с. — (Криминология).
2. Максимов, С.В. Организованная преступность и коррупция. Российские реалии и пути противодействия : монография / С.В. Максимов, В.Е. Эминов. — Москва : Проспект, 2023. — 96 с.
3. Организованная преступность. Тенденции, перспективы борьбы : монография / Дальневосточ. гос. ун-т, Юрид. ин-т ; Владивосток. центр по изучению организованной преступности ; отв. ред. В.А. Номоконов. — Владивосток : ДВГУ, 1999. — 304 с.
4. Тишкин, Д.Н. Организованная преступность в России в контексте национальной безопасности : монография / Д.Н. Тишкин. — Москва : Русайнс, 2016. — 125 с.
5. Топильская, Е.В. Криминология организованной преступности : монография : в 2 т. / Е.В. Топильская. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 2 т.

Информация об авторах

В.Н. Бурлаков — профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Л.В. Готчина — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

V.N. Burlakov — Professor of St. Petersburg State University, Doctor of Science (Law), Professor;
L.V. Gotchina — Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.1

СУЩЕСТВЕННОСТЬ СУДЕБНОЙ ОШИБКИ КАК ОСНОВАНИЕ ОТМЕНЫ НЕПРАВОСУДНОГО ПРИГОВОРА

Дмитрий Михайлович БЫЧИХИН

*Прокурор Питкярантского района Республики Карелия, Питкяранта,
Республика Карелия, Россия, dmitribychihin011@gmail.com*

Аннотация. В статье приведены анализ действующего законодательства, различные мнения ученых-юристов, примеры из правоприменительной практики, определяющие современные трактовки понятия судебной ошибки. Рассмотрен признак существенности судебной ошибки как основания отмены судебного акта. Классифицированы судебные ошибки в современной системе национального судопроизводства и сформулированы их причины.

Ключевые слова: судебная ошибка, существенный, правосудие, неправосудный, судебный акт, приговор

Для цитирования: Бычихин Д.М. Существенность судебной ошибки как основание отмены неправосудного приговора // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 24 – 33.

Original article

THE MATERIALITY OF JUDICIAL ERROR AS A GROUND FOR REVERSAL OF AN UNJUST VERDICT

Dmitry M. BYCHIKHIN

*Prosecutor of the Pitkyaranta district, the Republic of Karelia, Pitkyaranta, Republic of Karelia,
Russia, dmitribychihin011@gmail.com*

Abstract. The article provides an analysis of current legislation, various opinions of legal scholars, and examples from law enforcement practice which define contemporary interpretations of the concept of judicial error. The author examines the criterion of materiality of judicial error as a ground for the reversal of a judicial act. Judicial errors are classified within the modern national judicial system, and their causes are identified.

Keywords: judicial error, material, justice, unjust, judicial act, verdict

For citation: Bychikhin D.M. The materiality of judicial error as a ground for reversal of an unjust verdict. Criminalist. 2025;4(53):24-33. (In Russ.).

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 1406, утвердившем Федеральную целевую программу «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы», обращается внимание на мероприятия,

реализация которых позволит повысить качество судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Совершенствование национальной системы правосудия невозможно без правовых гарантий деятельности судов

© Бычихин Д.М., 2025

и установления пределов ответственности в связи с реализацией судьями своих полномочий.

К числу гарантий, обеспечивающих независимость судьи при осуществлении правосудия, Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 (ред. от 10 июля 2023 года) «О статусе судей в Российской Федерации» относит неприкосновенность судьи (п. 1 ст. 9).

Согласно п. 2 ст. 16 названного Закона, в котором раскрывается одна из сторон принципа неприкосновенности судьи, судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Законодателем в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) введена специальная статья, предусматривающая уголовную ответственность за вынесение заведомо неправосудного судебного акта (ст. 305 УК РФ).

В судебной практике далеко не каждый факт отмены судебного акта в апелляционном, кассационном или надзорном порядке влечет возбуждение уголовного дела в отношении судьи по ст. 305 УК РФ. В противном случае это подорвало бы принципиальные устои судебной системы и быстро привело к кадровому истощению судейского сообщества.

В большинстве случаев принимаемые решения об отмене судебного акта нижестоящего суда связаны с судебными ошибками. Судьи, независимо от стажа работы, уровня профессионализма, а также повышенной степени ответственности за принимаемые ими решения, являются людьми, которым свойственно ошибаться.

Исследование субъективной стороны указанного преступления предполагает разграничение преступного деяния, т. е. умышленного вынесения судьей неправосудного судебного акта, и правонарушения, которое привело к нарушению закона при принятии итогового судебного акта, но не повлекло уголовной ответственности за содеянное.

Иными словами, речь идет о преступном и непроступном поведении. В отечественной литературе непроступное поведение судьи принято называть обобщенным понятием — судебная ошибка. К сожалению, законодательного определения судебной ошибки не существует. Тем не менее данное понятие следует сформулировать для уяснения природы этого явления (категории), для чего необходимо правильно определить признаки судебной ошибки, которые существенным образом будут ее отличать от предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ.

Бесспорным является тот факт, что, по смыслу ст. 305 УК РФ, неправосудные судебный приговор, решение или иной судебный акт, вынесенные по существу рассмотренного дела (материала) в качестве итогового решения и влекущие появление, изменение или дополнение правоотношений, образуют предмет преступления. При этом неправосудный судебный акт противоречит по форме или (и) содержанию требованиям законодательства.

От заведомо неправосудных приговора, решения и иного судебного акта следует отличать судебную ошибку, под которой понимается вынесение судьей неправосудного судебного акта, хотя и с нарушением материального и процессуального законодательства в силу невнимательного отношения к требованиям норм материального или процессуального законодательства или добросовестного заблуждения, повлекшее его отмену или изменение, но при отсутствии

умысла на вынесение неправосудного судебного акта [1, с. 21].

И.М. Зайцев под судебной ошибкой понимал недостижение целей правосудия, выражающееся в действиях должностных лиц или последствиях, а к признакам судебной ошибки относил: совершение ее специальными субъектами, уполномоченными рассматривать и разрешать дела; наличие нарушений, которые влекут нарушение целей правосудия; нарушение требований, определяющих правомерность процессуальной деятельности и судебных актов; объективную противоправность; устраняется средствами, предусмотренными процессуальным законодательством [2, с. 5–6, 14].

Сходной позиции придерживается Л.А. Терехова, которая под судебной ошибкой понимает результат неправильного разрешения дела, при котором защита прав субъекта не состоялась, выявляемый и устраняемый специальным субъектом. Судебная ошибка, по мнению автора, возможна только при принятии ошибочного судебного акта, а не с момента нарушения норм права, что нарушает целевые установки правосудия [3, с. 3, 6].

Г.А. Жилин полагает, что судебная ошибка непосредственно связана с виновным поведением специального субъекта (судьи), которое заключается в нарушении норм процессуального или материального права, в результате не достигаются цели судопроизводства [4, с. 508].

Таким образом, сущность судебной ошибки заключается в том, что это результат неверных применения закона или правовой оценки, допущенных судьей неумышленно, не обязательно и не всегда влекущих отмену принятого судебного акта.

В то же время следует отметить важное юридическое отличие предмета рассматриваемого преступления (не-

правосудные приговор, решение или иной судебный акт) от судебной ошибки, а именно то, что последняя не влечет уголовной ответственности, предусмотренной ст. 305 УК РФ.

По своему содержанию судебная ошибка более широкое понятие, чем признанный в установленном законом порядке неправосудный судебный акт, влекущий применение уголовной ответственности в отношении лица, его вынесшего.

Как уже обозначалось, отличительной чертой судебной ошибки является неумышленный характер ее допущения, как правило, в силу некомпетентности или неопытности судьи. Между тем отсутствие специального намерения судьи вынести неправосудное решение не должно расцениваться как исключаящее его ответственность. Нередко судебная ошибка квалифицируется как дисциплинарный проступок.

В этом случае судья, за исключением судьи Конституционного Суда Российской Федерации, несет ответственность в зависимости от занимаемой им должности либо перед квалификационной коллегией судей субъекта Российской Федерации, либо перед Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации. Однако, исключительно теоретически, если судебная ошибка повлекла существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства вследствие недобросовестного или небрежного отношения судьи к своим должностным обязанностям, то такое действие может быть квалифицировано как преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ.

Указанной позиции придерживается А.Ю. Карташов, который отмечает, что небрежность, ненадлежащее исполнение судьей своих обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе, повлекшие существенное на-

рушение прав и законных интересов граждан, могут квалифицироваться как преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ [5, с. 84]. Аналогичное мнение высказали Н.А. Власова, Е.Б. Кургузкина [6, с. 5].

Ряд авторов причинами судебных ошибок назвали профессиональную деформацию судей, выражающуюся в безразличии к людям и их судьбе либо явной некомпетентности и неподготовленности к сложной юридической деятельности, включая незнание элементарных правовых требований и неумение грамотно разрешать дело [7, с. 604].

Л.А. Спектор отмечает, что именно прямой умысел заставляет судей при явных нарушениях норм Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) выносить неправосудный приговор. Именно прямой умысел характеризует деятельность судей кассационной и надзорной инстанций, которые, проявляя корпоративность, подтверждают правильность неправосудного приговора без внимательного подхода к изучению и проверке доводов осужденного и его защитника, отвергая их без требуемой аргументации. Это касается и судей Верховного Суда Российской Федерации. Причем нередко из кассационной или надзорной жалобы выдвигаются два-три довода осужденного и его защитника, а остальные просто игнорируются. Таким образом, сами кассационные и надзорные инстанции всех уровней порождают поток излишних жалоб [8, с. 337 — 338].

А.В. Титова полагает, что добросовестное заблуждение судьи относительно сделанного вывода по делу исключает уголовную ответственность, так же, как и при ошибке, допущенной судьей вследствие недостаточной квалификации. Однако если судебная ошибка явилась результатом небрежности, то при существенном нарушении прав и закон-

ных интересов граждан, общества или государству содеянное квалифицируется по ст. 293 УК РФ [9, с. 154 — 155].

Судебная ошибка может быть выражена в различной форме и совершена в любой период судебного разбирательства, с момента принятия судьей в производство дела и до провозглашения итогового судебного акта.

Представляется, что причинами ошибочного поведения судьи могут быть различные обстоятельства, с которыми он может столкнуться в повседневной своей профессиональной деятельности. К таким обстоятельствам относятся: недостаточная подготовка к процессу, незнакомство со всеми материалами дела, избыточная самонадеянность либо доверчивость без перепроверки действий и решений, принимаемых секретарем судебных заседаний или помощником судьи, загруженность в работе, спешка в принятии решения, желание ускорить процесс, использование упрощенных форм судопроизводства (например, особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам), восприятие общественного давления по резонансному делу, страх отмены судебного акта вышестоящей судебной инстанцией и так далее.

В судебной практике встречаются случаи, когда в результате неоднократного пересмотра судебного решения судебными инстанциями разного уровня и на разных этапах судопроизводства принимались разнообразные решения, что свидетельствует о правовой неопределенности при принятии окончательного решения по делу, порождает волокиту, подрывает основное назначение судопроизводства.

Так, Демским районным судом г. Уфы Республики Башкортостан 22 июня 2021 года Б. осужден по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ к двум годам лишения свободы. В качестве компенсации морального вреда в пользу В. взыскано 500 тыс. рублей.

Приговор оспорен государственным обвинителем и обжалован потерпевшим вследствие чрезмерной мягкости назначенного Б. наказания и необходимости увеличения размера компенсации морального вреда.

Верховным судом Республики Башкортостан 24 августа 2021 года приговор отменен, дело направлено на новое рассмотрение ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

При этом суд апелляционной инстанции указал, что доводы апелляционных представлений и жалобы о несогласии с приговором по иным основаниям подлежат оценке судом первой инстанции.

По результатам нового судебного рассмотрения 28 марта 2022 года Б. осужден к двум годам шести месяцам лишения свободы, взыскано 800 тыс. рублей в качестве компенсации морального вреда в пользу В.

Верховным судом Республики Башкортостан 26 мая 2022 года по доводам апелляционных представления и жалобы потерпевшего осужденному Б. усилено наказание до пяти лет лишения свободы, размер компенсации морального вреда увеличен до 1 млн рублей.

Шестой кассационный суд общей юрисдикции 21 декабря 2022 года смягчил наказание Б. до одного года одиннадцати месяцев лишения свободы, а также снизил размер компенсации морального вреда до 500 тыс. рублей, указав при этом, что суд первой инстанции при новом рассмотрении дела не вправе назначать более строгое наказание и увеличивать размер компенсации морального вреда, поскольку предыдущий приговор отменен не по основаниям, ухудшающим положение осужденного.

Между тем кассационный суд общей юрисдикции не учел, что апелляционная инстанция, отменяя 24 августа 2021 года первый приговор от 22 июня 2021 года ввиду существенных нарушений норм уголовно-процессуально-

го закона и возвращая уголовное дело на новое рассмотрение, в определении указала на необходимость оценки при новом судебном разбирательстве в суде первой инстанции остальных доводов, содержащихся в апелляционных представлениях и жалобе, в числе которых — о чрезмерной мягкости назначенного Б. наказания.

При таких данных при новом рассмотрении уголовного дела у суда первой инстанции имелись процессуальные основания для принятия решения о назначении Б. более строгого наказания.

Кроме того, суд апелляционной инстанции внес изменения в приговор от 28 марта 2022 года, ухудшающие положение осужденного, при наличии к тому также надлежащего повода — апелляционных представления и жалобы потерпевшего В., в которых приводились доводы о необходимости назначения Б. более строгого наказания и увеличения суммы компенсации морального вреда.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2022 года и направила уголовное дело на новое кассационное рассмотрение, в ходе которого 23 января 2024 года судебные решения в отношении Б. оставлены без изменения¹.

Для дополнительного отражения сути судебных ошибок приведем их классификацию, которая в известной степени является условной:

в зависимости от вида правовых источников судебные ошибки подразделяются на материальные и процессуальные;

по характеру и степени нарушений можно выделить существенные судебные ошибки (например, признание

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2023 г. № 49-УД23-24-К6 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 23.01.2025).

виновным в преступлении лица, не причастного к его совершению) и не существенные (например, неудовлетворение ходатайства о приобщении сведений, дополнительно характеризующих участников процесса);

в зависимости от стадии процесса они могут быть обозначены как промежуточные и окончательные;

системные и несистемные, если ошибки допущены в конкретном деле или допускаются в других смежных делах;

заимствованные (допущенные изначально дознавателем или следователем и не устраненные в ходе судебного рассмотрения) и самостоятельные (допущенные лично судьей);

очевидные и неочевидные (скрытые, например, когда не были непосредственно допрошены свидетели по делу, а исследованы лишь их показания, содержащиеся в протоколах их допроса);

устраняемые и неустраняемые. Как правило, к первым относятся ошибки технического характера (описки), которые могут быть исправлены судьей, принявшим решение самостоятельно, путем вынесения отдельного процессуального документа или разъяснения отдельных положений. Неустраняемые ошибки касаются существа рассмотренных вопросов, поэтому могут быть исправлены путем отмены итогового решения и повторного рассмотрения дела.

Цена судебной ошибки порой бывает очень высока, поскольку она может привести к осуждению невиновного либо к освобождению от ответственности лица, совершившего правонарушение.

А.Ю. Карташов предлагает разделить судебные ошибки по основанию оправдания:

недоказанность совершения подсудимым преступления;

доказанность совершения преступления не обвиняемым.

Автор пришел к выводу, что закон, юридически приравнивающий недока-

занную виновность к доказанной невиновности, исходит из давно сформулированного положения: лучше позволить некоторому числу преступников, вину которых не удалось доказать, уклониться от правовой ответственности, чем обрушить уголовную репрессию на головы невиновных. Правильность этого положения подтверждена историческим опытом и не может вызывать сомнений, осуждение невиновного — более опасный вид судебной ошибки, чем оправдание преступника [5, с. 99, 101].

В правоприменении встречаются судебные ошибки технического, математического и грамматического свойства (опечатки, неверное написание даты, данных о лицах, вычислительные ошибки), правоприменительные (ссылка на недействующий правовой регулятор или неверный выбор нормы права, подлежащей применению).

Судебные ошибки любого свойства могут привести к грубому нарушению соответствующих прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также иных лиц, являющихся субъектами правоотношений, что, в свою очередь, препятствует реализации задач национального судопроизводства. В данном случае особое уголовно-правовое значение приобретают не любые ошибки, а те из них, которые в силу их существенности могут свидетельствовать о неправосудности судебного акта, а следовательно, влекут его отмену.

В теории и на практике такие судебные ошибки принято называть существенными (квалифицированными), которые нельзя обойти либо устранить, поскольку они и определяют незаконность (неправосудность) судебного решения, влекут нарушение прав участников судопроизводства и наступление неблагоприятных последствий для них.

Приведенное суждение и анализ законодательства позволяют определить три важных признака судебной ошибки, позволяющих причислить ее к существенным: фактическое нарушение закона, его последствие в виде нарушения прав участников судопроизводства или иных лиц, невозможность исправления ошибки иначе, как отменив судебный акт.

Установление существенной судебной ошибки, допущенной при судебном рассмотрении дела, влечет отмену или изменение принятого судебного акта, его пересмотр с принятием мер по устранению допущенной ошибки и постановление нового судебного решения. Действующие процессуальные кодифицированные источники устанавливают основания отмены и изменения судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Указанные основания и есть существенные судебные ошибки, которые прямо предусмотрены законом или решениями высших судебных инстанций.

Так, согласно ст. 389.17 УПК РФ основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных настоящим Кодексом прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Далее в части второй указанной статьи приводится исчерпывающий перечень оснований отмены или изменения судебного решения: прекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных ст. 254 настоящего Кодекса; вынесение судом решения незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей; рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных чч. 4 и 5 ст. 247

настоящего Кодекса; рассмотрение уголовного дела без участия защитника, если его участие является обязательным в соответствии с настоящим Кодексом, или с иным нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника; нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика; непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон; непредоставление подсудимому последнего слова; нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора; обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми; отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении; отсутствие протокола судебного заседания.

Основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке, предусмотренном ст. 401.15 УПК РФ, являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, либо выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

По сути, аналогичными по содержанию в силу требований ст. 412.9 УПК РФ являются основания отмены или изменения приговора, определения или постановления суда в порядке надзора.

Судебные ошибки, прямо указанные в законе, являются безусловным основанием для отмены судебного акта. Так, отсутствие подписи судьи в вынесенном решении повлекло признание его незаконным.

Ленинским районным судом г. Владивостока Приморского края 10 января 2022 года Ф. осужден по ч. 3 ст. 33, ч. 1

ст. 303, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, Ш. — по ч. 1 ст. 303, ч. 3 ч. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ. По делу осужден также К.

Приморским краевым судом 18 апреля 2022 года в отношении Ф. и Ш. в приговор внесены незначительные изменения, зачтено в срок лишения свободы время содержания под стражей и домашнего ареста.

Девятым кассационным судом общей юрисдикции 1 ноября 2022 года в срок лишения свободы Ш. зачтено время нахождения под домашним арестом. Судебные решения в отношении Ф. оставлены без изменения.

При этом, как следует из протокола судебного заседания суда кассационной инстанции, дело рассмотрено в составе судей Д. (председательствующей), Х. и В., однако кассационное определение подписано судьями Д., Х. и судьей Б., который не принимал участия в его рассмотрении.

Судьей В. определение не подписано, что повлекло существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 401.14 УПК РФ), поэтому Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации кассационное определение в отношении Ф. и Ш. отменено, дело направлено на новое рассмотрение, в ходе которого 4 августа 2023 года в судебные решения внесены изменения в части зачета времени нахождения Ш. под домашним арестом¹.

Не станем перечислять основания изменения или отмены судами решений нижестоящих судов, предусмотренные процессуальными нормами всех отраслей права, остановимся лишь на ст. 330 ГПК РФ, определяющей основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке. К их числу отнесены: неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела; недоказанность установленных

судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела; несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела; нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

Неправильным применением норм материального права являются: неприменение закона, подлежащего применению; применение закона, не подлежащего применению; неправильное истолкование закона.

К основаниям для отмены решения суда первой инстанции в любом случае относятся: рассмотрение дела судом в незаконном составе; рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания; нарушение правила о языке, на котором ведется судебное производство; принятие судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле; решение суда не подписано судьей или кем-либо из судей либо решение суда подписано не тем судьей или не теми судьями, которые входили в состав суда, рассматривавшего дело; отсутствие в деле протокола судебного заседания в письменной форме или подписание его не теми лицами, которые указаны в ст. 230 ГПК РФ, в случае отсутствия аудио- или видеозаписи судебного заседания; нарушение правила о тайне совещания судей при принятии решения.

При пересмотре приговора Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 24 декабря 2019 года, а вместе с ним апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 20 июля 2020 года и кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 декабря 2021 года в отношении О. Верховным Судом Российской Федерации установлены основания

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 56-УД23-8-К9 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.vsrp.ru/> (дата обращения: 23.01.2025).

для изменения всех судебных решений, которые остались без внимания трех судебных инстанций.

Как следует из кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2024 года, суд, признав О. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, и назначив ему шесть месяцев исправительных работ, в нарушение требований ч. 3 ст. 50 УК РФ не определил процент удержания из заработка осужденного в доход государства, т. е. фактически не назначил наказание по данной статье.

При этом суд сослался на ч. 1 ст. 401.35 УПК РФ, указав, что по делу допущено существенное нарушение уголовного и уголовно-процессуального закона, а именно ч. 3 ст. 50 УК РФ и ч. 1 ст. 308 УПК РФ, обязывающей суды в резолютивной части обвинительного приговора указывать вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление¹.

В целях обеспечения единства правоприменительной практики и дачи разъяснений по вопросам применения законодательства Пленум Верховного Суда Российской Федерации наделен правом издания постановлений по общим и отдельным вопросам правосудия, обязывающих суды всех уровней разрешать дела в точном соответствии с законом.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации играют роль обязательных правовых рекомендаций, своего рода инструмента профилактики судебных ошибок. Так, в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» указано, что в силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан

на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т. д.), толкуются в пользу подсудимого. Признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора.

Данный пункт Постановления содержит положения, предостерегающие суды от судебных ошибок. Классифицируя судебные ошибки, мы указывали, что они могут быть заимствованные, т. е. допущенные, например, следственными органами. При поступлении уголовного дела в суд судье надлежит проверить, не имеется ли в уголовном деле оснований, препятствующих его рассмотрению.

В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовных дел прокурору» выделены два основополагающих критерия, которыми должен руководствоваться суд при оценке поступившего к нему уголовного дела и принятии решения в порядке ст. 237 УПК РФ.

Во-первых, допущенные нарушения исключают возможность постановления законного, обоснованного и справедливого приговора или иного итогового судебного решения по делу.

Во-вторых, допущенные нарушения являются неустранимыми при судебном разбирательстве. Фактически в рассматриваемом Постановлении Верховный Суд Российской Федерации, говоря об ошибках, допущенных на досудебной стадии уголовного судопроизводства, выделяет ошибки, которые являются существенными, т. е., с одной стороны, противоречат требованиям закона и вле-

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2024 г. № 78-УД24-13-К3// Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 23.01.2025).

кут нарушение прав участников уголовного судопроизводства, а с другой — не могут быть устранены в судебном заседании.

Так, согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 39, если в соответствии с требованиями ст. 196 УПК РФ производство судебной экспертизы в ходе предварительного расследования обязательно, то по смыслу этой нормы отсутствие в материалах дела соответствующего заключения эксперта и указания на него в обвинительном документе является существенным нарушением закона, допущенным при составлении обвинительного документа,

исключающим возможность принятия судом на его основе решения по существу дела.

Таким образом, судебной ошибкой следует признать неумышленные действие или бездействие судьи при рассмотрении дела или материалов, находящихся в его производстве, в результате которых допущены нарушения закона, повлекшие принятие неправомерного (незаконного) судебного акта.

При этом в силу прямого указания в законе судебную ошибку можно признать существенной, что является безусловным основанием для признания судебного акта незаконным и подлежащим отмене.

Список источников

1. Кузнецов В.В. Уголовно-правовая ответственность за вынесение заведомо неправомерного судебного акта. Москва : Юрид. лит., 2008, 246 с.
2. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. М.А. Витт. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 133 с.
3. Терехова Л.А. Характеристика судебной ошибки // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 6. С. 2 — 6.
4. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы : монография. Москва : Проспект, 2010. 560 с.
5. Карташов А.Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправомерного приговора, решения или иного судебного акта : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Карташов Александр Юрьевич. Ставрополь, 2004. 171 с.
6. Власова Н.А., Кургузкина Е.Б. Вынесение заведомо неправомерных приговора, решения или иного судебного акта: вопросы квалификации // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 2. С. 1 — 6.
7. Криминология : учебник / С.Б. Алимов, Ю.М. Антонян, С.П. Бузынова [и др.] ; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2006. 734 с.
8. Спектор Л.А. Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Спектор Людмила Александровна. Ростов-на-Дону, 2010. 438 с.
9. Титова А.В. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправомерных приговора, решения или иного судебного акта : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Титова Анна Владимировна. Ростов-на-Дону, 2010. 209 с.

Информация об авторе

Д.М. Бычихин — прокурор Питкярантского района Республики Карелия.

Information about the author

D.M. Bychikhin — Prosecutor of the Pitkyaranta district, the Republic of Karelia.

Научная статья
УДК 341

ЭКСТРАДИЦИЯ, ДЕПОРТАЦИЯ, РЕПАТРИАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ДРУГИХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ, СВЯЗАННЫХ С ПЕРЕСЕЧЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Геннадий Павлович ЕРМОЛОВИЧ

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия, ermspb@list.ru*

Аннотация. В статье обращается внимание на необоснованное игнорирование отечественным законодателем ряда многосторонних договоров с участием России относительно экстрадиции. Автор дает сравнительный анализ правовых институтов различных отраслей права, связанных с пересечением государственной границы, указывая на неправомерную трактовку отдельных универсальных терминов в отечественной научной литературе.

Ключевые слова: экстрадиция, выдача, передача, выдворение, депортация, интернирование, репатриация, реадмиссия, обмен

Для цитирования: Ермолович Г.П. Экстрадиция, депортация, репатриация и особенности других правовых институтов, связанных с пересечением государственной границы // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 34 – 40.

Original article

EXTRADITION, DEPORTATION, REPATRIATION AND SPECIFIC FEATURES OF OTHER LEGAL INSTITUTIONS RELATED TO CROSSING THE STATE BORDER

Gennady P. ERMOLOVICH

*St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia,
ermspb@list.ru*

Abstract. The article draws attention to the unjustified neglect by the domestic legislator of several multilateral treaties involving Russia concerning extradition. The author provides a comparative analysis of legal institutions from various branches of law associated with state border crossing, pointing out the misinterpretation of certain universal terms in domestic academic literature.

Keywords: extradition, surrender, transfer, expulsion, deportation, internment, repatriation, readmission, exchange

For citation: Ermolovich G.P. Extradition, deportation, repatriation and specific features of other legal institutions related to crossing the state border. Criminalist. 2025;4(53):34-40. (In Russ.).

Основанием для написания данной статьи послужила необходимость анализа специальной терминологии, при-

меняемой в отечественной научной литературе и нормативных актах по вопросам пересечения государственной

© Ермолович Г.П., 2025

границы, которое имеет разные причины, целевые установки [1] и правовое значение.

Известно, что помимо личных причин, связанных с международным туризмом, перемещение через государственную границу физических лиц возможно и в принудительном порядке, а также в особых случаях, когда граждане вынужденно покинули территорию своей родины или место постоянного проживания.

Наиболее известным институтом в сфере уголовно-правовых отношений, связанных с пересечением границы, является экстрадиция. Экстрадиция — это процедура, согласно которой, государство, под чьей уголовной юрисдикцией преследуется лицо, запрашивает и получает его у страны, где оно находится, с целью предания суду или исполнения наказания [2, с. 84]. Так, в российском законодательстве под экстрадицией понимают выдачу лица запрашивающему государству на основе норм национального законодательства и международного двустороннего договора с государством. При этом отечественным законодателем игнорируются многосторонние договоры, например Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, которая действует в отношениях с государствами — участниками Содружества Независимых Государств, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (ратифицирована Россией 26 апреля 2004 года), Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 года (ратифицирована Россией 10 июля 2002 года) и т. д., а упоминаются только двусторонние договоры, хотя все они могут служить правовой основой для такой процедуры.

Если расширить правовую основу сотрудничества, то институт экстрадиции, закрепленный в двустороннем или многостороннем договоре, по-прежнему бу-

дет касаться двух категорий физических лиц: обвиняемых и осужденных.

В настоящее время Российская Федерация может направить иностранному государству запрос о выдаче ей лица для уголовного преследования или исполнения приговора на основании международного договора Российской Федерации с этим государством или письменного обязательства Генерального прокурора Российской Федерации выдавать в будущем на основе принципа взаимности этому государству лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 460 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; далее — УПК РФ).

Полагаю, что с учетом расширения правовой основы выдачи данная статья должна звучать следующим образом: «Российская Федерация может направить иностранному государству запрос о выдаче ей лица для уголовного преследования или исполнения приговора на основании двустороннего или многостороннего договора, если оба государства являются его участниками, или письменного обязательства Генерального прокурора Российской Федерации выдавать в будущем на основе принципа взаимности этому государству лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации».

В любом случае имеется в виду то, что, во-первых, этот институт касается тех, кто скрывается от следствия за рубежом.

При обращении иностранного государства с запросом о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства, находящегося на территории Российской Федерации, для уголовного преследования или исполнения приговора в рамках межведомственного сотрудничества необходимо установить местонахождение указанного лица и решить вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, прежде чем он будет выдан запрашивающему государству. Отечественные

исследователи, определяя данный этап экстрадиции, характеризуют его различными терминами: «временный арест» [3, с. 273], «прелиминарный арест» [4, с. 207 – 213]), «предварительный арест» [5, с. 87], а также «предварительный (прелиминарный) арест» [6, с. 69]), который может длиться до 15 суток.

Если в силу каких-либо объективных обстоятельств выдача в этот срок не будет осуществлена и требуется еще какое-то время для «улаживания всех формальностей», то содержание под стражей можно продлить максимально до 30 суток, но по истечении этого времени лицо будет освобождено (ч. 3 ст. 467 УПК РФ). Отметим, что эта норма полностью соответствует норме международного права, например закрепленной в ст. 82 Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной 2 октября 2002 года и ратифицированной Россией 15 мая 2023 года [7, с. 2085].

Во-вторых, речь может идти о выдаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого лицо является. Данная процедура регламентирована в главе 55 УПК РФ. При этом если Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем принято положительное решение о выдаче и лицо, подлежащее выдаче, находится на территории России, то оно может обратиться в суд с жалобой, если надеется, что таким образом удастся избежать экстрадиции. С этой целью, как правило, в суде приводятся разные доводы: от желания получить политическое убежище в России, до опасения, что к нему на родине будут применяться пытки, насилие или унижение чести и достоинства.

Однако согласно ч. 6 ст. 463 УПК РФ «в ходе судебного рассмотрения суд не обсуждает вопросы виновности лица, принесшего жалобу, ограничиваясь проверкой соответствия решения о выдаче

данного лица законодательству и международным договорам Российской Федерации» [8, с. 598].

Если в Российскую Федерацию поступит запрос из-за рубежа о выдаче подследственного или осужденного, но следствие не окончено или срок заключения еще не закончился, то по решению Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя на основании международного соглашения между государствами и при соблюдении интересов отечественного правосудия возможна выдача подследственного или осужденного с пересечением Государственной границы России на определенный период. Данный правовой институт — выдача лица на время¹ регламентирован в соответствии с ч. 2 ст. 465 УПК РФ. Однако напомним, что согласно ст. 61 Конституции Российской Федерации выдаче из России подлежат только иностранные граждане и лица без гражданства. Граждане России не подлежат высылке или выдаче за пределы территории России, и эта императивная норма соответствует конституционным положениям большинства государств в мире [9, с. 511].

Следующим правовым институтом, связанным с пересечением Государственной границы Российской Федерации, является передача лица. Передача осужденного к лишению свободы осуществляется на основании ст. 469 УПК РФ в соответствии с действующим международным договором между государствами либо письменным соглашением компетентных органов государств на основе принципа взаимности. Распространяется данный институт как на граждан Российской Федерации, так и на иностранных граждан.

Что касается апатридов, осужденных к лишению свободы, то вопрос о переда-

¹ Подробнее см.: Лазутин Л.А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс : монография. Екатеринбург : Уральская гос. юрид. акад., 2008. С. 274 – 275.

че их в страну постоянного проживания законом не урегулирован и в каждом конкретном случае решается исходя из доброй воли государств.

Также возможна передача лица для исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, применения условного осуждения или отсрочки отбывания (исполнения) наказания. Данный правовой институт регламентирован ст. 469.1 УПК РФ и применяется в отношении граждан государств в соответствии с действующим международным договором или принципом взаимности.

Правовое значение института передачи лица заключается в том, что он регламентируется нормами национального и международного права, применяется к гражданам Российской Федерации, иностранным гражданам и апатридам, но действует только в сфере уголовно-правовых отношений.

Очередным часто используемым термином, касающимся принудительного пересечения государственной границы, является «выдворение» иностранных граждан и апатридов в сфере административных правоотношений. Так, согласно ст. 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства является одним из видов административного наказания, которое применяется в случае нарушения режима Государственной границы Российской Федерации (ч. 2 ст. 18.1 КоАП РФ), нарушения режима пропуска через Государственную границу Российской Федерации (ч. 2 ст. 18.4 КоАП РФ), нарушения режима пребывания в Российской Федерации, связанного с несоблюдением порядка регистрации, передвижения, выбора места жительства или транзитного проезда через территорию России (ст. 18.8 КоАП РФ), нарушения правил привлечения и использования в Российской Федерации иностранной рабочей

силы (п. 2 ст. 18.10 КоАП РФ), нарушения иммиграционных правил (ст. 18.11 КоАП РФ).

В зависимости от совершенного правонарушения исполнение постановления об административном выдворении возлагается на российские органы пограничной службы ФСБ России, МВД России и ФМС России, а осуществляется данная процедура либо путем официальной передачи лица властям иностранного государства, либо путем самостоятельного контролируемого выезда за пределы Российской Федерации (ст. 32.10 КоАП РФ).

Экстрадицию, выдачу на время и выдворение объединяет то, что эти правовые институты распространяются на идентичные субъекты, ибо касаются только апатридов и иностранных граждан, но действуют они в разных отраслях права, регулируя различные общественные отношения.

Следующий правовой институт, связанный с перемещением граждан через государственную границу, носит название депортация. Этот термин в научной литературе иногда заменяют другими общепринятыми терминами — принудительная высылка или принудительное выдворение. Примером может служить определение депортации в ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 года) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в которой указывается, что «депортация — это принудительная высылка иностранного гражданина из Российской Федерации...». Этот же смысл термина «депортация» отражен в Словаре международного права, где сказано, что это «принудительное выдворение лица в другое государство, обычно под конвоем, применяется в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, незаконно въехавших в то или иное государство» [10, с. 82].

В Российской Федерации депортация применяется в административно-пра-

вовой сфере с целью заставить правонарушителя покинуть пределы России. При отсутствии у лица легального права находиться на территории Российской Федерации органы МВД России и ФМС России направляют соответствующее ходатайство в суд, который и назначает наказание в виде выдворения иностранного гражданина или апатрида за пределы Российской Федерации. Таким образом, депортация — это институт реагирования государства на административное правонарушение, а выдворение — это мера наказания.

В современном международном праве депортация запрещена и рассматривается как международное преступление. Запрещение депортации населения оккупированных территорий закреплено в ст. 49 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 года, где депортация определена как преступление против человечности и как военное преступление [11, с. 37], что, кстати, соответствует более современной практике Международного уголовного суда и ст. 7.2 п. «d», ст. 8 b) п. «viii» Римского статута Международного уголовного суда 1998 года [12, с. 208].

Правовое значение институтов депортации и выдворения состоит в том, что они применяются в одной отрасли национального права, распространяются на одних и тех же субъектов (апатридов и иностранных граждан) и относятся к сфере административно-правового регулирования.

Однако термины «принудительная высылка» и «принудительное выдворение» имеют собственное правовое значение. Так, в международном праве принудительное перемещение населения в пределах границ конкретного государства по решению административных или военных властей рассматривается как интернирование. В истории нашей страны был период, когда в годы Великой Отечественной войны принудительно переселяли чеченцев, ингушей,

крымских татар и представителей других народов, называя это депортацией [13, с. 172 — 176; 14, с. 137 — 143], что не соответствовало принятой в юриспруденции терминологии.

Правовое значение интернирования в международных вооруженных конфликтах заключается в принятии мер безопасности для населения. Места интернирования должны быть оборудованы всем необходимым для проживания, питания, медицинского обслуживания в соответствии с нормами международного гуманитарного права. По окончании международного вооруженного конфликта режим интернирования отменяется.

Для немеждународных вооруженных конфликтов режим интернирования не предусмотрен. Поэтому в отличие от экстрадиции, выдачи на время, депортации, выдворения интернирование регламентируется только нормами международного гуманитарного права, а его субъектами является все население государства, находящееся в опасной близости от зоны международного конфликта.

Репатриация — еще один правовой институт, связанный с пересечением государственной границы, а именно с возвращением граждан на родину или апатридов в страну постоянного проживания. Этот процесс может происходить как в мирное, так и в военное время. Если перемещенные лица вынужденно находились вне пределов государства, например боясь преследования за свои политические, религиозные и иные убеждения, укрываясь от стихийного бедствия, а потом эти обстоятельства изменились, то их массовое возвращение на родину рассматривалось как репатриация. Так, после окончания Второй мировой войны происходила массовая репатриация населения многих европейских государств. Советские граждане возвращались на родину после того, как принудительно были вывезены для работы за пределы своего государства.

Граждане других стран возвращались домой зачастую как беженцы. Апатриды возвращались в страну постоянного проживания.

Правовое значение репатриации состоит в том, что данный правовой институт регламентируется нормами как международного, так и национального права. Распространяется как на граждан, так и на апатридов, если они ранее постоянно проживали на территории страны, куда они возвращаются.

Определенный интерес представляет такой правовой институт пересечения государственной границы, как реадмиссия, он является специальным и действует на основе подписанных двусторонних соглашений между государствами. Так, у Российской Федерации есть такие договоры с Европейским союзом, Норвегией, Сербией, а также многими странами постсоветского пространства, например Литвой, Украиной, Узбекистаном, Арменией и другими странами. Такой договор есть между Республикой Беларусь и Европейским союзом — Соглашение о реадмиссии лиц, пребывающих без разрешения, согласно которому участники Договора будут осуществлять обратный прием своих граждан, граждан третьих государств и лиц без гражданства, которые не соответствуют либо перестали соответствовать критериям легальности на территориях друг друга¹.

Правовое значение реадмиссии состоит в том, что данный правовой институт регламентируется нормами национального, международного права и распространяется на всех лиц, нарушивших правила пребывания в государстве.

Наконец, требуют разъяснения действия государств, которые связаны с пересечением государственной границы в качестве обмена конкретными лицами,

совершившими реальные или сфальсифицированные преступления за рубежом. Такие обмены предпринимаются исключительно ради высокой политики. Для этой цели (обмена) наличие двустороннего или многостороннего договора между государствами не требуется. Согласно установившейся международной практике, обмен возможен только после вынесения приговора и вступления его в законную силу в отношении конкретного лица. Политическое решение об обмене принимают главы государств или те лица, в полномочия которых входит помилование осужденных. Обмен, как правило, происходит на территории третьих стран, поэтому обмениваемые лица неизбежно пересекают границы нескольких заинтересованных государств. Однако такое политическое решение не может быть оформлено без одного, но очень важного юридического документа — акта о помиловании осужденного. При этом не обязательно, чтобы обмену подлежало одинаковое количество лиц с каждой стороны.

Обмен конкретных лиц — это право, а не обязанность суверенного государства. Обычно обмен предваряют консультации и контакты между государствами, а сама процедура обмена служит созданию более благоприятной обстановки для дальнейшего переговорного процесса между государствами. Сюда же можно отнести и обмен тяжелооблегченными военнопленными в рамках международного вооруженного конфликта, поскольку такой обмен способствует смягчению военно-политического противостояния между государствами, служит укреплению мер доверия между договаривающимися странами и специально не регулируется нормами национального или международного права, но рассматривается в данной статье исключительно в связи с пересечением лицом государственной границы.

Таким образом, все рассмотренные правовые институты, хотя и регулируются разными отраслями права, но они

¹ Подробнее см.: Соглашение между Республикой Беларусь и Европейским союзом о реадмиссии лиц, пребывающих без разрешения от 8 января 2020 г. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=102000002> (дата обращения: 30.05.2025).

объединены единой государственной политикой страны, направленной на поддержание правопорядка, и демонстрируют полномочия государства по реализации «исполнительной (предпри-

сательной) юрисдикции» [15, с. 41], что является проявлением государственного суверенитета как внутри страны, так и на международной арене.

Список источников

1. Чернышёв К.И. Административное выдворение и депортация: юридическая природа и целевая направленность санкций // Наука. Общество. Государство : электрон. науч. журн. 2015. Т. 3, № 4 (12). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 30.05.2025).
2. Ермолович Г.П. Международное сотрудничество в борьбе с экономическими преступлениями : учеб. пособие. Санкт-Петербург : Гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2021. 151 с.
3. Бойцов А.И. Выдача преступников. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 795 с.
4. Россинский С.Б. Прелиминарный «полицейский» арест как средство обеспечения уголовного преследования // Юристъ-правоведъ. 2024. № 1 (108). С. 207 — 213.
5. Овчинский В.С. Интерпол в вопросах и ответах : учеб. пособие. Москва : ИНФРА-М, 2010. 368 с.
6. Бастрыкин А.И., Александрова О.И. Уголовные дела с участием иностранцев (вопросы тактики, организации и методики расследования) : науч.-практ. пособие. Санкт-Петербург : Северо-Западный фил. Российской правовой акад. — С.-Петерб. юрид. ин-т, 2003. 368 с.
7. Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. Ч. 2 / сост. и авт. вступ. ст. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Москва : Прогресс, 2006. 1456 с.
8. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Москва : Проспект, 2022. 640 с.
9. Ермолович Г.П. Право и политика в области уголовного судопроизводства и проблемы ее реализации на международной арене // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах : коллективная монография / Российский гос. педагог. ун-т им. А.И. Герцена [и др.] ; под ред. А.А. Дорской. Санкт-Петербург : Астерион, 2019. 608 с.
10. Словарь международного права / отв. ред. С.А. Егоров. Москва : Статут, 2014. 495 с.
11. Белый И.Ю. Международное преследование за военные преступления: правовые и процессуальные аспекты. Москва : Юркнига, 2004. 256 с.
12. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права : пер. с фр. Москва : Весь Мир, 2017. 1024 с.
13. Исакиева З.С. К вопросу о депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. Ч. 4, № 7 (109). С. 172 — 176.
14. Синицын Ф.Л. Депортации народов как фактор дестабилизации этнической ситуации в Поволжском, Кавказском и Крымском регионах СССР (1941 — 1944 гг.) // Информационная безопасность регионов. 2011. № 2 (9). С. 137 — 143.
15. Ромашев Ю.С. Международное правоохранительное право : монография. 3-е изд., доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. 352 с.

Информация об авторе

Г.П. Ермолович — профессор кафедры публичного права Института технологий предпринимательства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

G.P. Ermolovich — Professor at the Department of public law of the Institute of Entrepreneurial and Legal Technologies, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.46

О СОСТОЯНИИ, ДИНАМИКЕ, ТЕНДЕНЦИЯХ И НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ ПРЕСТУПНОСТИ В ВИДЕ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Екатерина Николаевна ЖЕЛТОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, strukova9852@gmail.com

Аннотация. В статье дана оценка состояния законности в сфере реализации правообладателем исключительных прав на средства индивидуализации, проанализированы состояние и динамика преступности в виде незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг), выработано авторское понятие преступности указанного вида, определены особенности ее структуры и выделены некоторые тенденции; получены данные, свидетельствующие о латентности преступлений, предусмотренных ст. 180 УК РФ, произведен анализ факторов совершения таких преступлений, включая экономический, геополитический, социальный, правовой, технический, духовно-нравственный и виктимологический.

Ключевые слова: средства индивидуализации, товарные знаки, личность преступника, механизм преступного поведения, детерминанты преступности, латентность

Для цитирования: Желтова Е.Н. О состоянии, динамике, тенденциях и некоторых факторах преступности в виде незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 41 – 47.

Original article

ON THE STATE, DYNAMICS, TRENDS, AND CERTAIN FACTORS OF CRIMINAL ACTIVITY IN THE FORM OF ILLEGAL USE OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF GOODS (WORKS, SERVICES)

Ekaterina N. ZHELTOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, strukova9852@gmail.com

Abstract. The article provides an assessment of the state of legality in the sphere of implementation by the right holder of exclusive rights to means of individualization. It analyzes the current state and dynamics of criminality involving illegal use of means of individualization of goods (works, services). The author develops a conceptual definition of this specific type of criminality, determines its structural features, and highlights certain prevailing trends. Additionally, data indicating the latent nature of crimes under Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation has been obtained, and an analysis of factors contributing to the commission of such crimes has been conducted, including economic, geopolitical, social, legal, technical, spiritual-moral, and victimological factors.

Keywords: means of individualization, trademarks, offender personality, criminal behavior mechanism, determinants of crime, latency

For citation: Zheltova E.N. On the state, dynamics, trends, and certain factors of criminal activity in the form of illegal use of means of individualization of goods (works, services). Criminalist. 2025;4(53):41-47. (In Russ.).

© Желтова Е.Н., 2025

В условиях высокого уровня конкуренции производства индивидуализация «брендов» определяет возможность получения высокого дохода. При этом интеллектуальная собственность должна стать реальным активом бизнеса, помогающим привлекать средства на создание или расширение производств, как отметил на пленарном заседании XXVIII Петербургского международного экономического форума В.В. Путин [1].

Рост интереса предпринимателей к правовой охране средств индивидуализации подтверждается количеством заявок, поданных на регистрацию товарных знаков и знаков обслуживания: в 2021 году — 107 030 (в 2022 — 112 041, в 2023 — 143 192, в 2024 — 158 637) [2, с. 128]. Динамика заявок по наименованиям мест происхождения товаров и географическим указаниям скачкообразна [2, с. 133].

Ввиду активного использования бизнес-сообществом института средств индивидуализации возросло значение выработки эффективных механизмов предупреждения правонарушений в указанной сфере. Согласно проведенному НИУ ВШЭ исследованию, доля россиян, которые в течение последних 12 месяцев покупали «подделку», непрерывно растет [3].

По данным исследования Центра стратегических разработок, оборот контрафактной продукции на российском потребительском рынке составляет от 4 до 6 трлн рублей в год [4]. За 2024 год сотрудниками Федеральной таможенной службы выявлено 5,8 млн единиц нелегальной продукции (в 2023 — 4,9 млн) [5].

Распространенность поддельных товаров подтверждается проведенным контент-анализом, по результатам которого получены данные о наличии в сети «Интернет» множества подобных пред-

ложений: аналоги техники известных брендов¹, продукции из кожи², ювелирных изделий³, бритвенных принадлежностей⁴, парфюмерии⁵, одежды⁶, часов⁷, аксессуаров⁸ и др.

¹ Bakharchiev. Наушники беспроводные с микрофоном Apple AirPods Pro 2, Bluetooth, USB Type-C, microUSB, белый. Артикул: 2538514048 // OZON : сайт. URL: https://www.ozon.ru/product/naushniki-besprovodnye-s-mikrofonom-apple-airpods-pro-2-bluetooth-usb-type-c-microusb-belyy-2538514048/?oos_search=false (дата обращения: 28.09.2025).

² Vi.Mark. Ремень брендовый. Артикул: 167720281 // Wildberries. 2004 — 2025 : сайт. URL: <https://www.wildberries.ru/catalog/167720281/detail.aspx> (дата обращения: 28.09.2025) ; Ari-Sali. Сумка реплика Gucci, Dior, Prada, Fendi, Coach, LV и МК. Артикул: 220863128 // Wildberries. 2004 — 2025 : сайт. URL: <https://www.wildberries.ru/catalog/220863128/detail.aspx> (дата обращения: 28.09.2025).

³ Vilange. Серьги бижутерия Картье кольца фианит повседневные Cartier. Артикул: 169208895 // Wildberries. 2004 — 2025 : сайт. URL: <https://www.wildberries.ru/catalog/169208895/detail.aspx> (дата обращения: 28.09.2025).

⁴ Товары. Сменные кассеты для бритвы Fusion 5 реплика. Артикул: 500870144 // Wildberries. 2004 — 2025 : сайт. URL: <https://www.wildberries.ru/catalog/500870144/detail.aspx> (дата обращения: 28.09.2025).

⁵ Lilit. Копия духов известных брендов. Артикул: 165669315 // Wildberries. 2004 — 2025 : сайт. URL: <https://www.wildberries.ru/catalog/165669315/detail.aspx> (дата обращения: 28.09.2025).

⁶ Casual Corner. Lacoste куртка : Объявление № 3554814593 // Авито : сайт. URL: https://www.avito.ru/vladikavkaz/odezhda_obuv_aksessuary/lacoste_kurtka_3554814593?slocation=641270&context=H4sIAAAAAAAAA_wE_AMD_YToyOntzOjEzOiJsbn2NhbFByaW9yaXR5IjtiOjA7czoxOiJ4IjtzOjE2OjVOExiNlPOTFWR3lSYXRSIj9OQTRWz8AAAAA. Дата публикации: 06.09.2025.

⁷ Old money. Casio Часы наручные. Артикул: 1872560315 // OZON : сайт. URL: <https://www.ozon.ru/product/casio-chasy-naruchnye-1872560315/?at=GRt2kq2BKcvJN5jSWOJWPrimn1R5yiO8og9Oh2K65j6>. (дата обращения: 28.09.2025) ; ZakazSpbWatches Копии часов высокого качества // ZakazSpbWatches : сайт. URL: <https://zakazspbwatches.ru/?ysclid=mfwhy1z4kv696079216> (дата обращения: 28.09.2025).

⁸ BRANDPAGE. Копии и реплики брендов одежды, обуви, сумок и аксессуаров //

Кроме того, пользователями создаются сайты, помогающие приобретению поддельных товаров¹. Лица, получившие высокую прибыль от контрафакта, делятся в Интернете своей «историей успеха»².

При этом Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности предусматривает обязательства государств по предоставлению правообладателям гражданско-правовых, административных и уголовных процедур и средств судебной защиты [6]; ст. 44 Конституции Российской Федерации гарантирует охрану законом интеллектуальной собственности.

Так, в 2024 году в суды общей юрисдикции поступило 219 дел о защите права на средства индивидуализации (в 2023 — 245, в 2022 — 375, в 2021 — 183). Возросло количество споров анализируемой категории и в арбитражных судах (в 2024 году окончено производством 20 356 дел, в 2023 — 19 930, в 2022 — 17 821, в 2021 — 12 872) [7].

В 2024 году арбитражными судами рассмотрено 1744 дела о правонарушениях, предусмотренных ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в 2023 — 1822, в 2022 — 3366, в 2021 — 4089; судами общей юрисдикции — в 2024 году — 1172 дела (в 2023 — 1078, в 2022 — 1684,

в 2021 — 2538) [7]. Таким образом, прослеживается снижение количества дел указанной категории.

На международно-правовом уровне обязательства Российской Федерации по установлению уголовно-правовых процедур защиты прав на средства индивидуализации обусловлены положениями ст. 61 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [6]. Кроме того, Соглашение о сотрудничестве в сфере противодействия производству и распространению контрафактной продукции предусматривает уголовно-правовые методы защиты [8]. Содержатся соответствующие положения и в ст. 267 Модельного Уголовного кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств [9].

В российской правовой системе указанные требования реализованы в ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В 2021 году по указанной статье осуждено 507 лиц (по ч. 1 — 256, по ч. 3 — 138, по ч. 4 — 113), в 2022 — 521 (по ч. 1 — 226, по ч. 2 — 1, по ч. 3 — 138, по ч. 4 — 156), в 2023 — 453 (по ч. 1 — 98, по ч. 2 — 1, по ч. 3 — 143, по ч. 4 — 211), в 2024 — 422 (по ч. 1 — 90, по ч. 2 — 16, по ч. 3 — 148, по ч. 4 — 168) [7]. Таким образом, наблюдается снижение показателей преступности.

Особую обеспокоенность вызывает организованная преступность. В 2021 — 2022 годах преобладали деяния, совершенные преступником единолично (ч. 1 ст. 180 УК РФ). В 2023 — 2024 годах большинство осужденных совершили анализируемое преступление в составе организованной группы и группы лиц по предварительному сговору (чч. 3, 4 ст. 180 УК РФ). Так, в 2021 году удельный вес лиц, осужденных по ч. 1 ст. 180 УК РФ, составлял 50 % от всех осужденных за преступления в сфере незаконного использования средств индивидуализации, в 2022 — 43 %, в 2023 — 22 %, в 2024 — 21 % [7].

BRANDPAGE : сайт. URL: <https://brandpage.ru/> (дата обращения: 28.09.2025).

¹ Где можно купить качественные реплики различных брендовых вещей и обуви? : анонимный опрос // Я. Кью : сайт. URL: https://yandex.ru/q/question/gde_mozhno_kupit_kachestvennye_repliki_i_0d330f52/?ysclid=mfwj6gnqs175711858. Дата публикации: 17.07.2018; Хелен Пэн. 10 лучших китайских сайтов-реплик // Honourocean Shipping Co. 2020 : сайт. URL: <https://www.honouroceanshipping.com/ru/the-top-10-chinese-replica-websites/?ysclid=mfwj6r18cs946559201>. Дата публикации: 10.03.2022.

² Black Resell Community Russia. Как я сделал 600.000 продавая реплики брендовых вещей // DARK SIDE : сайт. URL: <https://telegra.ph/Kak-ya-sdelal-600000-prodavaya-repliki-brendovyh-veshchej-12-03?ysclid=mfwj6vihhu495351684>. Дата публикации: 03.12.2019.

В случайной выборке изученных нами уголовных дел также преобладает групповая преступность (68 %). Например, поставщик контрафактных макаронных изделий использовал «преступную схему, требующую сплоченной и скоординированной преступной группы, четкого распределения ролей»¹. Выявлены факты вовлечения в реализацию контрафакта лиц, не осведомленных о преступной деятельности².

Рост активности гражданско-правовой защиты исключительных прав на средства индивидуализации при одновременном снижении количества фактов административного и уголовно-правового преследования свидетельствует о высоком уровне латентности подобных правонарушений. Указанное подтверждается приведенными выше статистическими данными и исследованиями Е.А. Антоновой, И.Н. Байковой, М.Ю. Бондарева, О.А. Бойко, А.Х. Гацлаевой, И.А. Головизниной, А.В. Жайворонка, А.А. Козлова, С.Л. Панова, А.В. Ревягина, Ю.Е. Салеевой, Ю.В. Царевой и др.

Определение факторов незаконного использования средств индивидуализации играет ключевую роль в выработке стратегии противодействия преступности.

Так, возможность получения потенциально высоких доходов путем использования чужого узнаваемого средства индивидуализации в качестве основной детерминанты выделяет Д.Э.О. Ализаде [10, с. 73]. Указанное подтверждается данными судебно-следственной практи-

ки. Например, участники организованной преступной группы, реализующей макаронные изделия, «имели общую цель — незаконное обогащение»³. К реализации поддельного алкоголя преступника побудило то, что «денежных средств на жизнь не хватало»⁴. В другом уголовном деле организатор преступной группы привлекал соучастников, обещая быстрые и значительные доходы⁵.

В последние годы в Россию не поставляется ряд товаров зарубежных брендов, действует санкционный режим, выросли затраты легальных производителей. Потребители отмечают, что «оригинал сейчас добыть трудно»⁶, а сбыт поддельного продукта производится по ценам, не включающим размер акциза и налога на добавленную стоимость⁷.

³ Приговор Фокинского районного суда г. Брянска от 7 октября 2024 г. по делу № 1-205/2024 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/84213041> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴ Приговор Саткинского городского суда Челябинской области от 18 декабря 2024 г. по делу № 1-236/2024 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/84963565> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵ Приговор Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 14 января 2025 г. по делу № 1-11/2025 (1-252/2024) // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/84964717/extended> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶ Где можно купить качественные реплики различных брендовых вещей и обуви? : анонимный опрос // Я. Кью : сайт. URL: https://yandex.ru/q/question/gde_mozhno_kupit_kachestvennye_repliki_i_0d330f52/?ysclid=mfwj6gnqszl75711858. Дата публикации: 17.07.2018; Хелен Пэн. 10 лучших китайских сайтов-реплик // Honourocean Shipping Co. 2020 : сайт. URL: <https://www.honouroceanshipping.com/ru/the-top-10-chinese-replica-websites/?ysclid=mfwj6r18cs946559201>. Дата публикации: 10.03.2022.

⁷ Приговор Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 14 января 2025 г. по делу № 1-11/2025 (1-252/2024) // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/84964717/extended> (дата обращения: 29.09.2025); Приговор Саткинского городского суда Челябинской области № 1-236/2024 от 18 декабря 2024 г. по делу № 1-236/2024 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/84963565> (дата обращения: 29.09.2025).

¹ Приговор Фокинского районного суда г. Брянска от 7 октября 2024 г. по делу № 1-205/2024 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/84213041> (дата обращения: 29.09.2025).

² Приговор Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 14 января 2025 г. по делу № 1-11/2025 (1-252/2024) // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/84964717/extended> (дата обращения: 29.09.2025).

Следует отметить амбивалентное отношение общества к подделкам. Обороту способствует стабильный потребительский спрос [11]. Так, преступник реализовывал алкоголь по ценам значительно ниже рыночных, потребитель понимал, что товар не оригинален¹. При анализе оценки контрафактных товаров, реализуемых в сети «Интернет», выявлены многочисленные положительные отзывы потребителей: «по дизайну практически не отличить от оригинала»², «хотел именно реплику»³, «подарил телефон своей бабуле, теперь она самая модная»⁴.

Кроме того, к причинам контрафакта относят нежелание потребителей защищать свои интересы правовыми методами [12].

Без активной роли производителей оригинальной продукции невозможно эффективно противодействовать указанным преступлениям. В исследовании З.В. Котельниковой отмечается, что к причинам попустительского поведения

ныерешения.рф/84963565 (дата обращения: 29.09.2025).

¹ Приговор Саткинского городского суда Челябинской области от 18 декабря 2024 г. по делу № 1-236/2024 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/84963565> (дата обращения: 29.09.2025).

² Bakharchiev. Наушники беспроводные с микрофоном Apple AirPods Pro 2, Bluetooth, USB Type-C, microUSB, белый. Артикул: 2538514048 // OZON : сайт. URL: https://www.ozon.ru/product/naushniki-besprovodnye-smikrofonom-apple-airpods-pro-2-bluetooth-usb-type-c-microusb-belyy-2538514048/?oos_search=false (дата обращения: 28.09.2025).

³ Олеся П. Хотел именно реплику... : комментарий к товару Наушники проводные с микрофоном, белый, зеркальный. Артикул: 2452237612 // OZON : сайт. URL: <https://www.ozon.ru/product/naushniki-provodnye-smikrofonom-belyy-zerkalnyy-2452237612/?at=16tL3OD0XIPDEmWrCzw6jvnC2pLvkbHygr0NVc3BYRDq>. Дата публикации: 17.09.2025.

⁴ Покупатель Wildberries. Подарил телефон своей... : комментарий к товару Копия iPhone 16 pro max. Артикул: 257215830 // Wildberries. 2004 – 2025 : сайт. URL: <https://www.wildberries.ru/catalog/257215830/detail.aspx>. Дата публикации: 17.09.2025.

правообладателей относятся страх потери деловой репутации, высокий уровень затрат на противодействие подделкам, допущение распространения контрафакта в рекламных целях [13]. Так, представителем потерпевшего заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела ввиду примирения с подсудимой, возмещения последней ущерба, отсутствия претензий у потерпевшей стороны. Вместе с тем подсудимой была организована крупная сеть площадок, реализовывавших контрафактные товары⁵.

Следует выделить и технологическую причину распространения контрафактных товаров. Активное внедрение платформенной экономики способствует усложнению контроля за оригинальностью распространяемой продукции. Одновременно развитие технологий позволяет преступникам производить все более качественные и трудно отличимые от оригинала подделки. Так, покупатель контрафактной продукции отмечает: «Сравнил с оригинальными, почти не отличить»⁶.

Немаловажное значение имеет правовой, в том числе правоприменительный, фактор. К нему относятся трудности квалификации, легализация параллельного импорта, отнесение уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 180 УК РФ, к делам частного обвинения, не позволяющее возбуждать уголовные дела в отсутствие заявления потерпевшего.

⁵ Постановление Хорошевского районного суда г. Москвы о прекращении уголовного дела № 1-384/24 от 4 июля 2024 г. // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/82872206/extended> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶ AbiaTech. Наушники беспроводные AiPods Pro 2 с шумоподавлением для телефона, Bluetooth, Type-C. Артикул: 2748742471 // OZON : сайт. URL: <https://www.ozon.ru/product/naushniki-besprovodnye-airpods-pro-2-s-shumopodavleniem-dlya-telefona-bluetooth-type-c-2748742471/?at=6WtZzMAgJiR0vpqzUOObKykF9YGpxnC6kOV1Vskr2KOq> (дата обращения: 28.09.2025).

Отмечается и «несовершенство организационно-управленческого механизма контроля» [14]. Законодателем ограничен функционал контролирующих и правоохранительных органов. Наблюдается низкое качество работы должностных лиц [15] и недостаточное взаимодействие субъектов профилактики [16, с. 10]. Встречаются факты совершения должностных преступлений. Так, дознаватель осужден по ч. 1 ст. 286 УК РФ за незаконное изъятие и утрату выявленных товаров с признаками контрафактности¹.

Географический фактор незаконного использования средств индивидуализации, большая протяженность территории Российской Федерации, соседство со странами — производителями и транзитерами контрафакта, предопределяет повышенный риск ввоза контрафактного товара с территории Евразийского экономического союза [17].

Случайная выборка изученных уголовных дел показывает, что анализируемые преступления чаще всего совершались в Москве, Брянской, Челябинской и Волгоградской областях, а также в Вологодской, Новосибирской, Костромской, Курганской, Липецкой, Самарской областях, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Забайкальском и Камчатском краях, Республиках Башкортостан, Северная Осетия — Алания. Таким образом, преобладают административно-территориальные единицы, граничащие с территориями Республики Беларусь, Украины, Республики Казахстан,

Монголии, Китайской Народной Республики, Грузии.

Проведенным исследованием выявлены тенденции снижения количества лиц, осужденных за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг), роста групповой преступности. Получены данные о высоком уровне латентности преступлений, предусмотренных ст. 180 УК РФ.

К ведущим факторам незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) следует отнести: высокую прибыль от реализации контрафактного товара при низком уровне издержек; нарушение устоявшихся рыночных механизмов, амбивалентное отношение потребителей к производителям подделок; низкую активность правообладателей средств индивидуализации в деле защиты своих прав; совершенствование технологий копирования при недостаточном развитии средств выявления подделок, правоприменительные трудности, особенности географического положения страны во взаимосвязи с становлением механизмов взаимодействия в рамках единого экономического пространства Евразийского экономического союза.

Таким образом, незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) представляет собой преступность, несущую угрозу экономической безопасности Российской Федерации, способствующую нарушению интересов государства, добросовестных участников рынка, а также потребителей.

Список источников

1. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума : стенограмма // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77222>. Дата публикации: 20.06.2025.

2. Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2024 год / под ред. канд. пед. наук Ю.С. Зубова, д-ра эконом. наук О.П. Неретина. Москва : ФИПС, 2025. 196 с.

¹ Приговор Моздокского районного суда Республики Северная Осетия — Алания от 22 января 2025 г. по делу № 1-297/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pRz7sJOTEfm8/> (дата обращения: 29.09.2025).

3. Котельникова З.В. Кто и почему покупает поддельные товары в России // Вопросы экономики. 2024. № 11. С. 18 – 34.
4. Подходы к противодействию обороту контрафакта в электронной коммерции // Фонд «Центр стратегических разработок» : офиц. сайт. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/podkhody-k-protivodeystviyu-oborota-kontrafakta-v-elektronnoy-kommertsii>. Дата публикации: 02.04.2024.
5. Известия. Поддельная масса: в Россию стали чаще ввозить контрафактную одежду и обувь — комментарий ФТС России // Федеральная таможенная служба : офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/press/pressa-o-nas/document/628729>. Дата публикации: 02.04.2025.
6. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности : приложение 1С к Марракешскому Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации : ратифицировано Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 184-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 28.09.2025).
8. Соглашение о сотрудничестве в сфере противодействия производству и распространению контрафактной продукции от 26 мая 2017 г. Вступило в силу для Российской Федерации 4 июля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Модельный Уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств : принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. : текст с изм. и доп. на 16 нояб. 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Ализаде Д.Э.О. Уголовно-правовая охрана прав на товарный знак (отечественный и зарубежный опыт) : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. ... канд. юрид. наук / Ализаде Джамиль Эльдар Оглы. Москва, 2025. 289 с.
11. Бойко О.А., Ревягин А.В., Панов С.Л. Оборот контрафактных товаров бытовой химии: детерминанты и меры противодействия // Виктимология. 2019. № 1 (19). С. 32 – 39.
12. Бойко О.А., Панов С.Л. Оборот мебельной продукции в Российской Федерации: криминологический-виктимологический аспект // Виктимология. 2018. № 3 (17). С. 67 – 73.
13. Котельникова З.В. Товар с чужим лицом, или почему правообладатели торговых марок попустительствуют контрафакту? // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 4. С. 30 – 48.
14. Семин А.Н., Михайлова Н.С., Сосенков А.В. Контрафактная продукция на потребительском рынке: экономические и правовые аспекты // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 71 – 77.
15. Петров Е.Н. Организационно-правовые проблемы, препятствующие противодействию нарушениям в сфере интеллектуальной собственности // Имущественные отношения в РФ. 2013. № 12 (147). С. 95 – 108.
16. Жайворонок А.В. Незаконное использование товарного знака: криминологическое и уголовно-правовое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Жайворонок Артем Викторович. Москва, 2010. 24 с.
17. Сальникова А.В. Современный российский рынок контрафактной продукции: ведущие факторы и тенденции // Век качества : электрон. период. изд. 2024. № 3. С. 69 – 89. URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2024/324004.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

Информация об авторе

Е.Н. Желтова — помощник прокурора Калининского района г. Санкт-Петербурга, аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

E.N. Zheltova — Assistant Prosecutor of the Kalininsky district of the Prosecutor's Office of St. Petersburg, Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.45

О ЗНАЧЕНИИ ЦЕЛИ ПРИ НАРУШЕНИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Елизавета Андреевна ЗУЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, lizueva113@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается значение цели при совершении преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. В ходе исследования установлено, что нарушение неприкосновенности частной жизни может стать основой для подготовки и совершения другого, более тяжкого преступления корыстной и насильственной направленности. В связи с этим поднимается вопрос о целесообразности включения в ч. 2 ст. 137 УК РФ квалифицирующего признака совершения деяния «с целью облегчения совершения другого преступления». Особое внимание уделяется цели нарушения неприкосновенности частной жизни, реализуемой родителями или иными законными представителями несовершеннолетнего, которая заключается в обеспечении безопасности ребенка. Автором определены критерии привлечения указанных субъектов к уголовной ответственности, а также сформулировано основание для освобождения их от таковой.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, личная тайна, цель преступления, облегчение другого преступления, обеспечение безопасности ребенка

Для цитирования: Зуева Е.А. О значении цели при нарушении неприкосновенности частной жизни // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 48 – 54.

Original article

ON THE SIGNIFICANCE OF PURPOSE IN THE VIOLATION OF THE RIGHT TO PRIVACY

Elizaveta A. ZUEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, lizueva113@gmail.com

Abstract. The article explores the significance of intent in committing an offence under Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research has revealed that violations of the inviolability of private life may serve as a basis for the preparation and commission of another, more serious crime of a theft- or violence-related nature. In this regard, the question arises whether it is advisable to introduce, in Part 2 of Article 137 of the Criminal Code, a qualifying element for an offence committed «with the purpose of facilitating the commission of another crime». Special attention is paid to the purpose underlying the violation of privacy committed by parents or other legal representatives of a minor, which is aimed at ensuring the child's safety. The author defines the criteria for bringing such subjects to criminal accountability and formulates a basis for their exemption from such liability.

Keywords: inviolability of private life, personal secret, purpose of the offence, facilitation of another crime, ensuring the safety of a minor

© Зуева Е.А., 2025

For citation: Zueva E.A. On the significance of purpose in the violation of the right to privacy. *Criminalist*. 2025;4(53):48-54. (In Russ.).

Деятельность человека, включая противоправное поведение, характеризуется целенаправленностью. В доктрине уголовного права цель рассматривается как факультативный признак субъективной стороны преступления и «представляет собой идеальную мысленную модель будущего результата, к достижению которого стремится субъект» [1, с. 82].

Согласно классификации, предложенной В.Е. Косыгиным, цели можно подразделить на четыре группы: 1) влияющие на квалификацию преступления; 2) устраняющие общественную опасность деяния; 3) учитываемые при назначении наказания; 4) характеризующие причины совершения преступления, а также личность лица, его совершившего [2, с. 103].

Норма, закрепленная в ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), предусматривает ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, цель которого не является обязательным признаком состава преступления, т. е. не влияет на квалификацию содеянного, поскольку не служит криминообразующим, квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком. Тем не менее на этапе предварительного расследования определение цели необходимо «для оценки степени социальной деградации виновного, что в дальнейшем будет учитываться при индивидуализации назначения наказания и при выработке стратегии профилактического воздействия на преступника» [3, с. 12–13].

В условиях цифровизации общества нарушение неприкосновенности частной жизни может стать основой для подготовки и совершения другого, более тяжкого преступления. В таких случаях

злоумышленники, собирая сведения, составляющие личную или семейную тайну лица, без его согласия, могут преследовать цель облегчить совершение другого преступления.

Жертвы противоправных деяний иногда сами подвергают себя опасности, размещая личную информацию в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Они оставляют «цифровые следы» — персональные данные, фото-, видеоматериалы о себе и своих близких (место жительства/нахождения, имущественное положение и многое другое), которые могут привлечь внимание злоумышленников. Эти следы можно подразделить на активные (данные, публикуемые по собственному желанию пользователя) и пассивные (данные, собираемые незаметно для пользователя) [4, с. 121]. К первой группе относятся публикации в социальных сетях («МАХ», «ВКонтакте», «Одноклассники»), цифровых контент-платформах («Rutube», «Дзен»), ко второй — информация, получаемая посредством использования сервисов геолокации («LocationPro»), навигации («Яндекс Навигатор», «2ГИС») и сайтов, осуществляющих сбор cookie-файлов.

Появление и развитие цифровых технологий предоставляет преступным элементам новые возможности для получения и использования конфиденциальной информации. Сбор персональных данных из открытых источников может осуществляться с помощью чат-ботов в социальных сетях (например, «Глаз бога», заблокированный по решению суда в 2021 году, и его аналоги) [5]. В условиях, когда лицо ведет непубличный образ жизни или информации из открытых источников недостаточно, злоумыш-

ленники прибегают к преступному способу получения сведений, хранящихся лицом в тайне.

В дальнейшем они могут быть использованы в противоправных целях с применением технологий генерации аудио- и видеоматериалов, имитации голоса и (или) изображения другого человека (deepvoice — дипвойс, deepfake — дипфейк), а также технологий обработки изображений, связанных с распознаванием человеческих лиц (Facial Recognition Technology, FRT). Ошибочно рассматривать сами технологии как источник общественной опасности [6, с. 100], однако их потенциал может быть направлен на реализацию деструктивных целей. Например, технология распознавания лиц по фотографии может быть использована для совершения вымогательства на сайте знакомств [7, с. 89]. Злоумышленники могут идентифицировать личность по изображению, размещенному на онлайн-платформе. Получив информацию о семейном статусе лица и о его намерениях вступить в романтические отношения, они начинают шантажировать жертву, угрожая распространением компрометирующих материалов (переписок, фотографий) супругу.

Так, в современных исследованиях отмечается, что «нарушение неприкосновенности частной жизни наиболее часто рассматривается как способ незаконного обогащения для профессиональных преступников (мошенников, вымогателей, хакеров и т. д.)» [8, с. 78], «опасность украденных личных данных заключается в фальсификации личности для доступа к банковским счетам и кредитным картам» [9, с. 24], «получая доступ к персональным данным человека, они используют дипфейки с целью получения материальной выгоды от потерпевшего» [10, с. 478].

Например, приговором Красноармейского районного суда Краснодарско-

го края осужден мужчина за незаконное собирание и распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну, без его согласия (ч. 1 ст. 137 УК РФ) и за вымогательство, т. е. требование передачи чужого имущества под угрозой распространения сведений, позорящих близких потерпевшего (ч. 1 ст. 163 УК РФ). Злоумышленник получил доступ к странице в социальной сети, принадлежащей знакомому потерпевшей, и вступил с ней в переписку, выдавая себя за другого человека. Он уговорил девушку отправить ему фотографию интимного характера, на которой был запечатлен ее обнаженный торс. После чего выдвинул близкому потерпевшей человеку требование о передаче денежных средств в сумме 500 рублей под угрозой распространения полученных сведений. Не получив материального вознаграждения, осужденный разместил фотографию потерпевшей интимного характера на стене страницы, к которой был получен доступ, а также в открытой группе в социальной сети¹.

В судебной практике случаи нарушения неприкосновенности частной жизни и совершения корыстного преступления рассматриваются как отдельные эпизоды без установления их взаимосвязи. На наш взгляд, в приведенном примере суду необходимо было определить: имело ли место собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну, без его согласия с целью облегчения совершения вымогательства? При положительном ответе на вопрос подобная цель должна быть учтена в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «е.1» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

¹ Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 23 марта 2021 г. № 1-38/2021 // Красноармейский районный суд Краснодарского края : офиц. сайт. URL: <https://clck.ru/3Ng59g> (дата обращения: 18.02.2025).

Потерпевшим в случае нарушения неприкосновенности частной жизни и последующего совершения преступления может быть одно лицо или несколько (например, близкие лица, родственники), что и демонстрирует вышеприведенный пример.

Нарушение неприкосновенности частной жизни возможно также с целью облегчения совершения насильственного преступления, которая должна быть учтена при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства.

Например, между организатором преступления и предпринимателем сложились длительные личные неприязненные отношения, обусловленные возникшей между ними конкуренцией при ведении бизнеса по продаже табачной продукции. Организатор принял решение об устранении конкурента и для достижения поставленной цели привлек соучастников. Им было поручено осуществлять при помощи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, сбор сведений о частной жизни предпринимателя и лиц из его близкого окружения без их согласия, составляющих их личную охраняемую законом тайну, с целью определения места и времени совершения преступления. Эти сведения касались их передвижений, используемом ими автотранспорте, образе жизни, местах нахождения, проживания, работы, иных посещаемых местах, а также об их распорядке дня. В последующем один из соучастников организованной группы совершил убийство предпринимателя¹.

Как видно из приведенного примера, с целью облегчения совершения преступления нарушение неприкосновенности

частной жизни может осуществить не только его исполнитель, но и пособник или организатор.

При вынесении приговора в подобных ситуациях, даже если суд учтет рассматриваемую цель в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, он не сможет выйти за пределы санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 137 УК РФ, хотя общественная опасность деяния возрастает. Потребность включения цели в качестве признака в конструкцию состава преступления предопределяется «особенностями охраняемых общественных отношений, отражением в признаке общественной опасности и сущностной характеристики деяния, а также типичностью признака» [11, с. 168]. На основании вышеизложенного представляется целесообразным рассмотреть вопрос о дополнении ч. 2 ст. 137 УК РФ квалифицирующим признаком совершения деяния — «с целью облегчения совершения другого преступления». С этой точкой зрения не согласились 80 % опрошенных нами работников прокуратуры². Мы полагаем, что данный результат может быть обусловлен тем, что опрошенные не сталкивались в судебной практике с приговорами, когда лицо было осуждено за нарушение неприкосновенности частной жизни с целью облегчения совершения другого преступления.

Рассмотрим случаи, когда субъектом нарушения неприкосновенности частной жизни являются родители или законные представители несовершеннолетнего.

Ребенок, как и любой другой человек, обладает правом на неприкосновенность частной жизни, личную тайну вне зави-

¹ Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 8 июля 2020 г. № 1-207/2020 // Старооскольский городской суд Белгородской области : офиц. сайт. URL: <https://clck.ru/3NjyQW> (дата обращения: 18.02.2024).

² Исследование проводилось в период с 12 мая 2025 года по 9 июня 2025 года среди помощников, старших помощников городов, районов, обеспечивающих надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание, предварительное следствие и оперативно-разыскную деятельность, 23 субъектов Российской Федерации.

симости от возраста [12]. Однако дети до достижения совершеннолетия преимущественно живут и воспитываются в семье, где за их личной жизнью осуществляется контроль, а «у младенца до определенного возраста не может быть никакой частной жизни, отличной от частной жизни его родителей или иных законных представителей» [13, с. 32]. Это обусловлено обязанностями родителей по воспитанию, образованию и развитию детей, закрепленными в п. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации. Так, они должны «заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей» [14], обеспечивать их безопасность, остерегать от вовлечения в противоправные действия и организации [15, с. 540].

Осуществляя свои права и обязанности, родители должны быть осведомлены о различных сторонах жизни ребенка: о месте его нахождения, круге общения, состоянии здоровья, привычках, увлечениях и т. д. Для сбора необходимой информации они могут применять различные способы, включая непосредственное общение с ребенком, его окружением, а также использование специальных программ родительского контроля, устанавливаемых на телефон.

В качестве примера рассмотрим уголовное дело, по которому приговором мирового судьи гражданин П.О. Вильке был признан виновным в совершении незаконного собирания сведений о частной жизни граждан, составляющих их личную или семейную тайну, без их согласия. Данное судебное решение становилось предметом обжалования в судах апелляционной и кассационной инстанций семь раз.

Так, согласно материалам уголовного дела, обвиняемый установил программу «родительского контроля» на телефон своего семилетнего сына, с помощью

которой осуществлял прослушивание и аудиозапись событий, происходивших вокруг ребенка. В результате родитель получил доступ к сведениям о частной жизни других лиц. Конституционный Суд Российской Федерации признал, что совершение вышеописанного деяния не предполагает привлечения родителя несовершеннолетнего к уголовной ответственности, ведь оно совершено в целях реализации прав и обязанностей родителя по обеспечению безопасности сына. Исключение составляют случаи целенаправленного собирания при помощи средств «родительского контроля» сведений о частной жизни других лиц, составляющих их личную или семейную тайну [16].

По результатам проведенного нами анкетирования, 43,3 % специалистов указали, что фактором, способствующим нарушению неприкосновенности частной жизни, являются сложности в семейных отношениях. Кроме того, 6,7 % опрошенных выделили потребность в безопасности несовершеннолетнего в качестве такого фактора.

Некоторые «прикрывают» истинные цели совершения преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, заботой о ребенке. Так, в ночное время виновный прибыл к месту проживания бывшей супруги и их общего несовершеннолетнего ребенка. Через отверстие в ручке входной двери он сделал видеозапись находящихся в квартире лиц. Затем опубликовал материал на своей странице в социальной сети, а также направил на телепередачу федерального канала. Суд критически оценил показания виновного о том, что его действия были направлены на обеспечение безопасности дочери от возможного негативного воздействия. Данная позиция опровергается обстоятельствами уголовного дела, в том числе публичным способом распространения сведений, отсутствием

направления видеозаписи в компетентные органы, к тому же установлено, что никаких противоправных действий с ребенком не происходило¹.

Также вопрос о нарушении права на неприкосновенность частной жизни, личную тайну вызывают случаи, когда родители-блогеры выкладывают в сети «Интернет» ролики о жизни своих детей, иногда начиная с их младенческого возраста. Вырастая, ребенок узнает, что в общем доступе находится информация о нем. Это могут быть данные, которые он предпочел бы не обнародовать, если бы имел возможность самостоятельно принимать решение о публикации.

Как отмечает Н.В. Кравчук, при защите права на неприкосновенность частной жизни детей следует учитывать и право родителей на свободу выражения мнения, и общественные интересы, связанные с получением значимой информации [17, с. 180] (например, советы по уходу за младенцами).

Таким образом, пределы вмешательства родителей в личную жизнь ребенка определяются балансом между их обязанностями по воспитанию и защите интересов ребенка и его правом на неприкосновенность частной жизни.

На основании анализа признаков состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, и правоприменительной практики выделим критерии, при наличии которых возможно привлечение родителя (законного представителя) к уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни.

1. Цель действия родителя (собираение и распространение сведений) не связана с защитой прав и интересов ребенка или исполнением родительских

обязанностей. Например, родитель осознанно собирает или распространяет сведения о частной жизни ребенка с целью причинения ему вреда, из корыстной заинтересованности или же «прикрывает» благими намерениями сбор сведений о частной жизни других лиц, составляющих их личную или семейную тайну.

2. Использование незаконных методов при сборе информации. Например, установка скрытой камеры в комнате ребенка, взлом его аккаунтов в социальных сетях.

3. Распространение сведений о личной и семейной тайне третьим лицам, в том числе совершенное публично. Например, выкладывание в социальных сетях фото-, видеоматериалов интимного характера, медицинских диагнозов, дневниковых записей без согласия ребенка. Исключение составляет обращение в суд или иной государственный или муниципальный орган для реализации родительских прав или восстановления прав ребенка.

4. Причинение вреда ребенку. В результате действий родителя ребенок испытал моральные страдания, ему нанесена психологическая травма, он был вынужден посещать психолога (например, вследствие травли в школе после публикации личных данных).

На основании изложенного предлагаем дополнить ст. 137 УК РФ примечанием следующего содержания: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи собирания и передачи в государственный или муниципальный орган (распространения) родителем или иным законным представителем сведений о частной жизни своего ребенка, составляющих его личную тайну, без его согласия в целях реализации прав и обязанностей родителя по обеспечению безопасности несовершеннолетнего ребенка».

¹ Приговор Сокольского районного суда Вологодской области от 17 декабря 2021 г. № 1-133/2021 // Сокольский районный суд Вологодской области : офиц. сайт. URL: <https://clck.ru/3NyY2N> (дата обращения: 17.02.2025).

Список источников

1. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве : монография / науч. ред. Б.В. Здравомыслов. Москва : Проспект, 2022. 192 с.
2. Косыгин В.Е. Мотивы и цели преступления и их поливариантное значение // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 4. С. 99 – 111.
3. Ларина Л.Ю. Цель преступления: уголовно-правовое значение и соотношение с мотивом // Вестник Югорского государственного университета. 2024. № 3. С. 10 – 17.
4. Бунова И.И. Об уголовно-правовых гарантиях неприкосновенности частной жизни человека в современных условиях цифровизации общества // Юрист-правовед. 2024. № 3 (110). С. 119 – 124.
5. Суд признал незаконной деятельность сервиса по продаже персональных данных // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций : офиц. сайт. URL: <https://clck.ru/3NhzHu> (дата обращения: 17.06.2025).
6. Ефремова М.А., Рускевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 2 (56). С. 97 – 105.
7. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий : монография. Москва : Норма, 2023. 167 с.
8. Евдокимов К.Н. Квалификация нарушения неприкосновенности частной жизни, совершенного с использованием информационно-коммуникационных и компьютерных технологий (ст. 137 УК РФ) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2 (88). С. 76 – 83.
9. Алихаджиева И.С. О новых способах совершения преступлений с использованием персональных данных // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1 (97). С. 22 – 30.
10. Бунова И.И. Актуальные вопросы совершенствования уголовного законодательства в сфере охраны права человека на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных в эпоху цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 477 – 479.
11. Ермакова О.В. Модель «идеальной» конструкции конкретного состава преступления: миф или реальность // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 167 – 171.
12. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/praxi/ips/?doc_itself=&nd=10202795#10 (дата обращения: 18.02.2025).
13. Гришаев С. Новое в законодательстве: правовое регулирование частной жизни в ГК РФ // Хозяйство и право. 2013. № 11 (442). С. 31 – 42.
14. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ : текст с изм. и доп. на 23 нояб. 2024 г., с изм. и доп. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102038925> (дата обращения: 17.05.2025).
15. Стяжкина С.А. Уголовно-правовая охрана частной жизни лица // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. № 4. С. 538 – 544.
16. По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2024 г. № 2-П // Российская газета. 2024. 2 февр.
17. Кравчук Н.В. Наилучшие интересы ребенка и защита его частной жизни в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности. 2018. № 1. С. 175 – 183.

Информация об авторе

Е.А. Зуева – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

E.A. Zueva – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПОДХОДЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ К КВАЛИФИКАЦИИ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ (ч. 1 ст. 119 УК РФ), СОВЕРШЕННОЙ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Евгения Владимировна ИВАНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
evgeniya.ivanova@spbu.ru

Аннотация. При поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации» коллективом ученых Санкт-Петербургского государственного университета осуществляется комплекс исследований проблем семейно-бытового насилия. В рамках исследования проводятся мониторинги правоприменения уголовного законодательства применительно к делам о домашнем насилии. Один из мониторингов посвящен проблемам оценки угрозы убийством, совершенной в семейно-бытовой сфере. В научной литературе нет единого подхода к тому, что представляет собой угроза убийством: существуют дискуссии относительно формы выражения данной угрозы. Кроме того, не решен однозначно вопрос, может ли угроза убийством быть сопряжена с физическим воздействием на потерпевшего, охватывает ли состав убийства состав преступления против здоровья или необходима квалификация по совокупности преступлений. В настоящей статье представлен анализ современных взглядов по данному вопросу, а также проанализирована судебная практика и выявлены подходы судов к оценке деяния, входящего в объективную сторону угрозы убийством.

Ключевые слова: домашнее насилие, насилие в семье, семейно-бытовая сфера, угроза убийством, побои, вред здоровью

Благодарность: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00424 (<https://rscf.ru/project/24-28-00424/>).

Для цитирования: Иванова Е.В. Подходы правоприменительных органов к квалификации угрозы убийством (ч. 1 ст. 119 УК РФ), совершенной в семейно-бытовой сфере // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 55 – 62.

Original article

APPROACHES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES TO THE QUALIFICATION OF A THREAT TO KILL (PART 1 OF ARTICLE 119 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) COMMITTED IN THE FAMILY AND DOMESTIC SPHERE

Evgeniya V. IVANOVA

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, evgeniya.ivanova@spbu.ru

Abstract. With the support of the Russian Science Foundation, within the framework of the implementation of the project «Legal regulation of counteracting domestic violence in the Russian Federation», a team of scholars from St Petersburg State University is conducting a comprehensive study on the issues related to family and domestic violence. As part of this research, monitoring of

© Иванова Е.В., 2025

the application of criminal legislation in relation to cases of domestic violence is being carried out. One of such monitoring projects focuses on the challenges of assessing a threat to kill committed within the family and domestic sphere. In the scientific literature, there is no unified approach defining the nature of a threat to kill: debates persist concerning the form of its expression. Furthermore, the question remains unresolved as to whether a threat to kill can be associated with physical assault against the victim, whether such a threat encompasses crimes against health, or whether concurrent qualification of multiple offences is required. This article presents an analysis of contemporary scholarly perspectives on this issue, examines judicial practice, and identifies the courts' approaches to evaluating the offences constituting the objective elements of a threat to kill.

Keywords: domestic violence, family violence, family and domestic sphere, threat to kill, battery, health damage

Acknowledgment: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00424 (<https://rscf.ru/project/24-28-00424/>).

For citation: Ivanova E.V. Approaches of law enforcement agencies to the qualification of a threat to kill (Part 1 of Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation) committed in the family and domestic sphere. *Criminalist*. 2025;4(53):55-62. (In Russ.).

Проблемам домашнего насилия в последние годы уделяется достаточно внимания в науке уголовного права. При поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации» коллективом ученых Санкт-Петербургского государственного университета осуществляется комплекс исследований проблем семейно-бытового насилия.

В рамках мониторингового исследования по случайной выборке было изучено в общей сложности 67 правоприменительных актов, вынесенных за период с 2020 по 2024 год судами Российской Федерации по первой инстанции, по привлечению лиц к ответственности за совершение угрозы убийством в семейно-бытовой сфере.

Угроза убийством — типичное преступление, совершаемое в семейных отношениях, которое зачастую продолжает или предваряет собой иные преступления: умышленное причинение легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, истязание, убийство. Обязательным признаком угрозы убийством, безусловно признаваемым в научной литературе [1, с. 28; 2, с. 99; 3, с. 314], является ее реальность. Реальность

угрозы означает, что высказывания и действия виновного заставляют потерпевшего опасаться приведения угрозы в исполнение [4, с. 24]. Нередки случаи, когда потерпевший воспринимает угрозу реально вследствие физического воздействия на него виновным. Таким образом, как доктрина уголовного права, так и правоприменительная практика сталкиваются с вопросом, в каких случаях требуется квалификация по совокупности: преступления, предусмотренного ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), и преступления против жизни или здоровья, а в каких случаях угроза убийством охватывается составом другого преступления или охватывает другое преступление. Вопрос этот преимущественно проистекает из отсутствия единообразия в подходах к пониманию деяния, входящего в объективную сторону состава преступления, изложенного в ст. 119 УК РФ, а именно каким образом угроза может быть донесена до потерпевшего.

В научной литературе выделяются различные виды угроз применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ. Можно классифицировать угрозы исходя из формы их выражения. Например, М.А. Осадчий указывает, что угроза убийством мо-

жет быть совершена устно, путем предоставления записи с угрозой, через радиосвязь, письменно, жестами и т. п. [5, с. 5 – 6]. М.И. Галюкова выделяет вербальные, инвариантные, конклюдентные, ситуационные и комбинированные угрозы [6, с. 20 – 21]. Наиболее распространенной является инвариантная угроза: вербальная угроза, которая сопровождается демонстрацией оружия, предметов, используемых в качестве оружия, имитацией их применения [2, с. 99, 6, с. 21]. Проведенное исследование правоприменительной практики показывает, что инвариантная угроза имела место в 62,7 % изученных случаев. Так, подсудимый А. взял из шкафа кухонный нож, который примотал к руке, и двузубчатую вилку, а затем направил острие ножа и вилку в сторону потерпевшей и высказал в ее адрес угрозу убийством¹.

Некоторые исследователи делят угрозы на виды более общим образом, безотносительно к форме выражения. По указанию О.В. Ермаковой, важно, чтобы деяние, предусмотренное ст. 119 УК РФ, представляло собой психическое воздействие на сознание потерпевшего [7, с. 67]. И.А. Трофина указывает, что сама по себе угроза применительно к ст. 119 УК РФ – это выраженное внешне намерение совершения действий, опасных для жизни или здоровья потерпевшего [8, с. 52].

Анализ правоприменительной практики позволил некоторым исследователям сделать вывод, что угроза убийством может носить любые формы запугивания [7, с. 68 – 69; 9, с. 301], в том числе допустимо физическое воздействие на потерпевшего. Форма выражения угро-

зы убийством может быть информационной (вербальной или конклюдентной) и физической (подразумевающей воздействие на людей), следовательно, по способу совершения преступления следует выделять угрозу убийством, сопряженную с физическим или психическим насилием [9, с. 301].

Исследования показывают, что в судебной практике имеются случаи квалификации угрозы убийством при физическом воздействии на потерпевшего, в частности при удушении потерпевшего. Такие случаи составили 22,4 % от исследованных. Также в 55,2 % случаев лицо демонстрировало потерпевшему различные орудия, подкрепляя угрозу убийством, а в 44,8 % случаев использовало их для физического воздействия на потерпевшего (таблица).

Таким образом, встает вопрос, может ли угроза убийством включать в себя физическое воздействие на потерпевшего, заключающееся в посягательстве на его здоровье. Если угроза убийством – исключительно воздействие на психику потерпевшего, очевиден ответ «нет». Если же согласиться с авторами, утверждающими, что воздействие может быть и физическое, то угроза убийством может охватывать административно наказуемые побои, а также преступления, предусмотренные ст. 116.1 и ч. 1 ст. 115 УК РФ. Мониторинг судебной практики показал единство подходов судов к квалификации содеянного.

Так, суды единообразно квалифицировали действия виновных по ч. 1 ст. 119 УК РФ в ситуациях удушения потерпевшего руками. Во всех 15 изученных в рамках исследования ситуациях потерпевшему не было причинено вреда здоровью либо причиненные телесные повреждения являлись незначительными. Обстоятельства совершения преступления при этом свидетельствовали о том,

¹Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 15 июля 2021 г. по делу № 1- 583/2021 // Волжский городской суд Волгоградской области : [сайт]. URL: https://vol--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=509548668&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 11.01.2023г).

Орудия совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ

Демонстрация орудия без физического воздействия		Использование орудия для физического воздействия на потерпевшего/нанесения ударов	
Нож хозяйственно-бытового назначения	27	Нож хозяйственно-бытового назначения	4
Отвертка	2	Собственные руки (виновный душил руками потерпевшего)	15
Топор	1	Собственное тело виновного (удары руками и (или) ногами)	12
Бита	1	Топор	2
Пневматическая винтовка	1	Зажигалка	1
Алюминиевая сковорода	1	Деревянный брусок	1
Ружье	1	Подушка	1
Деревянная трость	1	Металлический ковш	1
Металлический предмет в виде матрешки	1	Строительный молоток	1
Металлическая дубинка	1	Металлическая труба	1
Металлический стул	1	Металлическая столешница	1
Табурет	1	Лопата	1
Двузубчатая вилка	1	Стул	1
Револьвер (огнестрельное оружие)	1	Ремень	1
Сельскохозяйственные вилы	1	Деревянное полено	1

П р и м е ч а н и е. Поскольку в ряде случаев лицом использовалось несколько орудий, количество орудий в таблице превышает количество изученных дел.

что виновный не представлял реальной угрозы для жизни потерпевшего.

Например, признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, подсудимый С., который в процессе ссоры с женой схватил ее за руку, повалил на пол, обхватил руками шею потерпевшей, начал ее сдавливать, высказывая словесно угрозу убийством в адрес жены¹. Осталь-

ные 14 случаев аналогичны вышеизложенному.

Также суды единообразно квалифицируют содеянное по ч. 1 ст. 119 УК РФ в случаях, когда лицо демонстрирует потерпевшему предмет, которым потенциально можно причинить серьезные телесные повреждения (размахивает им, приставляет к телу потерпевшего без попыток причинить телесное повреждение).

Например, совершил угрозу убийством подсудимый Д., который в ходе ссоры с потерпевшей замахнулся на нее ножом и стал говорить: «Я сейчас тебя убью». Попыток нанести ножом удар Д. не предпринимал². Квалифицированы

¹ Приговор Наримановского районного суда Астраханской области от 22 ноября 2021 г. по делу № 1-190/2021 // Наримановский районный суд Астраханской области : [сайт]. URL: https://narimanovsky--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=115944146&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.01.2024).

² Приговор Наримановского районного суда Астраханской области от 2 июня 2020 г.

по ч. 1 ст. 119 УК РФ действия подсудимого К., замахнувшегося палкой на потерпевшую и сказавшего: «Я тебя зарежу! Убью! Жить не будешь!»¹.

Данные подходы представляются верными: в действиях подсудимых не усматривается иного состава преступления, кроме угрозы убийством.

Единообразный подход демонстрируют суды в ситуациях совершения угрозы убийством, сопровождающейся нанесением телесных повреждений виновным потерпевшему, когда характер действий виновного с очевидностью свидетельствует об отсутствии угрозы жизни потерпевшего. Ситуации составляют три группы.

1. Лицо угрожает убийством, при этом применяет насилие, не влекущее никакого вреда здоровью потерпевшего; для применения насилия используются собственные руки или ноги либо какой-либо предмет. Правоприменительные органы ограничиваются вменением ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Так, подсудимый Х., будучи в ссоре с потерпевшей, бил ее, нанося удары руками и ногами по лицу и телу. В ходе избиения Х. говорил потерпевшей, что убьет ее. Телесных повреждений, оцениваемых как вред здоровью, потерпевшей не было причинено². Аналогично оце-

по делу № 1-54/2020 // Наримановский районный суд Астраханской области : [сайт]. URL: https://narimanovsky--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=115939981&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.01.2024).

¹ Приговор Ломоносовского районного суда города Архангельска от 24 мая 2021 г. по делу № 1-213/2021 // Ломоносовский районный суд города Архангельска : [сайт]. URL: https://lomonosovsky--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=99924074&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2024).

² Приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края от 22 июня 2021 г. по делу № 1-400/2021 // Судебные решения : [сайт]. URL: <https://судебныерешения.рф/60690020/extended> (дата обращения: 22.07.2025).

нены совершенные при сходных обстоятельствах действия подсудимых С.³, В.⁴ и Ж.⁵

Данная квалификация содеянного представляется совершенно верной, поскольку фактически виновное лицо, осуществляя физическое воздействие на потерпевшего, действует с неконкретизированным умыслом, следовательно, уголовная ответственность наступает в зависимости от наступивших последствий. Содеянное подпадает под признаки побоев (ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; далее — КоАП РФ), а также, ввиду высказывания угрозы убийством, которую потерпевший воспринимает реально, под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ.

2. Лицо, ранее привлеченное к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, угрожает убийством и применяет насилие (используя руки, ноги, предмет), не влекущее никакого вреда здоровью потерпевшего. Содеянное квалифицируется по совокупности ч. 1 ст. 119 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ.

³ Приговор Ленинского районного суда Астраханской области от 21 мая 2021 г. по делу № 1-208/2021 // Ленинский районный суд Астраханской области : [сайт]. URL: https://leninsky--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=115868452&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ Приговор Ивановского районного суда Ивановской области от 10 июля 2020 г. по делу № 1-112/2020 // Ивановский районный суд Ивановской области : [сайт]. URL: https://ivanovsky--iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=129486195&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 13.01.2024).

⁵ Приговор Сыктывдинского районного суда Республики Коми от 6 апреля 2021 г. по делу № 1-51/2021 // Сыктывдинский районный суд Республики Коми : [сайт]. URL: https://skdsud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=97832879&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.01.2024).

Так, Ц. ранее был привлечен к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ. После этого Ц. избил потерпевшую, причинив боль и телесные повреждения, не повлекшие вреда здоровью, потом взял в руку металлическую телескопическую дубинку, закричал, что «пришел убивать», демонстративно размахивал дубинкой, бил по стенам и предметам мебели, кричал потерпевшей: «Я тебя сегодня убью и вообще похороню!»¹. Аналогичным образом квалифицированы совершенные при сходных обстоятельствах деяния подсудимых С.², П.³ и ряда иных подсудимых⁴.

¹ Приговор Княжпогостского районного суда Республики Коми от 24 апреля 2023 г. по делу № 1-37/2023 // Княжпогостский районный суд Республики Коми : [сайт]. URL: https://knsud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=144936421&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.01.2024).

² Приговор Петушинского районного суда Владимирской области от 8 июля 2022 г. по делу № 1-104/2022 // Петушинский районный суд Владимирской области : [сайт]. URL: https://petushinsky--wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=96204281&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 17.01.2024).

³ Приговор Петроградского районного суда города Санкт-Петербурга от 30 мая 2022 г. по делу № 1-128/2022 // Петроградский районный суд города Санкт-Петербурга : [сайт]. URL: https://pgr--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=592421931&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ Приговор Викуловского районного суда Тюменской области от 24 марта 2022 г. по делу № 1-12/2022 // Судебные решения : [сайт]. URL: <https://судебныерешения.рф/67437992/extended> (дата обращения: 20.07.2025) ; Приговор Нижегородского районного суда Республики Крым от 22 декабря 2021 г. по делу № 1-154/2021 // Судебные решения : [сайт]. URL: <https://судебныерешения.рф/63352244/extended> (дата обращения: 20.06.2025) ; Приговор Вурнарского районного суда Чувашской Республики — Чувашии от 7 октября 2020 г. по делу № 1-74/2020 // Судебные решения : [сайт]. URL: <https://судебныерешения.рф/53401123/extended> (дата обращения: 19.05.2025) ; Приговор Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики — Чувашии от 3 июня 2021 г. по делу № 1-223/2021 // Судебные решения : [сайт]. URL: <https://судебныерешения.рф/59885031/extended> (дата обращения: 17.06.2025) и др.

Данный подход правоприменительной практики, как представляется, свидетельствует о том, что суды разделяют умысел на угрозу убийством и умысел на физическое воздействие на потерпевшего, которое может повлечь, а может и не повлечь причинение вреда здоровью. Можно сделать вывод, что в понимании правоприменительных органов угрозе убийством в целом не свойственно применение физического насилия по отношению к потерпевшему и данное насилие подлежит самостоятельной оценке.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, — преступление небольшой тяжести, не влекущее наказания в виде лишения свободы. В то же время преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 119 УК РФ, хотя также является преступлением небольшой тяжести, влечет за собой наказание в том числе в виде лишения свободы на срок до двух лет. Можно было бы сделать вывод, что ч. 1 ст. 119 УК РФ, предполагающая и физическое воздействие на потерпевшего, охватывает совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116.1 УК РФ. Однако суды не следуют такой логике, разделяя умысел на угрозу убийством и умысел на совершение побоев. Следовательно, судебная практика рассматривает насилие при совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, как психическое насилие.

3. Виновное лицо осуществило физическое воздействие на потерпевшего, повлекшее причинение вреда здоровью, но не угрожающее жизни потерпевшего, и высказало угрозу убийством. Содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 119 УК РФ и как преступление против здоровья.

19.05.2025) ; Приговор Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики — Чувашии от 3 июня 2021 г. по делу № 1-223/2021 // Судебные решения : [сайт]. URL: <https://судебныерешения.рф/59885031/extended> (дата обращения: 17.06.2025) и др.

Так, признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119, п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, подсудимый С., который повалил потерпевшую на пол и нанес ей удары ногой по лицу и телу, а затем металлическим ковшом по лицу, крикнув: «Я тебя убью». Потерпевшей был причинен легкий вред здоровью¹. Аналогичным образом квалифицировано содеянное подсудимым Ж. в сходных обстоятельствах².

По ч. 1 ст. 119, п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ квалифицированы судом действия З., который нанес потерпевшей ряд ударов, в том числе деревянным брусом, причинив средней тяжести вред здоровью, а также замахивался на потерпевшую, говоря: «Я тебя убью»³.

Таким образом, в настоящее время дискуссия по вопросу о том, каким мо-

жет быть насилие при совершении угрозы убийством: исключительно психическим или и психическим, и физическим, судебной практикой решен однозначно. Воздействие на физическую структуру потерпевшего требует самостоятельной квалификации, когда подпадает под признаки состава преступления, посягающего на здоровье потерпевшего. Данный подход судов представляется верным. Угроза убийством — умышленное преступление, и физическое воздействие на потерпевшего, предваряющее, сопровождающее, продолжающее угрозу, также совершается с прямым умыслом. Следовательно, образуется совокупность преступлений, ситуация, когда лицо в ограниченный промежуток времени совершает в отношении потерпевшего два самостоятельных преступления.

Список источников

1. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учеб.-практ. пособие. Москва : Зерцало-М, 2006. 144 с.
2. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Веленко, В.Ф. Щепелькова. 4-е изд., доп. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 896 с.
3. Миронова Г.Н., Тарасова Л.Я. Правовая оценка угрозы убийством, сопряженной с иными насильственными посягательствами // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4 (95). С. 313 — 318.
4. Попов А.Н. Квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // КриминалистЪ. 2017. № 1 (20). С. 23 — 26.
5. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы // Современные проблемы науки и образования : сетевое издание. 2012. № 6. URL: <https://Science-education.ru/article/view?id=7633> (дата обращения: 17.06.2025).
6. Галюкова М.И. Особенности уголовной ответственности за угрозу убийством и причинением тяжкого вреда здоровью // Российский судья. 2010. № 11. С. 19 — 22.

¹ Приговор Волоколамского городского суда Московской области от 29 мая 2024 г. по делу №1-133/2024 // Волоколамский городской суд Московской области : [сайт]. URL: https://volokolamsk-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=804717172&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.12.2024).

² Приговор Волоколамского городского суда Московской области от 6 марта 2024 г. по делу № 1-55/2024 // Волоколамский городской суд Московской области : [сайт]. URL: https://volokolamsk-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=74238855&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.12.2024).

³ Приговор Ивановского районного суда Ивановской области от 9 февраля 2024 г. по делу № 1-23/2024 // Ивановский районный суд Ивановской области : [сайт]. URL: https://ivanovsky-iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=129505017&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.12.2024).

7. Ермакова О.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: вопросы правоприменения // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 1 (14). С. 67 – 70.

8. Трофина И.А. Ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Законность. 2023. № 1 (1059). С. 51 – 52.

9. Шутова Ю.А. О некоторых аспектах уголовно-правовой и криминологической характеристики угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 299 – 302.

Информация об авторе

Е.В. Иванова – старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

E.V. Ivanova – Senior Lecture at the Department of criminal law, Faculty of Law, St. Petersburg State University, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.3

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ХИЩЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ
СРЕДСТВ ПУТЕМ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ)**

Александр Викторович КУЛИКОВ

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Высшая школа права,
Калининград, Россия, bmtw0052@rambler.ru*

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы хищения безналичных денежных средств путем мошенничества с использованием компьютерных технологий. Преступники стремительно адаптируются к новым реалиям, создавая изощренные схемы хищения безналичных денежных средств. Проведенный анализ научных взглядов и судебной практики позволил сформулировать критерии уголовно-правовой оценки хищения путем мошенничества безналичных денежных средств, находящихся на банковском счету, а равно электронных денежных средств на основании выделения предмета преступного посягательства и способа совершения с использованием противоправных форм компьютерных технологий.

Ключевые слова: компьютерные технологии, состав преступления, мошенничество, способ совершения, предмет преступления, безналичные денежные средства, электронные денежные средства

Для цитирования: Куликов А.В. Проблемные вопросы хищения безналичных денежных средств путем мошенничества с использованием компьютерных технологий (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ) // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 63 – 71.

Original article

**PROBLEMATIC ASPECTS OF THE THEFT OF NON-CASH MONETARY
FUNDS THROUGH FRAUD INVOLVING THE USE OF COMPUTER
TECHNOLOGIES (SUBPARAGRAPH «V» OF PART 3 OF ARTICLE 159.6
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Alexander V. KULIKOV

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Higher School of Law, Kaliningrad, Russia,
bmtw0052@rambler.ru*

Abstract. This article examines the problematic issues related to the theft of non-cash monetary funds through fraud involving the use of computer technologies. Criminals are rapidly adapting to new realities by creating sophisticated schemes for the theft of non-cash monetary funds. The analysis of scientific perspectives and judicial practice has enabled the formulation of criteria for the criminal law assessment of theft by fraud of non-cash monetary funds held in a bank account, as well as electronic monetary funds based on the identification of the object of criminal encroachment and the method of commission, which involves the unlawful use of computer technologies.

Keywords: computer technologies, elements of a crime, fraud, method of commission, object of the crime, non-cash monetary funds, electronic monetary funds

© Куликов А.В., 2025

For citation: Kulikov A.V. Problematic aspects of the theft of non-cash monetary funds through fraud involving the use of computer technologies (subparagraph «v» of part 3 of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminalist*. 2025;4(53):63-71. (In Russ.).

Вопросы уголовной ответственности за хищение денежных средств путем мошенничества исследовались многократно. Однако большинство научных работ посвящено традиционным формам хищения, тогда как специфика мошенничества с использованием компьютерных технологий безналичных денежных средств требует отдельного анализа.

С принятием Федерального закона от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) введены специальные нормы об ответственности за данный вид мошенничества в сфере компьютерной информации, в том числе за хищение «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ)¹. Однако, как показывает судебная практика, возникают существенные трудности при квалификации подобных деяний. Недостаточно изучены способы совершения такого хищения, роль электронных носителей информации и участие в преступлении банковских служащих, а также вопросы разграничения смежных составов преступлений. Озабоченность вызывает экспоненциальный рост киберпреступлений, связанных с хищением безналичных денежных средств. По данным Банка России, только за 2024 год объем таких посягательств увеличился на 74,4 %, а размер ущерба составил 27,5 млрд рублей². Эти цифры свидетельствуют не просто о количествен-

ном росте, а о качественном изменении способов мошенничества — все чаще используются новейшие информационные технологии.

Рассмотрим особенности данного состава преступления. По мнению большинства исследователей, объектом этого вида мошенничества выступают социально значимые интересы и отношения в сфере охраны конкретной формы собственности [1, с. 115]. Данный вид мошенничества отличается от других специализированных видов мошенничества тем, что предметом посягательства являются «безналичные денежные средства, находящиеся на банковском счету, а равно электронные денежные средства». Понятие электронных денежных средств не раскрывается в уголовном законе, однако их наименование и содержание отражено в ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»³. К электронным средствам платежа следует относить дебетовые и кредитные карты, электронные кошельки, банковские терминалы и банкоматы, а также системы дистанционного доступа управления банковским счетом и др. [2, с. 60].

В этой связи мы не разделяем мнение ряда исследователей, что криптовалюта, бонусные баллы и «игровые» деньги не могут быть предметом преступления, квалифицируемого по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, соответственно, и по ст. 159.3 УК РФ [3, с. 105], а также по п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ. На наш взгляд, эти условные номиналы денежных знаков

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Российская газета. 2018. 25 апр.

² ЦБ зафиксировал рекордную сумму хищений у банковских клиентов в 2024 году // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516> (дата обращения: 25.06.2025).

³ О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ : текст с изм. и доп. на 23 мая 2025 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: https://legasfacts.ru/doc/FS-o-nacionalnog-sisteme-ot-27_06_11/ (дата обращения: 25.06.2025).

действительно не соответствуют характеристикам предмета хищения, квалифицируемого по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, так как денежными средствами не являются, но они могут быть предметом преступления, предусмотренного ст. 159, 159.3 УК РФ, а также исследуемого нами состава, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, будучи признанными иной формой собственности.

Принципиально отличается по объекту и предмету, цели посягательства анализируемый состав от составов, включенных в главу 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», при внешней схожести использования компьютерных программ, в том числе для несанкционированного воздействия на процессы хранения, обработки или передачи компьютерной информации.

В целом объективная сторона базового состава преступления (ст. 159.6 УК РФ) может выражаться в определенных действиях, совершаемых с противоправной целью: введение информации в компьютерную систему; уничтожение компьютерной информации; ограничение доступа к ней; изменение содержания; иные формы несанкционированного воздействия на процессы хранения, обработки или передачи компьютерной информации, включая вмешательство в работу информационно-телекоммуникационных сетей. Применительно к п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ посягательство в таких формах осуществляется в отношении «безналичных денежных средств, находящихся на банковском счету, а равно электронных денежных средств», что в итоге послужило основанием его выделения законодателем.

Компьютерная информация в соответствии с примечанием 1 к ст. 272 УК РФ представляет собой сведения (сообщения, данные), зафиксированные в виде электрических сигналов, вне зависимости от используемых технологий их хранения, обработки и трансляции.

То есть под указанное понятие подпадают любые цифровые данные, циркулирующие в автоматизированных информационных системах посредством технических устройств и машинных носителей. Следует отметить, что Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ не содержит легальных дефиниций понятий «ввод», «удаление», «блокирование» и «модификация» применительно к компьютерной информации. Восполнение данного терминологического пробела осуществляется за счет доктринальных разработок в области уголовного права.

Так, ввод компьютерной информации рассматривается как «размещение сведений в компьютере для их последующей обработки или хранения» [4, с. 511]; «технический процесс, позволяющий осуществлять сбор, обработку, накопление, хранение, поиск и распространение информации в интересах пользователя» [5, с. 1702]; «совершение алгоритма действий по набору и электронной обработке сведений (сообщений, данных), представленных в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи информации (примечание 1 ст. 272 УК РФ) для их дальнейшего распознавания и использования компьютерной техникой (ЭВМ), в том числе системой ЭВМ или информационно-телекоммуникационной сетью» [6, с. 638].

Иным способом совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, согласно позиции законодателя, является удаление компьютерной информации. Удаление, как и уничто-

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : текст с изм. и доп. на 24 июня 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&pd=102108264> (дата обращения: 20.06.2025).

жение, характеризуется следующими свойствами: удаление компьютерной информации происходит с носителя данной информации (флэш-накопитель, жесткий диск и т. д.); удаление приводит к потере информации; удаление не обязательно влечет невозможность восстановления утраченной информации, скажем, из резервной копии (из «облачного» аккаунта) [5, с. 1702].

Блокирование информации понимается как «невозможность доступа и использования компьютерной информации при реальном, физическом ее сохранении» [4, с. 511]; «полное или частичное ограничение доступа к информации ее обладателю, при этом сама информация остается целой» [5, с. 1702]; «создание условий, при которых невозможно или существенно затруднено использование информации при сохранении такой информации» [6, с. 638].

Анализ доктринальных подходов позволяет определить блокирование информации как ограничение доступа к данным при сохранении их содержания и целостности. Результатом такого воздействия становится временная или постоянная невозможность использования информации при ее физической сохранности в системе [7, с. 117].

Что касается модификации информации, она определяется как «внесение в нее помимо воли законного пользователя любых изменений, кроме связанных с адаптацией программы для ЭВМ или базы данных» [6, с. 638]; «полное либо частичное изменение ее первоначального содержания» [5, с. 1702]; «изменение ее содержания по сравнению с той информацией, которая первоначально была в распоряжении собственника или законного пользователя, т. е. действия по изменению изначальной информации в желаемом направлении» [7, с. 117].

Нормы о компьютерном мошенничестве содержат открытый перечень способов совершения преступления, включая иное вмешательство в работу информа-

ционных систем. Под таким вмешательством понимается умышленное противоправное воздействие на компьютерное оборудование (серверы, ПК, мобильные устройства), программное обеспечение, телекоммуникационные сети, которое искажает стандартные процессы хранения, обработки или передачи данных и позволяет незаконно завладеть имуществом либо приобрести право на него.

Ключевые признаки такого вида мошенничества: целенаправленность — действия направлены именно на хищение; нарушение штатного функционирования систем; использование цифровых технологий как инструмента преступления [8, с. 244].

Особенностью законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, является отсутствие в диспозиции нормы традиционных для мошенничества признаков — обмана и злоупотребления доверием. Данная особенность обусловлена специфической природой рассматриваемого деяния — противоправное воздействие направлено не на сознание человека, а на функционирование компьютерных систем и информационных технологий [9, с. 63]. То есть механизм совершения данного преступления принципиально отличается от механизма классического мошенничества. В исследуемом варианте преступный результат достигается не путем введения в заблуждение конкретного физического лица, а посредством несанкционированного вмешательства в работу автоматизированных систем обработки данных, что в конечном счете приводит к незаконному завладению безналичными денежными средствами. Например, сотрудник оператора сотовой связи, злоупотребив своими служебными полномочиями, внес заведомо ложные сведения в базу данных абонентов, что позволило ему незаконно получить денежные средства при расторжении договора. Суд правомерно квалифицировал

эти действия по ст. 159.6 УК РФ, поскольку преступное деяние было совершено путем прямого воздействия на компьютерную информацию, а не через обман конкретного лица¹.

Рассматриваемый нами состав преступления по конструкции относится к материальным, что означает необходимость наступления общественно опасных последствий для признания деяния оконченным. Момент окончания дифференцируется в зависимости от степени завладения предметом посягательства, т. е. фактического перехода безналичных денежных средств в незаконное пользование виновного.

Субъективная сторона данного состава преступления характеризуется прямым умыслом, направленным на незаконное завладение безналичными денежными средствами посредством противоправного вмешательства в работу компьютерных систем. Это предполагает, что виновный осознает противоправный характер своих действий по вмешательству в функционирование информационных систем; предвидит возможность наступления преступного результата; сознательно желает такого результата. Как и иные формы хищения при мошенничестве, данное деяние характеризуется корыстной целью.

На текущий момент проблемой является отграничение деяния, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, от общих форм мошенничества, предусмотренных ст. 159 УК РФ, мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), а также от кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

¹ Приговор Центрального районного суда г. Тольятти (Самарская область) от 14 мая 2020 г. по делу № 1-262/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7A5Kp6LDx6gQ/> (дата обращения: 20.06.2025).

Основным критерием разграничения хищения, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, и смежных деяний является прежде всего способ его совершения, а именно: с использованием электронных средств, позволяющих осуществлять ввод, удаление, блокирование, модификацию компьютерной информации либо путем иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [10, с. 43]. Для квалификации по п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ критерием разграничения становится предмет преступного посягательства, а именно безналичные денежные средства, находящиеся на банковском счету, а равно электронные денежные средства. Для аргументации нам необходимы примеры судебной практики.

Так, ФИО18 и ФИО19 обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Как было установлено в ходе судебного разбирательства, ФИО18 и ФИО19, сотрудники ДО <...> Архангельского отделения Сбербанка, обнаружили, что на счетах умершей ФИО1 (умерла ДД.ММ.ГГГГ) находились средства (~600 тыс. р.), которые долгое время не использовались. Зная, что наследники не обратились в банк, они вступили в сговор с целью хищения этих денег.

ФИО19 изменила данные клиента в системе «Филиал-Сбербанк», подменив ФИО и паспортные данные, после чего сняла средства с пяти вкладов (общая сумма — 628 359 р. 36 к.) и закрыла счета. Для маскировки преступления были оформлены фиктивные расходные ордера с поддельными подписями. ФИО18 перевела половину похищенной суммы (314 179 р. 68 к.) на свой счет, а вторую половину — на счет ФИО19. ДД.ММ.ГГГГ наследник (ФИО5) обратился в банк с документами, подтверждающими его право на средства ФИО1. Банк возместил ущерб (693 501 р. 10 к.).

ФИО19, частично признавая свою вину, оспаривала квалификацию ее действий по ч. 3 ст. 159 УК РФ, настаивая на применении ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации. Адвокат, в свою очередь, высказал предположение о возможной квалификации деяния по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Суд, однако, признал доводы ФИО19 и ее защитника о необходимости квалификации по ст. 159.6 УК РФ необоснованными. Согласно законодательной конструкции данной нормы, мошенничество в сфере компьютерной информации предполагает хищение чужого имущества или приобретение права на него исключительно путем противоправного воздействия на компьютерные системы. В рассматриваемом случае внесение ФИО19 изменений в профиль клиента ФИО1 в автоматизированной банковской системе «Филиал-Сбербанк» (замена персональных данных на несуществующего клиента ФИО2) само по себе не являлось способом завладения денежными средствами. Фактическое хищение было осуществлено посредством оформления фиктивных расходных кассовых ордеров, подписанных обоими подсудимыми. При этом в реальности клиент ФИО2 не существовал и не участвовал в проведении операций, а подложный характер документов был известен только самим обвиняемым.

Суд согласился с позицией специалиста К., пояснившей, что манипуляции с данными в банковской системе служили не средством хищения, а лишь способом сокрытия уже совершенного преступления. По этой же причине была отклонена версия защиты о возможной квалификации действий по ст. 158 УК РФ (кража), поскольку в данном случае отсутствовал ключевой признак тайности изъятия имущества.

Кроме того, как следует из показаний ФИО19 в суде, внесение изменений в электронную базу данных не было необходимым для совершения хищения. Сама подсудимая не смогла объяснить мотивы своих действий, признав, что аналогичное списание средств могло быть оформлено и без изменения компьютерных записей, непосредственно на имя первоначального владельца счетов — ФИО1.

Таким образом, суд пришел к выводу, что преступление, инкриминируемое подсудимым, полностью охватывается признаками мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, и не требует переквалификации на иные нормы уголовного закона¹.

Представленный выше пример свидетельствует о следующем. Квалификация по ст. 159.6 УК РФ была исключена, так как изменение данных в системе «Филиал-Сбербанк» (подмена ФИО и паспортных данных) не привело напрямую к хищению средств; деньги были похищены с помощью фиктивных расходных ордеров, подписанных самими злоумышленниками, что является классическим обманом (ст. 159 УК РФ), а не компьютерным мошенничеством; компьютерные изменения использовались для сокрытия преступления, а не как основной способ хищения. Из этого следует вывод: если вмешательство в компьютерную систему не является основным способом завладения имуществом, а лишь вспомогательным действием, квалификация по ст. 159.6 УК РФ не применяется. Также в данном деле подсудимые действовали не тайно, а путем подлога документов (фиктивные ордера), что исключает кражу; их действия носили признаки обмана, а не тайного изъятия. Из этого

¹ Приговор Вельского районного суда (Архангельская область) от 29 июля 2024 г. по делу № 1-107/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ta6bOG9K6A1p/> (дата обращения: 20.06.2025).

следует еще один вывод: если хищение совершается не тайно, а через подделку документов или обман, ст. 158 УК РФ не применяется.

В данном казусе можно было обсуждать и ст. 159.3 УК РФ. Так, преступление связано с изменением данных в банковской системе («Филиал-Сбербанк»), что можно отнести к использованию электронных средств платежа. Кроме того, деньги были переведены безналичным способом (перевод между счетами). Вместе с тем хищение произошло не через платежные системы, банкомат или онлайн-банкинг клиента, а через внутренний доступ сотрудника; подмена данных в системе банка — это злоупотребление служебным положением, а не классическое «использование электронного платежа» (как, например, взлом карты или мошенничество через мобильный банк); основной способ хищения — изменение данных клиента и оформление фиктивных ордеров, что ближе к обычному мошенничеству (ст. 159 УК РФ), чем к мошенничеству, предусмотренному ст. 159.3 УК РФ.

Приведем иной пример из судебной практики. Органами следствия ФИО1 обвинялась в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 159, ч. 1 ст. 159 УК РФ. Как установлено в ходе судебного разбирательства, ФИО1, являясь специалистом офиса продаж в салоне сотовой связи ПАО <...>, при оказании услуги по восстановлению SIM-карты клиента (Свидетель № 1) завладела его телефоном и паспортом. Без его ведома, используя рабочий компьютер, оформила на его имя кредитную карту АО <...> с лимитом 136 тыс. р., подписав документы от его имени. Для сокрытия преступления изменила контактные данные в личном кабинете, удалила уведомления, а карту оставила у себя. В последующие дни ФИО1 похитила с данного счета денежные средства: 26 тыс. р. — пере-

вод на карту ФИО6; 50 тыс. р. — снятие через банкомат; 10 тыс. р. — перевод на карту ФИО6; 40 тыс. р. — снятие через банкомат; 3 120 р. — оплата товара; 349 р. — оплата товара; 3 700 р. — оплата товара (эпизод 1).

Далее ФИО1, используя доступ к личному кабинету Свидетеля № 1 в приложении АО <...>, оформила на его имя кредит на 261 600 р., подписав договор электронной подписью. Деньги были переведены на его счет, после чего 250 тыс. р. переведены на карту ФИО6 (эпизод 2). В последующем ФИО1 аналогичным образом оформила на Свидетеля № 1 кредит на 120 тыс. р., из них: 105 тыс. р. — перевод на карту ФИО6; 7 тыс. р. — частичное погашение предыдущего кредита; 700 р. — оплата связи. Таким образом, ФИО1 похитила денежные средства АО <...> на общую сумму 517 600 р. (эпизод 3).

Суд посчитал действия ФИО1 по первому эпизоду неправильно квалифицированными как кража с банковского счета; факты указывают на мошенничество в сфере компьютерной информации, поэтому суд квалифицировал их по п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ. Также суд указал, что действия ФИО1 по второму эпизоду неправильно квалифицированы как мошенничество в крупном размере; суд квалифицировал их как мошенничество в сфере компьютерной информации по п. «б» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, поскольку ущерб составил 261 600 р. Суд также указал, что действия ФИО1 по третьему эпизоду квалифицированы неверно, так как описанные события свидетельствуют о совершении мошенничества в сфере компьютерной информации (в итоге действия ФИО1 переквалифицированы на ч. 1 ст. 159.6 УК РФ).

Представленный пример свидетельствует о следующем: преступление совершалось исключительно с использованием компьютерных технологий, что соответствует конструкции

ст. 159.6 УК РФ. ФИО1 не просто тайно изымала деньги, а активно вводила в заблуждение банковскую систему, изменяя данные, оформляя кредиты от имени потерпевшего; хищение происходило не путем физического изъятия денег, а посредством компьютерных операций (оформление кредитов, переводы); кража предполагает отсутствие взаимодействия с потерпевшим или системами под видом законных действий, а здесь было имитировано добровольное распоряжение средствами с помощью поддельных документов и электронной подписи. Поэтому квалификация по ст. 158 УК РФ и не нашла подтверждения. Что касается квалификации по ст. 159 УК РФ, обман был направлен не на человека, а на автоматизированную систему: ФИО1 не взаимодействовала с сотрудниками банка, а вводила данные в компьютерную систему, которая автоматически одобряла кредиты; изменение контактных данных, удаление уведомлений, подписание электронных документов — все это воздействие на информационные системы, а не на лиц. Соответственно, вменение ст. 159 УК РФ ФИО1 было неправильным¹.

Если говорить о первом и втором представленных примерах, разница в квалификации обусловлена характе-

ром использования компьютерных данных: в первом случае компьютерные манипуляции были вспомогательным инструментом для сокрытия уже совершенного мошенничества (основной способ — подделка документов). Во втором случае компьютерные действия были основным способом хищения, что прямо подпадает под действие ст. 159.6 УК РФ.

Таким образом, ст. 159.6 УК РФ применяется, если хищение совершено исключительно путем вмешательства в компьютерные системы (ввод, удаление, блокирование, модификация данных и т. д.); ст. 158 УК РФ (кража) — если имущество изымается тайно, без взаимодействия с системами под видом законных действий; ст. 159 УК РФ (обычное мошенничество) — если обман направлен на человека, а не на автоматизированные системы; ст. 159.3 УК РФ (мошенничество с электронными платежами) — если используются платежные инструменты (банковские карты, онлайн-банкинг), но не внутренние служебные системы. В итоге для квалификации по п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ исходим из предмета преступного посяательства: «безналичные денежные средства, находящиеся на банковском счету, а равно электронные денежные средства».

Список источников

1. Абдульмянова Т.В. Анализ состава преступления, предусмотренного статьей 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4 (46). С. 114–119.
2. Хузина Н.А., Михайлова В.Е. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // 83 студенческая научно-практическая конференция : сб. науч. тр. / Ростов. гос. ун-т путей сообщения. Воронеж : РГУПС, 2024. С. 60–65.
3. Киктенко А.А. Предмет преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 3 (49). С. 103–107.
4. Кундрюков Д.Н. Мошенничество в сфере компьютерной информации // Аллея науки. 2024. Т. 1, № 1 (88). С. 510–513.

¹ Приговор Анжеро-Судженского городского суда (Кемеровская область) от 14 июля 2024 г. по делу № 1-146/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bEcXbffjMNQ1/?> (дата обращения: 20.06.2025).

5. Калманова Д.М. К вопросу о мошенничестве в сфере компьютерной информации // Научный аспект. 2024. Т. 14, № 2. С. 1700 – 1705.

6. Суркова А.В. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации, связанных с отграничением от смежных составов преступлений // Аллея науки. 2023. Т. 1, № 11 (86). С. 636 – 643.

7. Прохорко Т.Н. Мошенничество в сфере компьютерной информации // Социально-экономические процессы современного общества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 29 мая 2024 г. / Чуваш. гос. ин-т культуры и искусств. Чебоксары : Среда, 2024. С. 117 – 119.

8. Кириченко Ю.А., Панфилова В.А. Актуальные проблемы квалификации и правоприменения мошенничества в сфере компьютерной информации // Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Экономические вызовы в новых геополитических условиях», Саратов, 15 марта 2024 г. / Саратовский гос. техн. ун-т им. Гагарина Ю.А. Саратов : Саратовский источник, 2024. С. 243 – 245.

9. Самиулина Я.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной регламентации // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3 (54). С. 62 – 65.

10. Силкин В.П. О проблемах квалификации краж, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 2. С. 43.

Информация об авторе

А.В. Куликов – профессор Высшей школы права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A.V. Kulikov – Professor at the Higher School of Law of Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

Роман Аркадьевич ЛАВРОНЕНКО

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, usb.ru@list.ru

Аннотация. Профилактика рассматриваемой группы преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой системе, представляет собой важное направление деятельности органов государственной власти по обеспечению защиты прав граждан, а также стабильности национальной экономики.

В условиях стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий и цифровизации кредитно-финансовых услуг возникают новые риски и угрозы для кредитно-финансовой системы. Это требует от государственных контролирующих и правоохранительных органов не только качественного мониторинга кредитно-финансовых организаций и анализа их деятельности, но и выявления потенциальных рисков и своевременного реагирования на уже совершенные противоправные деяния, прогнозирования их возможного возникновения. В статье дается характеристика состояния преступности в кредитно-финансовой системе, освещаются актуальные проблемы профилактики преступности в данной сфере, предложены пути совершенствования профилактической деятельности государственных контролирующих и правоохранительных органов, что позволит повысить эффективность профилактики преступлений в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: профилактика преступности, преступность в кредитно-финансовой системе, цифровизация финансовых услуг, риски и угрозы в кредитно-финансовой системе, искусственный интеллект

Для цитирования: Лавроненко Р.А. Профилактика преступности в кредитно-финансовой системе // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 72 – 77.

Original article

PREVENTION OF CRIMINAL OFFENCES IN THE CREDIT AND FINANCIAL SYSTEM

Roman A. LAVRONENKO

University of prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia, usb.ru@list.ru

Abstract. The prevention of this category of crimes committed within the credit and financial system represents a crucial area of activity for governmental authorities aimed at ensuring the protection of citizens' rights and the stability of the national economy.

In the context of rapid development of information and telecommunications technologies and the digitalization of credit and financial services, new risks and threats are emerging for the credit and financial system. This situation compels state supervisory and law enforcement agencies not only to conduct high-quality monitoring of credit and financial institutions and analyse their activities but also to identify potential risks, respond promptly to already committed unlawful acts, and forecast possible future offences. The author provides an overview of the crime situation

© Лавроненко Р.А., 2025

within the credit and financial system, highlights current issues related to crime prevention in this sector, and proposes ways of improving the preventive activities of state supervisory and law enforcement authorities, thereby enhancing the effectiveness of crime prevention in this sphere.

Keywords: crime prevention, criminality in the credit and financial system, digitalization of financial services, risks and threats in the credit and financial system, artificial intelligence

For citation: Lavronenko R.A. Prevention of criminal offences in the credit and financial system. *Criminalist*. 2025;4(53):72-77. (In Russ.).

Профилактика преступности в кредитно-финансовой системе играет важную роль в обеспечении национальной безопасности, что полностью согласуется с документами стратегического планирования. Так, в соответствии с пунктом 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400¹, достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на снижение уровня преступности в экономической сфере, в том числе кредитно-финансовой. Подпунктом 2 пункта 22 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208², определено, что основными задачами по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, являются профилактика, предупреждение и предотвращение преступных и противоправных действий в хозяйственно-финансовой сфере, осуществляемых в том числе с вовлечением представителей правоохранительных, регулирующих и контрольно-надзорных органов, государственных корпораций и компаний с преобладающим участием Российской Федерации.

В условиях беспрецедентного санкционного давления на нашу страну преступность в кредитно-финансовой

системе является одной из центральных проблем, оказывающих негативное влияние на национальную экономику, способствующих нарушению ее нормального функционирования, дестабилизирующих кредитно-финансовые институты.

При постоянно меняющихся экономических условиях общественные отношения в кредитно-финансовой системе остаются динамичными. Так, отмечается увеличение числа кредитно-финансовых операций и способов взаимодействия участников кредитно-финансовых отношений, появляются новые финансовые инструменты, что неизбежно ведет к росту преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий посредством вовлечения в преступную деятельность институтов кредитно-финансовой системы, увеличению числа преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе при обработке персональных данных с использованием информационных технологий³.

Многообразие форм взаимодействия между кредитными финансовыми организациями, некредитными финансовыми организациями и иными специализированными финансовыми организациями, большое количество современных финансовых инструментов обуславливают рост рисков и угроз для национальной экономики, возникновение новых и совершенствование суще-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. П. 14 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

ствующих способов и методов преступной деятельности.

Исследование преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой системе, — сложный процесс. Зачастую совершенное в этой системе преступление не только взаимосвязано с другими криминальными деяниями, но и само по себе порождает их. Образно говоря, если исследователь потянет за нить, то может размотать целый клубок, увидеть и проанализировать множество факторов, детерминирующих преступность в рассматриваемой сфере, в последующем предложить общие и специальные меры по ее профилактике.

Обращает на себя внимание резкий рост зарегистрированных преступлений, совершенных в кредитно-финансовой системе. Всего по России в 2021 году зарегистрировано 15 661 преступление, и уже в 2022 году наблюдается всплеск преступности рассматриваемого вида, когда было зарегистрировано 22 581 преступление (+44,2 %), в 2023 году — 28 416 преступлений (+25,8 %) и в 2024 году — 28 098 преступлений (-1,1 %)¹.

Кроме того, в 2024 году Банк России выявил 9027 субъектов (компаний, проектов, индивидуальных предпринимателей и др.) с признаками нелегальной деятельности, что в 1,6 раза больше, чем в 2023 году (5735). Среди выявленных субъектов 5510 финансовых пирамид, 1936 нелегальных профессиональных участников рынка ценных бумаг и 1531 нелегальный кредитор. Такая динамика объясняется наличием на финансовом рынке финансовых пирамид и нелегальных брокеров, осуществляющих свою деятельность посредством создания интернет-проектов, в том числе социальных сетей и мессенджеров, простотой масштабирования схожих интернет-проектов, их анонимностью, появлением

большого количества недобросовестных инвестиционных предложений².

При таких условиях возрастает роль эффективного взаимодействия государственных контролирующих и правоохранительных органов, отдельных кредитно-финансовых организаций, входящих в систему профилактики преступности в рассматриваемой сфере, и концентрации усилий по реализации мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих преступности.

До настоящего времени сохраняются следующие факторы, детерминирующие преступность в кредитно-финансовой системе: недостатки нормативного правового регулирования, недостаточный информационный обмен между институтами кредитно-финансовой системы, государственными контролирующими и правоохранительными органами, низкий уровень финансовой грамотности населения, сложность выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в отдельных сегментах кредитно-финансового рынка, применение новых способов совершения противоправных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в условиях анонимности.

В соответствии с Концепцией государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 года № 4154-р³ (далее — Концепция), развитие инструментов финансового рынка, платежных систем, а также в целом цифровизация экономических процессов дали толчок

¹ По данным единого государственного статистического учета за 2021, 2022, 2023 и 2024 гг. Форма 4-ЕГС // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <http://ssi.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2025).

² Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Центральный банк Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.cbr.ru/analytics/inside/2024_2/ (дата обращения: 09.09.2025).

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 2. Ст. 76.

к появлению специфических способов расчетов — электронных средств платежа и их использованию юридическими и физическими лицами для безналичных расчетов. При этом чаще фиксируются хищения кредитных денежных средств, полученных как самими потерпевшими под влиянием злоумышленников, так и в результате доступа преступников к системам дистанционного банковского обслуживания при регистрации на сайтах микрофинансовых организаций под учетными записями граждан.

Кроме того, в Концепции обращено внимание на то, что подходы к организации дистанционного банковского обслуживания нуждаются в адаптации в целях устранения уязвимостей и минимизации возможного ущерба для граждан и кредитных организаций. Выводу на рынок новых видов услуг должна предшествовать их нормативная регламентация в целях снижения рисков анонимизации фактического потребителя.

В рамках противодействия преступлению, совершаемому в кредитно-финансовой системе, первостепенное значение приобретает качественно функционирующее законодательство, в основу которого должен быть положен детально проработанный понятийный и категориальный аппарат.

Вместе с тем исследование юридической природы преступности в кредитно-финансовой системе сопряжено с трудностями, связанными с отсутствием четкого истолкования указанного явления. Так, до настоящего времени в российском законодательстве отсутствует легально закрепленное определение такой категории, как «кредитно-финансовая система». Среди юристов и экономистов данный вопрос также остается дискуссионным.

Однако не возникает сомнений, что кредитно-финансовая система — это целостная система экономического обращения, регулирующая, аккумулирующая и перераспределяющая денежные потоки, предусматривающая взаимо-

расчеты между субъектами экономики, кредитование населения и отдельных экономических отраслей. Она прочно закрепилась в современных моделях развивающихся и развитых стран с рыночной экономикой и играет важную роль в ее функционировании.

Анализ статистических данных и результатов работы государственных контролирующих и правоохранительных органов свидетельствует о распространности преступности именно на кредитно-финансовом рынке. В результате вовлечения кредитно-финансовых институтов в преступную деятельность они могут лишиться возможности управлять ликвидностью своих активов и своими обязательствами. В итоге причиняется ущерб финансовой системе государства, подрывается нормальное функционирование правоотношений в рассматриваемой сфере.

Одной из проблем профилактики преступности данного вида выступает отсутствие единых критериев отнесения криминальных деяний к преступлениям, совершаемым в кредитно-финансовой системе, что приводит к ошибкам при их статистическом учете.

В формах федерального статистического наблюдения предусмотрен учет преступлений, связанных в первую очередь с финансовой деятельностью (код 009, 010, 088, 096, 097, 098)¹, т. е. совершаемых в процессе создания и использования денежных средств юридических и физических лиц, государства.

Преступления, совершаемые в финансово-кредитной системе, имеют отдельный код (010), но их признаки в совокупности преступлений, связанных с финансовой деятельностью, не выделяются. В описании реквизита указано только, что одним из видов финансовой

¹ О едином учете преступлений : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. // Российская газета. 2006. 25 янв.

деятельности является предоставление услуг по кредитованию, оказываемых как банковскими, так и небанковскими организациями кредитного сектора. Такая формулировка слишком широко толкует понятие кредитно-финансовой системы и финансовой деятельности, что затрудняет не только анализ состояния преступности данного вида, но и оценку эффективности мер ее профилактики [1, с. 14–15].

Между тем развитие информационных технологий отчасти изменило подходы государственных контролирующих и правоохранительных органов к профилактике преступности в кредитно-финансовой сфере. Такие современные технологии, как искусственный интеллект, становятся инструментами для анализа финансовых данных и выявления тенденций и закономерностей, что позволяет предотвратить различные виды незаконных финансовых операций [2, с. 119–120]. Подобные технологии способны распознать взаимосвязи в различных массивах данных, которые сложно поддаются анализу.

Приобретающий широкую известность блокчейн, как децентрализованная система учета, также прокладывает путь к повышению прозрачности и безопасности финансовых операций, что способствует борьбе с незаконными финансовыми операциями, повышает доверие к финансовым институтам [3, с. 132–133].

Автоматизированные системы мониторинга финансовых операций могут выявлять подозрительные действия, основываясь на алгоритмах, которые адаптируются к новым типам противоправных деяний [2, с. 119–121]. Их внедрение позволит кредитно-финансовым организациям оперативно реагировать на возможные угрозы. Однако разработка таких систем требует комплексного подхода, направленного на их интеграцию с существующими информационными системами, в том числе путем совершенствования специальных плат-

форм обмена информацией между финансовыми учреждениями и правоохранительными органами. Эта работа будет способствовать более эффективному обмену данными о рисках и угрозах вовлечения кредитно-финансовых институтов в преступную деятельность, поможет предотвратить рецидив финансовых преступлений [4, с. 360; 5, с. 78].

Необходимо подчеркнуть важную роль прокуратуры в деятельности по профилактике преступности в кредитно-финансовой системе, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Существующие подходы органов прокуратуры к профилактике преступлений в рассматриваемой сфере в науке подразделяются на реактивные и проактивные. Реактивные включают в себя правовые и организационные мероприятия, направленные на пресечение преступной деятельности после ее совершения, проактивные — на предотвращение совершения преступлений.

Для обеспечения соблюдения законов и профилактики преступлений в прокурорском надзоре важен методичный подход, который в числе прочего предполагает обмен опытом и скоординированные действия с мегарегулятором, налоговыми и правоохранительными органами по выявлению финансовых преступлений и устранению факторов, способствующих их возникновению. Достижению положительных результатов будут способствовать проведение совместных проверок, обмен статистическими данными, формирование единых информационных баз, направленных на профилактику экономических преступлений и защиту интересов граждан [6, с. 158, 160].

Также представляются необходимыми усиление взаимодействия между правоохранительными органами и кредитно-финансовыми организациями, систематический мониторинг и анализ финансовых операций с применением специальных технологий для выявления

подозрительных действий. Такое сотрудничество может значительно ускорить процесс выявления, раскрытия и расследования преступлений и повысить степень предупреждения рецидивов [3, с. 132 – 133].

Внедрение законодательных изменений, направленных на обеспечение четкого понятийно-категориального аппарата, минимизирует противоречия в правовых нормах, что позитивно скажется на эффективности работы правоохранительных органов на данном направлении [5, с. 77 – 78; 7].

Общие и специальные меры профилактического характера требуют постоянного обновления и адаптации к новым вызовам. Важно, чтобы законодательство не только реагировало на уже существующие угрозы, но и предвосхищало их, создавая условия для снижения

рисков. Особое внимание следует уделять повышению финансовой грамотности населения. Оповещение граждан о возможных рисках, угрозах, а также способах защиты от криминальных проявлений в кредитно-финансовой сфере будет способствовать снижению уровня преступности.

Отдельное место в системе профилактики занимает оценка эффективности профилактических мероприятий. В целях анализа результативности профилактической работы на постоянной основе необходимо проводить научные исследования. Это позволит не только оптимизировать существующие меры по противодействию преступности, но и выработать новые, более эффективные подходы к профилактике вовлечения граждан в криминальную деятельность.

Список источников

1. Жубрин Р.В., Лавроненко Р.А. Легализация преступных доходов в кредитно-финансовой системе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2 (64). С. 11 – 16.
2. Рожков В.А. Использование искусственного интеллекта и машинного обучения для выявления и борьбы с финансовыми преступлениями // Теория и практика современной науки. 2024. № 6 (108). С. 118 – 122.
3. Кязимов М.С. Специфические приемы и методы предупреждения преступлений в финансово-кредитной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 7. С. 130 – 133.
4. Дубовиченко Е.Е., Кравцова О.В. Понятие и пути повышения эффективности прокурорского надзора // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С. 359 – 361.
5. Иванов Д.А., Сачек А.М. Предотвращение преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, с использованием информационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 76 – 80.
6. Залужный А.Г. Взаимодействие прокуратуры с другими государственными органами, общественными и иными организациями по обеспечению законности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. С. 157 – 162.

Информация об авторе

Р.А. Лавроненко – старший научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

R.A. Lavronenko – Senior Research Fellow of the Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.9

О КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВХОДЯЩИХ В ОБЪЕМ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Елена Вячеславовна ЛАТЫШЕВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, egjohns@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена установлению уголовно-правовых и криминологических границ насильственной преступности в семейно-бытовой сфере. Проведен анализ научных работ, выявлены недостатки предложенных в доктрине классификаций преступности в данной сфере.

Автором определены характерные признаки рассматриваемого явления. На их основе предложена криминологическая классификация насильственных преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, по объекту преступного посягательства. Проведен анализ преступных деяний, предусмотренных нормами, включенными в главы 16–18, 20, 25 Уголовного кодекса Российской Федерации, дано обоснование их отнесения к анализируемому виду преступности.

Предложенная классификация может служить основой для осуществления государственного статистического учета преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, прогнозирования и разработки мер профилактики в данном направлении.

Ключевые слова: семейно-бытовая преступность, криминологическая классификация, объект преступления, мотив, член семьи

Для цитирования: Латышева Е.В. О классификации преступлений, входящих в объем насильственной преступности в семейно-бытовой сфере // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 78 – 85.

Original article

ON THE CLASSIFICATION OF CRIMES COMPRISING THE SCOPE OF VIOLENT CRIME IN THE FAMILY AND DOMESTIC SPHERE

Elena V. LATYSHEVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, egjohns@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to establishing criminal legal and criminological boundaries of violent crime in the family and domestic sphere. An analysis of scientific works has been conducted, shortcomings of the classifications of crime in this sphere proposed in the doctrine have been revealed.

The author has defined the characteristic features of the phenomenon under consideration. Based on these features, a criminological classification of violent crimes committed in the family and domestic sphere according to the object of criminal encroachment has been proposed. An analysis of criminal offences provided for by the provisions included in Chapters 16–18, 20, 25 of the Criminal Code of the Russian Federation has been conducted, and justification for their attribution to the analyzed type of criminality has been provided.

© Латышева Е.В., 2025

The proposed classification can serve as a basis for implementing state statistical accounting of crimes committed in the family and domestic sphere, forecasting and developing preventive measures in this area.

Keywords: family and domestic crime, criminological classification, object of a crime, motive, family member

For citation: Latysheva E.V. On the classification of crimes comprising in the scope of violent crime in the family and domestic sphere. *Criminalist*. 2025;4(53):78-85. (In Russ.).

Преступность в семейно-бытовой сфере является одним из сложных и противоречивых явлений современного общества. Она имеет широкое распространение и высокую латентность, но вместе с тем не выделена на государственном уровне и не учитывается как отдельный вид преступности, что в том числе препятствует противодействию ей.

Для повышения эффективности противодействия рассматриваемому виду преступности помимо прочего требуется установление ее уголовно-правовых и криминологических границ. В этом плане требуется решение научных задач:

определение существенных признаков данного явления;

установление массива преступлений, образующих насильственную преступность в семейно-бытовой сфере.

В качестве критериев включения преступлений в число насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере определены их характерные признаки [1, с. 544 – 553], а именно:

наличие близких личных взаимоотношений между преступником и жертвой;

совместный быт, т. е. совместное проживание, ведение общего хозяйства, в том числе в прошлом;

наиболее характерное место совершения правонарушений – индивидуальные дома, квартиры, общежития, коммунальные квартиры;

основным мотивом преступных проявлений в семье служат личные неприязненные отношения, возникшие на почве внутрисемейных конфликтов [2, с. 15; 3, с. 18; 4, с. 6; 5, с. 30; 6, с. 6; 7, с. 14];

объектом преступного посягательства являются жизнь, здоровье, телесная не-

прикосновенность, личная свобода, половая неприкосновенность, половая свобода, нормальное физическое развитие и нравственное воспитание несовершеннолетних;

характеризуются умыслом (прямым или косвенным);

выражаются в форме действия (бездействия) путем применения физического, психического и сексуального насилия, ответственность за совершение которого установлена уголовным законодательством.

В доктрине нет однозначного подхода к определению содержания преступности в семейно-бытовой сфере. На основе анализа научных исследований, посвященных уголовно-правовой и криминологической характеристике насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, можно сделать вывод, что зачастую в них не содержится убедительного обоснования отнесения того или иного состава преступления к преступлениям в рассматриваемой сфере. При этом большая часть преступных деяний, совершаемых в семейно-бытовой сфере, охватываются нормами глав 16 – 18, 20, 25 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Большинство авторов, включая то или иное преступление в число насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере, в своих работах не указывают, что не все из них могут совершаться членами семьи [8, с. 129, 132; 9, с. 70 – 71; 10, с. 56 – 57; 11, с. 82; 12, с. 96 и др.].

Некоторые исследователи относят к насильственным внутрисемейным преступлениям деяния, предусмотренные

ст. 125, 128, 151.2 УК РФ [8, с. 129], ст. 124, 157 УК РФ [12, с. 96], которые по своему составу не являются насильственными.

Некоторые правоведы выделяют пренебрежение как вид насилия, который представлен в ст. 124, 125, 156, 157 УК РФ [12, с. 96], что, на наш взгляд, является спорным, поскольку пренебрежение относится к виду психического насилия, которое выражается в форме бездействия. Например, при неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ), когда родитель пренебрежительно и унизительно обращается с ребенком, игнорируя его просьбы, отказываясь или уклоняясь от оказания необходимой медицинской помощи и т. п. [13, с. 17].

Первым необходимым основанием определения преступлений, образующих этот вид преступности, является объект преступного посягательства. Предлагается относить к ним преступления против:

- жизни;
- здоровья;
- телесной неприкосновенности;
- личной свободы;
- половой неприкосновенности и половой свободы;
- нормального физического развития и нравственного воспитания несовершеннолетних.

Многообразие обстоятельств, при которых совершаются преступления в семейно-бытовой сфере, потребовало уточнения классификационных групп, поскольку некоторые преступления в силу своей природы, безусловно, могут быть совершены в семье (побои, причинение вреда здоровью, угроза убийством и т. п.), а другие, хотя по своей природе являются нетипичными для данного вида преступности в силу сложившихся в обществе культурных, моральных, социальных представлений о норме межличностных отношений внутри семьи, могут быть отнесены к анализируемой

категории при совершении деяния членами семьи в силу наличия между ними конфликтных отношений и личной неприязни.

С этих позиций в рамках каждой классификационной группы могут быть выделены две соответствующие подгруппы:

преступления, относящиеся к семейно-бытовой преступности без дополнительных условий при наличии указанных выше криминологических признаков;

преступления, относящиеся к семейно-бытовой преступности при наличии дополнительных условий.

К насильственным преступлениям в семейно-бытовой сфере против жизни относятся преступления, предусмотренные:

- 1) без дополнительных условий:
ч. 1, пп. «а», «в», «г», «д», «е», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ;
ст. 106 УК РФ;
ст. 107 УК РФ;
ст. 108 УК РФ;
ч. 1, пп. «а», «б», «в», «г», «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ;

2) при наличии дополнительных условий:

- п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в части убийства из корыстных побуждений);
- п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы);
- п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)).

Полагаем, что данные преступления следует понимать как семейно-бытовые в случае, если наряду с основным, квалифицирующим уголовно-правовым

признаком присутствует мотив личной неприязни, который выступает дополнительным в криминологическом смысле. При квалификации содеянного учитываются основные мотивы. Но судебная практика знает случаи, когда несколько мотивов были в равной степени определяющими поведение преступника [14, с. 27].

Например, А., испытывая финансовые трудности, неоднократно просил у своей матери С. оказать ему финансовую помощь, однако последняя отказывалась. Заведомо зная, что у С. имеются денежные средства в значительном размере, А. совершил на нее разбойное нападение с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, и убийство с целью завладения ее денежными средствами (осужден по п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Как пояснил осужденный, мотивом совершения данного преступления явились личные неприязненные отношения с матерью, поскольку он считал ее виновной в том, что не достиг положительных результатов в профессиональной деятельности, у него были значительные финансовые трудности, он просил у матери финансовой поддержки, но она отказывала ему в этом. В связи с чем он решил убить ее, считая это справедливым¹.

Применительно к преступлениям, совершенным по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, для разграничения с преступлениями, совершенными на почве личных неприязненных отношений, следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие

с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе².

В массив рассматриваемого вида преступности не включаются преступления, предусмотренные п. «б» (убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга), п. «е.1» (убийство по мотиву кровной мести) ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку они не могут совершаться членами семьи.

Полагаем, что совершение убийства, квалифицируемого по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также иных насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере из хулиганских побуждений является практически неосуществимым, поскольку между членами семьи, в том числе бывшими, имеются личные отношения, которые обуславливают иные мотивы конфликтов между ними, нежели хулиганский.

Исходя из позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации (п. 13 постановления от 15 ноября 2007 года № 45 (ред. от 26 ноября 2024 года) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»), побои, причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести, совершенные в семье, в отношении родственников, знакомых лиц и вызванные личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших и т. п., при наличии к тому оснований должны квалифицироваться по статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации,

¹ Приговор Московского областного суда (Московская область) от 25 января 2021 г. по делу № 2-16/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 : текст с изм. и доп. на 28 окт. 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусматривающим ответственность за преступления против личности.

Также полагаем, что не относится к насильственной преступности в семейно-бытовой сфере преступление, предусмотренное п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего), поскольку, исходя из судебной практики, мотивами данного преступления выступают корысть, использование органов или тканей для последующей трансплантации, оно совершается, как правило, медицинскими работниками. Кроме того, мотивом может быть использование органов или тканей потерпевшего для осуществления сатанинских ритуалов, сексуальных извращений, каннибализма и т. п.¹

К рассматриваемому виду преступности не относятся преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства) и ст. 110.2 УК РФ (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства), поскольку они являются ненасильственными.

К насильственным преступлениям в семейно-бытовой сфере против здоровья относятся преступления, предусмотренные:

- 1) без дополнительных условий:
ч. 1, пп. «б», «в», «з» ч. 2, пп. «а», «б» ч. 3, ч. 4 ст. 111 УК РФ;
ч. 1, пп. «а», «в», «г», «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ;
ст. 113 УК РФ;

¹ Например: Приговор Новгородского областного суда от 20 ноября 2018 г. по делу № 02-07/2018 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=AOSZ&n=3366001#q23CMoUkrj5zJJEn> (дата обращения: 13.06.2025) ; Приговор Московского областного суда от 9 апреля 2024 г. № 2-65/2024 (2-169/2023) // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=AOKI&n=13139087#HOKlToULj1lEnzK6> (дата обращения: 13.06.2025).

ст. 114 УК РФ;
ч. 1, п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ;
ст. 116.1 УК РФ;

ч. 1, пп. «а», «в», «г», «д», «е» ч. 2 ст. 117 УК РФ;

ч. 1 ст. 119 УК РФ;

2) при наличии дополнительного условия — если совершение преступления обусловлено также мотивом личной неприязни:

составы, содержащие признак «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)»: п. «и» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ;

составы, содержащие признак «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»: п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, ст. 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 119 УК РФ.

В массив рассматриваемого вида преступности не включаются преступления, предусмотренные п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 117 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 119 УК РФ, поскольку они не могут совершаться членами семьи.

Ввиду несоответствия целей и мотивов совершения насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере не включаются в число преступлений данного вида преступления, предусмотренные пп. «г», «д», «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «ж» ч. 2 ст. 117 УК РФ.

Статья 120 УК РФ (принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации) предусматривает

наказание за нарушение установленного законом порядка изъятия органов или тканей человека для трансплантации, в результате чего ставится в опасность жизнь или здоровье человека, а также нарушаются права и законные интересы родственников, близких потерпевшему лиц [15, с. 79]. В этой связи совершение данного преступления по мотиву личной неприязни маловероятно и не включается в массив исследуемого вида преступности.

Также представляется обоснованным исключить преступления, предусмотренные ст. 121, 122, 123, 124, 124.1 УК РФ, поскольку они не являются насильственными.

К насильственным преступлениям в семейно-бытовой сфере против личной свободы относятся преступления, предусмотренные:

1) без дополнительных условий:
ч. 1, пп. «а», «в», «г», «д», «е», «ж» ч. 2, п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ;

ч. 1, пп. «а», «в», «г», «д», «е», «ж» ч. 2, ч. 3 ст. 127 УК РФ¹;

2) при наличии дополнительного условия — если совершение данных преступлений обусловлено также мотивом личной неприязни:

п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ (из корыстных побуждений);

п. «и» ч. 2 ст. 126 и п. «з» ч. 2 ст. 127 УК РФ (с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)).

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации (п. 8 постановления от 24 декабря 2019 года № 58 «О судебной практике по делам

¹ Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» применение насилия, не опасного для жизни или здоровья человека, охватывается ч. 1 ст. 126 УК РФ или ч. 1 ст. 127 УК РФ.

о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»), похищение человека квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ (из корыстных побуждений), если оно совершено в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.). Очевидно, что данный мотив может сочетаться с мотивом личной неприязни, например совершение преступления бывшим супругом на почве неуплаты алиментов.

Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 127.1 УК РФ, не включает насилие при купле-продаже человека, иных сделках в отношении человека, а равно совершенных в целях его эксплуатации, при вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении. Основной мотив таких преступлений — корыстный. В этой связи данное преступление не входит в массив исследуемого вида преступности.

Однако при условии совершения в отношении членов семьи, в том числе бывших, преступлений, сопряженных с применением насилия или угрозой его применения, в содержание насильственной преступности включаются деяния, предусмотренные п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, а также пп. «а», «б», «г», «д», «з», «и» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ с дополнительной квалификацией по п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ; пп. «а», «б» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ.

Преступления, предусмотренные ст. 127.2 УК РФ, не относятся к рассматриваемому виду преступности ввиду несоответствия объекта преступного посягательства — право человека на свободный труд.

К насильственным преступлениям в семейно-бытовой сфере против половой неприкосновенности и половой свободы

личности относятся преступления, предусмотренные главой 18 УК РФ: ст. 131, 132, 133 УК РФ.

Включение преступлений, предусмотренных ст. 133 УК РФ, в число насильственных обусловлено наличием посягательства на половую свободу потерпевшего путем причинения психического насилия, выраженного в форме шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества [16, с. 27].

Неоднозначным представляется отношение отдельными правоведами к преступлениям данной категории преступлений, предусмотренных ст. 240, 241, 242, 242.1, 242.2 УК РФ [11, с. 82; 17, с. 33], поскольку они имеют иной родовой объект — общественная безопасность и общественный порядок.

К насильственной преступности следует относить вовлечение в занятие проституцией (п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ) и организацию занятия проституцией (п. «б» ч. 2 ст. 241 УК РФ) в случае применения насилия или его угрозы членом семьи.

Кроме того, в массив насильственной преступности в семейно-бытовой сфере подлежат включению преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 240 УК РФ, ч. 3 ст. 241 УК РФ, в случае совершения данных преступлений членом семьи с применением насилия или с угрозой его применения.

К насильственным преступлениям в семейно-бытовой сфере против

нормального физического развития и нравственного воспитания несовершеннолетних относятся преступления, предусмотренные:

1) без дополнительных условий: ст. 156 УК РФ;

2) при наличии дополнительного условия — при условии применения насилия или угрозы его применения родителем либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего:

п. «а» ч. 3 ст. 150 УК РФ;

пп. «б», «в» ч. 3 ст. 150 УК РФ в совокупности с п. «а» ч. 3 ст. 150 УК РФ;

пп. «а», «б», «в», «г» ч. 4 ст. 150 УК РФ — при наличии в действиях виновного насилия или угрозы его применения;

п. «а» ч. 3 ст. 151 УК РФ;

пп. «б», «в» ч. 3 ст. 151 УК РФ в совокупности с п. «а» ч. 3 ст. 151 УК РФ.

В семейно-бытовой преступности могут иметь место казусы, не охваченные предложенной классификацией. Охарактеризованное для целей настоящей статьи элементное содержание семейно-бытовой преступности охватывает большую часть типичных случаев совершения рассматриваемых преступлений. Разработанная классификация может служить основой в противодействии данному виду преступности, в том числе для целей обобщения ее детерминант, построения прогнозов, определения мер снижения уровня семейно-бытовой преступности.

Список источников

1. Латышева Е.В. Понятие преступности в семейно-бытовой сфере // Социальное управление. 2023. Т. 5, № 12. С. 544—553.
2. Ким Е.П. Преступность в сфере бытовых отношений и ее предупреждение (проблемы теории и практики) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Ким Евгений Петрович. Москва, 2002. 354 с.
3. Кириллов М.А., Мешкова А.В., Панченко П.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения в семейно-бытовых и досуговых отношениях : монография. Нижний Новгород ; Чебоксары, 2010. 299 с.
4. Коцюба В.А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений : По материалам Дальневосточного региона : специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Коцюба Владимир Андреевич. Хабаровск, 2004. 186 с.

5. Варыгин А.Н. Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 30—34.

6. Безвербная Н.А. Гендерное насилие в современной российской молодой семье : специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография» : дис. ... канд. социол. наук / Безвербная Наталья Александровна. Нижний Новгород, 2021. 137 с.

7. Ефимова М.П. Криминологический анализ насилия в сфере семейных отношений: теория и практика противодействия : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ефимова Мария Прометеевна. Санкт-Петербург, 2025. 23 с.

8. Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье: системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Харламов Валентин Станиславович. Санкт-Петербург, 2019. 43 с.

9. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Ильяшенко Алексей Николаевич. Москва, 2003. 511 с.

10. Золотухин С.Н. Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений : монография. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. 196 с.

11. Меликов Ф.А. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия насилию в семье : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Меликов Фарид Арасханович. Москва, 2017. 187 с.

12. Романова Ю.В., Симбирёва Н.А. Насильственная преступность в семейно-бытовой сфере: понятие, виды и механизмы предупредительной деятельности // Наука через призму времени. 2017. № 7. С. 94—98.

13. Ключенко Л.Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ключенко Лариса Николаевна. Москва, 2019. 33 с.

14. Андреева Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах : учеб. пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. 56 с.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова [и др.] ; отв. ред. В.М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2025. 371 с.

16. Борисова О. Вопросы квалификации понуждения к действиям сексуального характера // Уголовное право. 2014. № 5. С. 27—29.

17. Машинская Н.В. Насилие в семье: криминологические и уголовно-правовые аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Машинская Наталья Викторовна. Москва, 2001. 160 с.

Информация об авторе

Е.В. Латышева — лицо, прикрепленное к Санкт-Петербургскому юридическому институту (филиалу) Университета прокуратуры Российской Федерации для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Information about the author

E.V. Latysheva — A person attached of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation for the preparation of a dissertation for the degree of Candidate of Sciences.

Научная статья
УДК 343

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗЪЯТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Полина Дмитриевна ЛОБАНОВА

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия, polina-l.lobanova@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время процесс изъятия медицинской документации является недостаточно урегулированным.

Предметом исследования являются проблемы правового регулирования изъятия медицинской документации, целью — выявление проблем практического и законодательного характера, влияющих на процесс изъятия данной документации. Выявление проблем необходимо для повышения качества процедуры изъятия. Анализируя правовое регулирование, автор выделяет следующие проблемы: отсутствие законодательного определения понятия «медицинская документация»; невозможность получения медицинской документации в связи с ее полной или частичной утратой; недостаточная регламентация процедуры изъятия в процессе проверки сообщения о преступлении; длительный срок вынесения постановления о производстве выемки медицинской документации; длительный срок обработки запроса о предоставлении медицинской документации в медицинской организации. В работе выделяется ряд проблем, требующих внимания как правоприменителя, так и законодателя. В качестве решения выявленных проблем автор предлагает дополнить законодательство термином «медицинская документация»; ускорить процесс цифровизации, которая поможет избежать утраты данных документов; детализировать в законодательстве процесс изъятия медицинской документации на этапе проверки сообщения о преступлении, что позволит повысить эффективность данного процесса.

Ключевые слова: медицинская документация, расследование, изъятие, доступ к медицинским документам, судебный порядок

Для цитирования: Лобанова П.Д. Проблемы правового регулирования изъятия медицинской документации // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 86 – 93.

Original article

LEGAL ISSUES IN THE SEIZURE OF MEDICAL DOCUMENTATION

Polina Dmitrievna LOBANOVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, polina-l.lobanova@yandex.ru

Abstract. Currently, the process of seizing medical documentation is insufficiently regulated. The subject of the study encompasses the problems of legal regulation concerning the seizure of medical documentation, and the aim is identifying practical and legislative issues affecting this process. Delineating these issues is essential to improve the quality of the seizure procedure. Analyzing the legal framework, the author points out the following problems: the absence of a statutory definition of the concept of «medical documentation»; the inability to obtain medical documentation due to its complete or partial loss; insufficient regulation of the seizure procedure

© Лобанова П.Д., 2025

during the verification of a crime report; prolonged timelines for issuing orders to seize medical documentation; and lengthy processing times for requests to provide medical documentation in healthcare organizations. The publication highlights a number of issues that require attention of both the law enforcement authorities and legislators. As a solution to the identified problems, the author proposes to amend legislation by introducing the term «medical documentation»; to accelerate the digitalization process to prevent data loss; to detail within the legislation the procedure for seizing medical documentation at the stage of verifying a crime report, thereby enhancing the efficiency of this process.

Keywords: medical documentation, investigation, seizure, access to medical documents, judicial procedure

For citation: Lobanova P.D. Legal issues in the seizure of medical documentation. Criminalist. 2025;4(53):86-93. (In Russ.).

Медицинская документация — важная часть жизни человека, она сопровождает его от рождения до смерти. В ней содержатся существенные сведения, которые могут помочь в расследовании преступления. В литературе можно встретить мнение, что медицинская документация имеет значение только для расследования ятрогенных преступлений, однако это не так. Она может использоваться при проведении проверки сообщения о преступлении, расследовании насильственного преступления, например в случае наступления смерти лица в результате причинения ему тяжкого вреда здоровью, если лицу оказывалась медицинская помощь. Поэтому важно рассмотреть проблемы изъятия медицинской документации.

«Медицинская документация — это документы установленной формы, в том числе электронной, предназначенные для регистрации результатов лечебных, диагностических, профилактических, реабилитационных, санитарно-гигиенических и других мероприятий. Она позволяет обобщать и анализировать данную информацию. Медицинская документация может быть учетной и отчетной, ее держателем выступают медицинские организации»¹.

¹ Порядок работы с первичной медицинской документацией при осуществлении контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования

В процессе своей работы сотрудники медицинских организаций должны четко соблюдать правила ведения и заполнения документации.

Медицинская документация представляет собой широкий пласт документов. В соответствии с приказами Министерства здравоохранения Российской Федерации установлены формы «Учетная карточка донора (активного, резерва, родственника)», «Санаторно-курортная карта», «Медицинское заключение о наличии (об отсутствии) у водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств) медицинских противопоказаний, медицинских показаний или медицинских ограничений к управлению транспортными средствами» и др.

Приведенное выше толкование термина «медицинская документация» получило широкое распространение в литературе, но нормативный правовой

и правила оформления медицинской документации : утв. Приказом Территориального фонда обязательного медицинского страхования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ТФОМС Югры), Департамента здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (Депздрава Югры) от 30 декабря 2015 г. № 652/1621 : текст с изм. и доп. на 18 февр. 2019 г. П.2.1. (Утратил силу на основании совместного Приказа Депздрава Югры и ТФОМС Югры от 25 мая 2023 г. № 784/224) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.entd.ru/document/574622953> (дата обращения: 17.05.2025).

акт, в котором оно содержалось, был регионального уровня и утратил силу. Следовательно, законодательное определение медицинской документации отсутствует, что создает проблему толкования правоприменителями данного понятия.

Выделяют два вида медицинской документации: учетная и отчетная¹. К первой можно отнести, например, записи результатов наблюдения за состоянием пациента в период лечебно-диагностических процедур. Ко второй — документацию, представляющую собой сводные статистические документы, содержащие сведения о деятельности медицинской организации за определенный отрезок времени.

Медицинская документация в целом, а не только медицинская карта, является важным источником информации для следователя, дознавателя, эксперта. Она позволяет отследить процесс оказания медицинской помощи.

В настоящее время, несмотря на проведение в медицинских организациях ряда регионов цифровизации, медицинская документация ведется в бумажном виде и не имеет электронной копии, поэтому существует вероятность полной утраты отраженной в ней информации. Восстановить утраченную информацию либо частично возможно, либо невозможно. Нередки случаи, когда следователь или дознаватель в ответ на свой запрос получает отказ в предоставлении интересующей его информации в связи с невозможностью ее восстановления, что влияет на ход расследования и не позволяет установить факты, имеющие значение для дела.

В одном из апелляционных постановлений суд обращает внимание на необходимость выяснения всех обстоя-

тельств утраты медицинской карты для принятия обоснованного решения о возбуждении уголовного дела или отказа в нем:

«Доводы заявителя о неполноте проведенной процессуальной проверки суд первой инстанции обоснованно признал несостоятельными. Так, из материала, по которому вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, следует, что в ходе проверки с учетом доводов заявителя проведено большое количество процессуальных действий, анализ которых дан в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом, установив факт утраты медицинской карты пострадавшего от травмы, дознаватель не установил события преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158, чч. 1, 2 ст. 325 УК РФ»².

Необходимо отметить, что пострадавшие от утраты медицинской документации предпочитают обращаться с иском в суд в порядке гражданского судопроизводства, поэтому обнаружить судебную практику по данной категории дел в сфере уголовного права достаточно сложно.

В соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 79 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) медицинская организация обязана обеспечивать учет и хранение медицинской документации [1]. Медицинская организация также обязана предоставлять следователю или дознавателю копии документов, однако это не всегда возможно по причине их утраты. Административная или уголовная ответственность за утрату медицинской документации

¹ Об утверждении учетной и отчетной медицинской документации : Приказ М-ва здравоохранения Российской Федерации от 30 декабря 2002 г. № 413. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Мурманского областного суда (Мурманская область) № 22К-1483/2018 от 25 декабря 2018 г. по делу № 22К-1483/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/34fzqzCeyX6w/> (дата обращения: 07.06.2025).

не предусмотрена, и, как было отмечено ранее, факт утраты документа чаще всего рассматривается в порядке гражданского судопроизводства, где одной стороной выступает лицо, чья медицинская документация была утрачена, а другой — субъект, который ее утратил. Это может приводить к тому, что лица, виновные в утрате медицинской документации, останутся безнаказанными, а пациенты лишатся возможности защитить нарушенные права. Необходимо пересмотреть подход к ведению медицинской документации и ввести ответственность за ее утрату.

По общим правилам, согласно положениям п. 7 ч. 2 ст. 29 и ч. 3 ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ и ст. 9 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 (ред. от 22 июля 2024 года) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», на выемку медицинских документов, содержащих сведения, составляющие охраняемую законом врачебную тайну, требуется судебное решение. Решение может быть вынесено только в рамках возбужденного уголовного дела, в УПК РФ отсутствует указание на получение судебного решения на этапе проверки сообщения о преступлении.

Неполно урегулирован вопрос предоставления медицинских документов в процессе проверки сообщения о преступлении. Часто возникают споры относительно наличия необходимых оснований для их изъятия на данном этапе. В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ при отсутствии согласия гражданина или его законного представителя отдельные сведения, составляющие врачебную тайну (например, о факте обращения гражданина за медицинской, в том чис-

ле психиатрической, помощью, нахождении на медицинском учете), могут быть предоставлены медицинской организацией без судебного решения по запросу следователя или дознавателя в связи с проведением проверки сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ, либо расследованием уголовного дела¹. Производство выемки на стадии проверки сообщения о преступлении не запрещено законом. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении разрешается истребовать документы и предметы, а также разрешается их изъятие. В некоторых случаях выемка медицинских документов, в том числе медицинских карт, до возбуждения уголовного дела обусловлена необходимостью проведения в дальнейшем судебно-медицинских экспертиз. Однако стоит обратить внимание на то, что такое следственное действие, как изъятие медицинской документации, недостаточно адаптировано для этапа возбуждения уголовного дела, и медицинская организация может отказать в ее предоставлении при получении запроса следователя или дознавателя. Отсутствие четкой процедуры на рассматриваемом этапе является проблемой правового характера, опосредованно связанной с вопросами практики, и может привести к негативным последствиям, например к злоупотреблениям и произволу в процессе получения медицинской документации. Это способно порождать неправомерные запросы и излишние требования, нарушающие права как медицинских работников, так и пациентов.

¹ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 7.

Проблема предоставления медицинской документации на этапе проверки сообщения о преступлении обсуждается в научной литературе. Так, В.Г. Стаценко предлагает производить выемку медицинской документации на основании п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ в связи с тем, что ст. 144 УПК РФ недостаточно полно регулирует данный вопрос [2, с. 69]. Однако Федеральный закон № 323-ФЗ имеет иной предмет регулирования, и внесение в него изменений может привести к смещению законодательства о здравоохранении и уголовно-процессуального законодательства. Процедуру истребования медицинской документации необходимо детализировать именно в сфере уголовного законодательства, что будет способствовать ее качественной практической реализации, например указав, в каких случаях медицинская организация вправе не предоставлять медицинскую документацию по запросу следователя (дознателя).

Между тем лишь располагая всей необходимой медицинской документацией, включая и ту, которая содержит сведения, составляющие врачебную тайну, следователь, как правило, имеет возможность использовать весь арсенал предусмотренных законом проверочных мероприятий и принять обоснованное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении [3, с. 81].

В процессе расследования быстрое получение медицинских документов имеет немаловажное значение для следователя и дознавателя. Пока медицинская документация находится в распоряжении медицинского учреждения, она может быть уничтожена медицинскими или иными работниками медицинской организации либо в нее могут быть внесены изменения, что может повлиять на ход расследования.

Необходимость в кратчайшие сроки истребовать вышеуказанные документы продиктована следственной практикой. С целью сокрытия следов преступления лица, допустившие дефекты оказания медицинской помощи, порой фальсифицируют медицинские документы, что приводит к утрате доказательств и невозможности производства дополнительных следственных действий и судебных экспертиз [4, с. 39]. В связи с этим следователю может потребоваться проведение дополнительных следственных действий, которые позволят узнать, вносились ли изменения в документ. Это может занять достаточно длительный промежуток времени и исключит оперативное расследование дела.

А.Г. Харатишвили и Е.Е. Михайлова приводят следующий пример: «В ходе проверки, проведенной следственным подразделением Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу по обращению заявительницы, утверждавшей, что в одном из медицинских учреждений города хирург прооперировал ей здоровую ногу, было установлено, что в медицинской карте стационарного больного и в направлении на операцию было зачеркнуто „правая“ нога (операция на коленном суставе которой, по утверждению заявительницы, и требовалась) и написано „левая“ (нога). То есть медицинская документация явно была откорректирована с целью оправдать в дальнейшем действия хирурга» [5, с. 187]. Сотрудниками следственного подразделения Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу были выявлены исправления в медицинской карте и направлении на операцию. Для качественного проведения расследования важно было установить время и цель

внесения изменений. На время внесения исправлений в документы указывала потерпевшая. Можно предположить, что целью корректировки документов было оправдание действий хирурга, производившего операцию. Так, если в описанной ситуации имелись иные объективные данные, позволяющие сделать вывод о времени и цели внесения исправлений в медицинскую документацию (медицинскую документацию из поликлинического отделения, объяснения заявителя и иных лиц), то в ряде случаев не представляется возможным объективно оценить, были сделаны имеющиеся в медицинской документации исправления с целью сокрытия противоправных действий медицинских работников либо они были выполнены непосредственно в ходе или вскоре после окончания составления документов ввиду допущенных опечаток вследствие невнимательности или небрежности лица, их составившего [5, с. 187]. Однако на практике могут встречаться случаи, когда установить время и цель внесения изменений в документы невозможно в силу различных обстоятельств.

В случае бездействия медицинской организации по поступившему запросу о предоставлении медицинской документации следователь (дознатель) вынужден проводить выемку, несмотря на то что действовал добросовестно и соблюдал сроки проведения следственных действий. Следовательно, истребование документов путем направления запроса не во всех случаях позволяет сэкономить время за счет отсутствия необходимости затрачивать время на подготовку ходатайства в суд и выезжать в медицинскую организацию для проведения выемки [6, с. 139]. Процесс изъятия медицинской документации рассматривается в постановлении Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 года № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)». Так, в соответствии с порядком, установленным в уголовно-процессуальном законодательстве, на выемку медицинских документов, содержащих сведения, составляющие охраняемую законом врачебную тайну, требуется судебное решение. Следователь выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о разрешении производства выемки медицинской документации. Далее указанное постановление и обоснование проведения указанной выемки направляется в суд. Ходатайство о производстве следственного действия подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по месту производства предварительного следствия или производства следственного действия не позднее 24 часов с момента поступления указанного ходатайства (ч. 2 ст. 165 УПК РФ). Однако по независящим от суда обстоятельствам процесс вынесения постановления о разрешении производства выемки медицинской документации не быстрый, в том числе по причине загруженности судов общей юрисдикции. Длительный срок получения судебного решения исключает оперативное назначение судебных экспертиз, что, в свою очередь, увеличивает сроки проведения проверки сообщения о преступлении или расследования уголовного дела.

Так, Люблинский районный суд г. Москвы 14 февраля 2023 года вынес постановление № 3/7-0013/2023 о разрешении производства выемки документов, содержащих информацию, охра-

няемую законом. Уголовное дело было возбуждено 25 января 2023 года¹. Между этими двумя событиями прошел 21 день, что может иметь важное значение для качества проводимого расследования. Изучая данное постановление, нельзя достоверно установить причины столь длительного срока получения разрешения на производство выемки, однако свидетельствует о том, что необходимо законодательно предусмотреть механизм, который не позволил бы правоприменителю допускать такие длительные сроки получения документов, имеющих значение для расследования дела.

Процесс предоставления медицинской документации по запросу следователя требует повышенного внимания. Следовательно, как правило, направляет запрос в медицинскую организацию о предоставлении медицинской документации, который поступает в юридический отдел медицинской организации. Обработка запроса может занимать длительный срок. В связи с этим реальное присутствие следователя при изъятии медицинской документации невозможно, что также может приводить к предоставлению неполных или недостоверных медицинских сведений. За время нахождения запроса следователя в обработке сотрудники медицинской организации могут из личных побуждений вносить изменения в медицинскую документацию, например для сокрытия ошибок, которые были до-

пущены в ходе лечения. В связи с этим необходимо регламентировать процесс изъятия медицинской документации в локальных нормативных правовых актах медицинской организации.

Проблемы правового регулирования изъятия медицинской документации являются достаточно серьезными и требуют внимания со стороны и законодателя, и правоприменителя, представляют серьезное препятствие для эффективной работы системы здравоохранения и защиты прав пациентов. Необходимо ввести в законодательство в сфере здравоохранения определение понятия «медицинская документация» и установить ответственность за ее утрату. Особое значение имеет детализация процесса истребования медицинской документации, в том числе на этапе проверки сообщения о преступлении, что поможет не допустить нарушений со стороны правоприменителя. Данная детализация может быть осуществлена, в частности, путем издания ведомственных нормативных правовых актов, например приказов Следственного комитета Российской Федерации, или посредством писем МВД России о направлении соответствующих разъяснений. Для решения выявленных проблем необходимо использовать комплексный подход с целью эффективной защиты права всех участников процесса и обеспечения соблюдения баланса между законностью и справедливостью.

Список источников

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ : текст с изм. и доп. на 23 июля 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259> (дата обращения: 07.06.2025).

¹ URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/lyublinskij/services/cases/criminal-materials/details/e1817390-ac4d-11ed-9750-491e8f693a1a> (дата обращения: 09.06.2025).

2. Стаценко В.Г. Проблемные вопросы правового регулирования проверки сообщения о ятрогенном преступлении // Юристъ-правоведъ. 2018. № 2 (85). С. 66 – 71.

3. Иванова В.Г. Теория и практика расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности. Москва : Юрлитинформ, 2017. 208 с. (Библиотека криминалиста).

4. Практика и проблемы реализации российского уголовно-процессуального законодательства. Сб. материалов Межрегиональной науч.-практ. конф. (Хабаровск, 26 марта 2020 года). В 2 т. Т. 1. Хабаровск : Хабар. фил. Московской акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2020. 63 с.

5. Харатишвили А.Г., Михайлова Е.Е. Вопросы изъятия медицинских документов на стадии возбуждения уголовного дела о ятрогенном преступлении // Оперативно-разыскное противодействие преступлениям экономической направленности и коррупции: передовой опыт, проблемы и пути их решения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 29 мая 2020 года. Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т М-ва внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 186 – 194.

6. Самиулина Я.В., Иванова Т.Д., Буравов И.С. Проблемы изъятия медицинской документации при расследовании ятрогенных преступлений // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 5 (56). С. 137 – 142.

Информация об авторе

П.Д. Лобанова – аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Information about the author

P.D. Lobanova – Postgraduate Student of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Научная статья
УДК 343.3/7

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Юлия Владимировна МОРОЗОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, yulia-morozova@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы определения объективной стороны неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Анализируются понятия «воспитание», «неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию», а также «жестокое обращение». Делается вывод об отсутствии единого понимания данных понятий, что влияет на практику применения статьи 156 УК РФ.

Ключевые слова: жестокое обращение, неисполнение обязанностей, ненадлежащее исполнение обязанностей, несовершеннолетний, воспитание

Для цитирования: Морозова Ю.В. Объективная сторона неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 94 – 100.

Original article

ON THE OBJECTIVE SIDE OF THE FAILURE TO DISCHARGE THE DUTIES OF BRINGING UP A MINOR

Yuliy V. MOROZOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, yulia-morozova@inbox.ru

Abstract. The article discusses the problematic issues of determining the objective side of the failure to discharge the duties of upbringing a minor. The concepts of «upbringing», «failure to discharge or improper discharging of the duties of upbringing», and «cruel treatment» are analysed. It is concluded that there is no unified understanding of these concepts, which affects the practice of applying Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: cruel treatment, failure to discharge the duties, improper discharging of the duties, minor, upbringing

For citation: Morozova Yu. V. On the objective side of the failure to discharge the duties of bringing up a minor. Criminalist. 2025;4(53):94-100. (In Russ.).

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

Согласно ст. 27 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года родитель

(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка. Статья 63 Семейного

© Морозова Ю.В., 2025

кодекса Российской Федерации предусматривает право и обязанность родителей воспитывать своих детей, а также обязанность нести ответственность за их воспитание и развитие, заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии. Согласно ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.

Достаточно часто дети становятся жертвами противоправных посягательств именно со стороны родителей. Спасаясь от жестокого обращения, несовершеннолетние совершают суициды, убегают из дома на улицу, где занимаются попрошайничеством, и очень часто становятся жертвами других преступлений.

В Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года одной из задач в сфере профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении их, названы «противодействие жестокому обращению с детьми, профилактика и пресечение преступлений в отношении детей...»[1].

Важной мерой уголовно-правовой защиты несовершеннолетних является применение уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, предусмотренной ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Анализ статистики позволяет сделать вывод о поэтапном снижении числа фактов регистрации анализируемых преступлений, что, однако, не говорит

о сокращении количества случаев жестокого обращения с несовершеннолетними. Тенденцию к уменьшению таких преступлений, на наш взгляд, можно объяснить неоднозначным пониманием признаков состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, и, как следствие, неоднородной практикой применения данной нормы.

Непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением необходимого физического, психического, нравственного, интеллектуального развития несовершеннолетнего [2, с. 61].

Дополнительным объектом может выступать здоровье несовершеннолетнего [3, с. 163].

Объективная сторона преступления включает в себя деяние в форме бездействия — неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, и способ — жестокое обращение с несовершеннолетним.

Термин «воспитание» прочно утвердился в таких науках, как педагогика и психология. Однако единого подхода к его пониманию не сложилось. Кроме того, следует отметить, что в науке данный термин тесно связан с термином «обучение» и рассматривается, как правило, в рамках образовательной деятельности, где субъектом воспитания выступает прежде всего педагог. Применительно к таким субъектам, как родители, содержание термина «воспитание» представляется еще более расплывчатым и неоднозначным.

К.Д. Ушинский в своей книге «Человек как предмет воспитания» определял: «...воспитание, в тесном смысле этого слова, как преднамеренная воспитательная деятельность — школа, воспитатель и наставники... вовсе не единственные воспитатели человека и что столь же сильными, а может быть, и гораздо сильнейшими воспитателями его явля-

ются воспитатели непреднамеренные: природа, семья, общество, народ, его религия и его язык — словом, природа и история в обширнейшем смысле этих понятий. Однако же и в самих этих влияниях, неотразимых для дитяти и человека, совершенно не развитого, многое изменяется самим же человеком в его последовательном развитии, и эти изменения выходят из предварительных изменений в его собственной душе, на вызов, развитие или задержку которых преднамеренное воспитание, словом, школа со своим ученьем и своими порядками, может оказать прямое и сильное действие» [4, с. 34].

Таким образом, К.Д. Ушинский выделял преднамеренную воспитательную деятельность, которую целенаправленно осуществляют педагоги, и стихийную, осуществляемую в том числе и семьей.

В.М. Коротов определяет воспитание как «объективно закономерное общественное явление, которое обеспечивает преемственность, связь поколений в историческом процессе, складывается, с одной стороны, из овладения подрастающими поколениями опытом предшествующих поколений, а с другой — соответствующего развития естественных сил и способностей детей (личностей) и осуществляется как процесс жизнедеятельности благодаря общению с другими людьми в конкретных исторических условиях» [5, с. 32]. В.М. Коротов проводит различие между воспитанием как «объективно закономерным явлением и практической педагогической деятельностью педагогов, зависящей от умения учитывать законы воспитания, условия реального существования детей, общественно значимые цели и ценности» [5, с. 32].

В Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 15 октября 2025 года) «Об образовании в Российской Федерации» воспитание определяется как «деятельность, направленная на развитие личности, формирование

у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» (п. 2 ст. 2).

Следует отметить, что предметом регулирования Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» являются общественные отношения, возникающие в сфере образования. Полагаем, что содержание анализируемого понятия не является определяющим для раскрытия сути воспитания вне образовательной деятельности.

Таким образом, воспитание можно рассматривать как минимум в двух аспектах. С одной стороны, воспитание представляет собой преднамеренную деятельность, реализуемую совместно с обучением, как правило, педагогами, воспитателями и т. д. В данный процесс могут быть включены и родители, осуществляющие воспитание в ходе образовательной деятельности.

В этом случае процесс воспитания является относительно регламентированным, поскольку и в рамках соответствующей нормативной базы, и в рамках теории обучения и воспитания разработаны определенные способы и методы, которые возможно применять при воспитании несовершеннолетнего. При этом следует отметить, что ни одна из теорий обучения и воспитания не яв-

ляется на сегодняшний день господствующей в системе образования Российской Федерации.

С другой стороны, воспитание представляет собой один из процессов, существующих в обществе, служащий для передачи опыта новому поколению, формирования у них нравственных установок, необходимых для комфортного проживания в обществе и отражающих культурно-исторические особенности конкретного исторического периода. В этом случае процесс воспитания не является регламентированным, может осуществляться любыми субъектами, в том числе родителями, а также обществом в целом.

Какой подход следует учитывать при применении ст. 156 УК РФ, остается на сегодняшний день проблемным вопросом.

На наш взгляд, для целей ст. 156 УК РФ под воспитанием следует понимать деятельность конкретных субъектов по воздействию на психику несовершеннолетнего с целью развития его личности, формирования духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства.

Неопределенность понятия «воспитание» ведет к затруднению в определении содержания понятий «неисполнение» или «ненадлежащее исполнение» обязанностей по воспитанию.

В общем виде данные понятия можно определить следующим образом. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего — невыполнение действий, входящих в содержание процесса воспитания лицом, на которое возложена эта обязанность.

Ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию — это несвоевременные и неправильные действия по воспитанию несовершеннолетнего лицом, на которое возложена эта обязанность, причиняющие ущерб правам и интересам несовершеннолетнего.

Учитывая многогранность понятия «воспитание», достаточно сложно определить, в чем конкретно выразилось неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию.

Следует отметить и отсутствие единого подхода к понятию «жестокое обращение с несовершеннолетним». Легального определения данного понятия в законодательстве не закреплено. В науке также не сложилось единого мнения.

Так, Е.В. Ерохина и Е.О. Филиппова полагают, что «жестокое обращение с детьми включает в себя физические, эмоциональные и сексуальные преступления, а также пренебрежение к ребенку» [6].

Е.А. Писаревская, М.А. Дворжицкая отмечают, что «что жестокость может проявляться в физическом (побои, иные насильственные действия, ограничение свободы, истязание, причинение любой степени вреда жизни и здоровью несовершеннолетнего) или психическом насилии (унижение, оскорбление, высмеивание, высказывание угроз, запугивание, травля, клевета, совершение половых актов с сожителем при ребенке) в процессе воспитания, а также в применении недопустимых пренебрежительных способов воспитания ребенка, не охватывающихся насилием (лишение нормальных условий для полноценного развития, оставление в опасности, лишение одежды, запрет осуществлять гигиенические процедуры, лишение сна, отдыха, неоказание медицинской помощи, препятствие в оказании медицинской помощи, антисанитарные условия в месте проживания, запрет на посещение образовательного учреждения, привитие искаженных жизненных ценностей)» [7]. Соглашаясь в целом с данным определением авторов, полагаем, что такие перечисленные действия, как оставление в опасности, неоказание медицинской помощи, препятствие в оказании медицинской помощи, антисанитарные условия в месте проживания, сами по себе не являются деяниями, свя-

занными с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию, скорее, это ненадлежащее исполнение обязанности по уходу за несовершеннолетним. Данные деяния, конечно, могут быть связаны с процессом воспитания, но требуют всестороннего и тщательного анализа обстоятельств дела.

В судебной практике отсутствует единое толкование понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним».

Ранее данное понятие раскрывалось в абз. 4 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», где отмечалось, что жестокое обращение с детьми может проявляться не только в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними либо в покушении на их половую неприкосновенность, но и в применении недопустимых способов воспитания (в грубом, пренебрежительном, унижающем человеческое достоинство обращении с детьми, оскорблении или эксплуатации детей)¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» указывается, что жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физиче-

ского или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о ее неоднородности. Можно выделить два подхода к пониманию «жестокое обращение с несовершеннолетним».

В соответствии с первым подходом под «жестоким обращением» понимается невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей по воспитанию ребенка, совершенное как путем действия, так и путем бездействия, которое по своему характеру и причиняемым последствиям носит жестокий характер: лишение питания, обуви и одежды, грубое нарушение режима дня, обусловленного психофизиологическими потребностями ребенка определенного возраста, лишение сна и отдыха, невыполнение элементарных гигиенических норм (влекущее за собой, например, педикулез, чесотку и пр.), невыполнение рекомендаций и предписаний врача по профилактике заболеваний и лечению ребенка, отказ или уклонение от оказания ребенку необходимой медицинской помощи и др.

Представляется, что отождествление неисполнения обязанностей и ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию с жестокими способами обращения с несовершеннолетним не всегда является обоснованным. Жестокое обращение с несовершеннолетним в ст. 156 УК РФ выступает, на наш взгляд, способом преступления, а не характеристикой действий. Это требует от правоприменителя четко устанавливать, в чем конкретно выразилось неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Кроме того, достаточно часто правоприменители в качестве ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего вменяют деяния, не связанные с процессом вос-

¹ О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 : текст с изм. и доп. на 26 дек. 2017 г. Пп. 9 – 16 признаны утратившими силу Постановлением Пленума от 14 ноября 2017 г. № 44 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8220/> (дата обращения: 17.10.2025).

питания, а имеющие в большей степени отношение к условиям проживания и уходу за несовершеннолетним.

Например, П. обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ. П., имея двух несовершеннолетних детей, ненадлежащим образом исполняла обязанности по их воспитанию, что было сопряжено с жестоким обращением с несовершеннолетними, а именно: не обеспечивала детей необходимым и полноценным питанием, одеждой, обувью, не соблюдала элементарные правила гигиены, что выражалось в несистематическом предоставлении водных процедур и обеспечении детей чистой одеждой, не предпринимала меры для наведения порядка в жилище, в связи с чем в квартире присутствовал неприятный запах и насекомые, своевременно не посещала с ними врачей и медицинские учреждения, вела асоциальный образ жизни, систематически употребляла спиртные напитки в присутствии малолетних детей (приговор мирового судьи по делу № 1-118-2/2022)¹.

На наш взгляд, из всей совокупности вмененных деяний к ненадлежащему исполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего бесспорно относятся только «асоциальный образ жизни, систематическое употребление спиртных напитков в присутствии малолетних детей».

Необеспечение полноценным питанием, несоблюдение правил гигиены и отсутствие порядка в жилище также могут быть признаны ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, если в материалах дела имеются данные о влиянии данных факторов на его психическое развитие. Привитие несовершеннолетнему элементарных правил гигиены

составляет, на наш взгляд, содержание процесса воспитания.

Спорным является признание в качестве ненадлежащего воспитания непосещение или несвоевременное посещение медицинского учреждения, поскольку сам по себе данный факт не составляет суть воспитания.

Следует также отметить, что суды, устанавливая «жестокое обращение с несовершеннолетним», зачастую не уделяют должного внимания тому, в чем именно выразилось неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, что является неправильным.

В соответствии со вторым подходом под «жестоким обращением» понимаются только деяния, состоящие в применении к ребенку недопустимых (в правовом и нравственном смысле) методов воспитания и обращения и включающие все виды психического, физического и сексуального насилия над ним.

Понятием «жестокое обращение с несовершеннолетним» могут охватываться и действия родителей, воспитателей, педагогов, которые сознательно и целенаправленно побуждают или принуждают зависимых от них детей применять насилие к своим сверстникам или к самим себе. В уголовном праве такого рода действия рассматриваются как посредственное причинение вреда здоровью другого человека, влекущее такие же правовые последствия, как и в случае непосредственного совершения преступления [8, с. 246].

Отсутствие четкой позиции относительно понятий, составляющих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, не только приводит к разной правоприменительной практике, но и вызывает вопросы относительно того, а какие же методы воспитания следует считать недопустимыми. В Российской Федерации отсутствует какая-либо единая программа воспитания, в которой были

¹ Судебный участок № 118 Центрального судебного района города Волгограда Волгоградской области : сайт. URL: https://118.vol.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages (дата обращения: 10.10.2025).

бы обозначены допустимые формы и методы воспитания, которые могут применять родители. Между тем в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») распространено достаточно большое количество информации относительно методов и форм воспитания детей, которые не всегда являются надлежащими с научной точки зрения, но в целом не запрещены действующим законодательством. Как пример можно привести семью Тепляковых, где отец воспитывает детей «вундеркиндов» по собственной

«воспитательной методике». Или как определить грань между надлежащим воспитанием и психологическим давлением, например в случае, когда родители лишают несовершеннолетнего возможности пользоваться телефоном.

Таким образом, в целях использования полного потенциала ст. 156 УК РФ в настоящее время имеется необходимость в обобщении практики применения анализируемой уголовно-правовой нормы и разработке рекомендаций Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данной категории дел.

Список источников

1. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.ru/document/1301567260> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Морозова Ю.В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 150—157 УК РФ). Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2020. 90 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 1350 с. (Профессиональные комментарии).
4. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. В 2 т. Т. 1. Москва : Педагогика, 1974. 375 с.
5. Коротов В.М. Воспитание как предмет педагогической науки // Развитие личности. 1997. № 1. С. 22—38.
6. Ерохина Е.В., Филиппова Е.О. Проблемы жестокого обращения с детьми // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 23—25.
7. Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А. Обеспечение безопасности несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами (на примере статьи 156 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Российский следователь. 2025. № 4. С. 35—39.
8. Уголовное право России. Особенная часть. Учеб. для вузов. В 2 т. Т. 1 / П.В. Агапов, Т.А. Боголюбова, Т.А. Диканова [и др.] ; под ред. О.С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2020. 1189 с. (Высшее образование).

Информация об авторе

Ю.В. Морозова — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

Yu.V. Morozova — Assistant Professor at the Department of criminal law, criminology and criminal execution law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

Григорий Григорьевич НЕПЕИН

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, ngrigorij2008@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена актуальным теоретико-прикладным проблемам криминалистического обеспечения деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта. Рассмотрено соотношение между криминалистическим обеспечением деятельности правоохранительных органов, судебного разбирательства по уголовным делам и деятельности прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: авиационное происшествие, анализ, криминалистика, криминалистическая деятельность, прокурор, следователь, уголовное дело

Для цитирования: Непеин Г.Г. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве по уголовным делам о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 101 – 106.

Original article

FORENSIC SUPPORT OF ACTIVITIES PROSECUTOR IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES OF VIOLATION OF TRAFFIC SAFETY RULES AND OPERATION OF AIR TRANSPORT

Grigoriy G. NEPEIN

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, ngrigorij2008@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to current theoretical and applied problems concerning forensic support for the prosecutor's activity in pre-trial proceedings for criminal cases involving violations of air traffic and operation safety rules. The author examines the relationship among forensic support for law enforcement activities, judicial proceedings in criminal cases, and prosecutorial activity in pre-trial criminal proceedings.

Keywords: aviation accident, analysis, forensic science, forensic activity, prosecutor, investigator, criminal case

For citation: Nepein G.G. Forensic support of activities prosecutor in pre-trial criminal proceedings in criminal cases of violation of traffic safety rules and operation of air transport. Criminalist. 2025;4(53):101-106. (In Russ.).

© Непеин Г.Г., 2025

В современном мире гражданская авиация представляет собой сложную систему, которая играет ключевую роль в мировой экономике, международных отношениях и повседневной жизни каждого из нас. Считаясь одним из самых безопасных видов транспорта, она вышла далеко за рамки простого перемещения людей и грузов по воздуху, став неотъемлемой частью инфраструктуры, оказывающей влияние на многие аспекты нашей жизни.

Доверие к авиации как к безопасному виду транспорта — основа ее существования. Любое нарушение безопасности всегда вызывают широкий общественный резонанс и привлекает внимание средств массовой информации. Авиакатастрофы, помимо того что уносят жизни многих людей, приводят к колоссальным экономическим потерям. Это не только стоимость утраченных воздушных судов, но и компенсации пострадавшим, ущерб репутации авиакомпаний, снижение пассажиропотока и другие косвенные расходы. Поэтому абсолютным приоритетом и краеугольным камнем отрасли является соблюдение авиационным персоналом (членами экипажа воздушного судна либо работниками наземных служб обеспечения полетов) строгих правил и процедур, гарантирующих безопасность полетов воздушных судов.

Тем не менее с 2014 по 2024 год на территории Российской Федерации произошло 396 авиационных происшествий, в том числе 200 авиакатастроф, в которых погибли 643 человека. Также в 2023 — 2024 годах, согласно данным Росавиации, отмечался рост количества авиационных инцидентов, являющихся фактическими предвестниками авиационных происшествий.

Так, если в период с 2014 по 2022 год средний показатель аварийности составлял 94 инцидента в год, то в 2023 году зафиксирован 151 авиаинцидент, а в 2024 — 208.

Исследование причин происшествий, связанных с авиацией, показывает, что в 98 % случаев аварии с воздушными судами происходят из-за несоблюдения авиационным персоналом специальных норм безопасности при управлении воздушным транспортом и его использовании. Поэтому борьба с преступными нарушениями этих правил — важное звено в комплексе мероприятий, направленных на предупреждение транспортных происшествий. Большую помощь в выполнении этих задач оказывают правоохранительные органы, призванные своевременно выявлять, расследовать и предупреждать такого рода преступные нарушения, ответственность за которые предусмотрена ст. 263 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Специфика предварительного расследования авиационных происшествий и надзора за процессуальной деятельностью следственных органов заключается в том, что субъектам правоприменения необходимо рассматривать воздушный транспорт как сложную социотехническую систему [1, с. 75 — 80; 2, с. 324 — 329], особое значение в обеспечении безопасного функционирования которой имеют административно-правовые нормы, регулирующие деятельность отдельных элементов этой системы и гарантирующие безопасность полетов воздушных судов.

Как справедливо отмечает В.Н. Писаренко, авиапроисшествие обычно является ключевым событием в цепочке причинно-следственных нарушений [3, с. 65 — 70]. С точки зрения криминалистики, как подчеркивал Г.А. Густов, преступление представляет собой сложную и динамичную систему, состоящую из различных элементов, отличающихся по своей физической и правовой природе, но при этом тесно связанных между собой [4, с. 57 — 58]. Преступное нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, повлекшее авиационное происшествие с человеческими жертва-

ми (катастрофу), также необходимо рассматривать как сложную динамическую систему действий (бездействия), выраженных в несоблюдении специальных норм, регламентирующих устойчивое и оптимальное функционирование воздушного транспорта, членами экипажа воздушного судна либо работниками наземной службы обеспечения полетов, последствием которых явилась смерть человека.

Помимо всего прочего, расследование авиакатастрофы — это сложная задача, требующая проведения следователем множества следственных действий (осмотр места авиационного происшествия, допрос должностных лиц авиационного персонала, выемка образцов топлива, летной, технической и иной документации, содержащей важную криминалистически значимую информацию). Также следователю важно уметь грамотно подготовить материалы (объекты исследования), назначить различные виды экспертиз и оценить их результаты: авиационно-техническую, баллистическую, трасологическую, химическую, видео-, фоноскопическую, судебно-техническую экспертизу документов, молекулярно-генетическую и др. Кроме того, осуществить взаимодействие с соответствующими носителями специальных знаний (специалистами в области авиации).

Между тем деятельность прокурора по применению криминалистических знаний в досудебном уголовном судопроизводстве, в отличие от следователя, решающего при расследовании авиакатастрофы гносеологические задачи поисково-познавательного характера [5, с. 48 — 49], имеет свою, не связанную с поиском, обнаружением, фиксацией, изъятием и исследованием доказательственной информации в целях раскрытия и расследования преступлений, специфику, но всегда сопровождается анализом криминалистического содер-

жания деятельности уполномоченных субъектов правоприменения. В рамках полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, основываясь на информации, содержащейся в уголовном деле, прокурор решает задачи надзорно-познавательного характера, требующие от него совершенствования совокупности мыслительных операций, посредством которых он должен исследовать событие, характер и способ совершения преступления, мотивы преступника, а также обстоятельства, характеризующие его личность. Кроме того, ему необходимо оценить действия и решения следователя, а также результаты судебных экспертиз и другие важные аспекты криминалистического характера, связанные с расследованием.

Своего рода криминалистический анализ материалов уголовного дела позволяет прокурору сформировать в своем сознании целостную модель произошедшего события и процесса его расследования с возможностью ее последующей визуализации с целью выявления следственных ошибок, допущенных при осуществлении предварительного расследования авиакатастрофы, и принятия по результатам анализа полученной модели законного решения [6, с. 60 — 65].

О необходимости использования прокурором криминалистических знаний при оценке доказательств, собранных в рамках расследования преступления, указывает Е.В. Елагина: «Прокурор, являясь субъектом оценки доказательств, должен обладать необходимыми знаниями как процессуальными, так и криминалистическими, поскольку только их наличие позволяет установить возможность использования заключения эксперта в качестве доказательства, в частности для доказывания конкретных обстоятельств» [7, с. 5].

На это же обращает внимание Е.Б. Серова, которая отмечает, что лишь максимально полное использование прокуро-

ром своих криминалистических знаний и разнообразных методов влияния на процессы сбора доказательств позволяет ему с уверенностью применять полученные результаты для успешного выполнения своих процессуальных обязанностей [8, с. 84].

Вместе с тем необходимо констатировать, что отсутствие прямого участия прокуроров в расследовании преступлений, к сожалению, усложняет процесс приобретения и развития ими необходимых криминалистических знаний и навыков и, в свою очередь, создает сложности в обеспечении эффективного надзора за законностью процессуальной деятельности следователей. Более четверти прокурорских работников, проходивших в 2019 – 2023 годах повышение квалификации и профессиональную переподготовку в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации, отмечали нехватку этих знаний при анализе уголовных дел.

Поэтому для улучшения качества прокурорского надзора за расследованием нарушений правил безопасности на воздушном транспорте, по нашему мнению, необходимо дополнить методический арсенал прокуроров соответствующими знаниями из криминалистики. Это позволит прокурорам освоить навыки и умения, которые помогут им эффективно применять современные достижения криминалистики в процессе надзора за законностью деятельности органов предварительного расследования. Другими словами, следует говорить о криминалистическом обеспечении прокурора на досудебном этапе по уголовным делам о нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, которые привели к авиационным происшествиям с человеческими жертвами (катастрофам). На наш взгляд, такое обеспечение должно основываться на сочетании и взаи-

мопроникновении криминалистики, уголовного и процессуального права, криминологии и воздушного права.

В современной криминалистике основное внимание уделяется развитию теории криминалистического обеспечения работы правоохранительных органов, которая тесно связана с научными исследованиями в области расследования преступлений. Несмотря на дискуссии о том, является ли прокуратура частью правоохранительной системы, и учитывая сложность разделения ее функций на досудебных стадиях уголовного процесса на две самостоятельных – уголовное преследование и надзор за соблюдением законов органами предварительного расследования, мы считаем, что прокурор не может игнорировать результаты научных исследований в этой области. Как справедливо отметил О.А. Яловой, «прокурорский надзор и криминалистика имеют общую цель – выявлять и пресекать правонарушения, особенно опасные преступления» [9, с. 85].

Из анализа результатов исследований, посвященных современному криминалистическому обеспечению деятельности прокурора в досудебном производстве, следует, что данное обеспечение представляет собой систему криминалистических знаний, воплощенную в умении прокурора использовать методы и рекомендации криминалистики при осуществлении им своих надзорных полномочий [10, с. 162 – 163; 11, с. 19; 12; 13, с. 225].

В.Г. Коломацкий считает, что криминалистическое обеспечение представляет собой не только систему криминалистических знаний, но и обязательное создание определенных условий, призванных способствовать рационализации применения криминалистических средств и методов в практической деятельности должностных лиц соответствующих правоохранительных органов [14, с. 62].

Мы убеждены, что для создания и реализации необходимых условий требуется проведение ряда организационных мероприятий, включая внедрение, обучение и другие действия. По нашему мнению, криминалистическое обеспечение деятельности прокурора должно включать комплекс научных, методических и организационно-управленческих мер, направленных на создание условий, способствующих эффективному выполнению функций органами прокуратуры.

Одновременно с этим научное обеспечение прокурорской деятельности предполагает проведение различных исследований, позволяющих выявлять закономерности и тенденции применения прокурором криминалистических знаний в ходе осуществления надзора за соблюдением законности при предварительном расследовании преступлений, а также последующее внедрение результатов исследований в практическую деятельность органов прокуратуры.

Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве по уголовным делам о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного

транспорта, повлекшем авиационное происшествие с человеческими жертвами (катастрофу), по нашему мнению, представляет собой систему научных, методических и организационно-управленческих мероприятий, создающих условия для повышения эффективности надзора за законностью процессуальной деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование авиакатастроф. Такое обеспечение должно состоять из сформированных новых теоретических знаний в области криминалистики посредством создания и адаптации применительно к прокурорской деятельности уже имеющихся; информирования прокурора, в том числе через систему непрерывного обучения, о современных криминалистических методах, средствах и приемах, применяемых в процессе расследования авиационных происшествий; реализации прокурором при решении стоящих перед ним задач по надзору за законностью процессуальной деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование нарушения правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, полученных знаний о методах и рекомендациях криминалистики.

Список источников

1. Непеин Г.Г. Криминалистическая превенция в обеспечении безопасности полетов // КриминалистЪ. 2023. № 1 (42). С. 75–80.
2. Непеин Г.Г. Воздушный транспорт как объект криминалистического исследования // Актуальные проблемы отечественной криминалистики: современные тенденции : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного профессора Московского университета, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова, Москва, 16 декабря 2022 года. Москва : Изд-во МГУ. 2023. С. 324–329.
3. Писаренко В.Н. Современное представление авиационной транспортной системы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. № 6-1. С. 65–70.
4. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / А.Н. Басалаев, В.С. Бурданова, М.Б. Вандер [и др.] ; под ред. О.Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2016. 717 с.
5. Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков : Вища шк., 1979. 144 с.
6. Непеин Г.Г. Использование прокурором метода моделирования в процессе анализа уголовного дела о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного

транспорта, повлекшем катастрофу воздушного судна, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // КриминалистЪ. 2022. № 1 (38). С. 60 – 65.

7. Елагина Е.В. Анализ и оценка прокурором заключения эксперта : конспект лекции. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 48 с.

8. Серова Е.Б. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса и его роль в защите конституционных прав граждан в сфере уголовного судопроизводства // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2013. № 1 (7). С. 80 – 86.

9. Буланова Н.В., Ережипалиев Д.И., Яловой О.А. Деятельность прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: организационный, процессуальный и криминалистический аспекты : пособие. Москва : Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 108 с.

10. Буланова Н.В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : монография. Москва : Юрлитинформ, 2015. 215 с.

11. Кустов А.М. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в уголовном процессе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 3 (35). С.18 – 20.

12. Шутемова Т.В. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве: состояние, проблемы, формы и задачи // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-obespechenie-deyatelnosti-prokurora-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-sostoyanie-problemy-formy-i-zadachi> (дата обращения: 13.02.2025).

13. Щербакова А.В. Криминалистическое обеспечение прокурорской деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. Минск : Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2011. № 4. С. 225 – 231.

14. Коломацкий В.Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика. Учебник. В 3 т. Т. 1. История, общая и частные теории / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, И.А. Возгрин [и др.] ; гл. ред. Р.С. Белкин, В.Г. Коломацкий, И.М. Лузгин. Москва : Акад. МВД РФ, 1995. С. 61 – 77.

Информация об авторе

Г.Г. Непеин – научный сотрудник криминалистической лаборатории Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

G.G. Nepein – Research Fellow of the Forensic Laboratory, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.131

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЫТКАМ И ДРУГИМ ЖЕСТОКИМ,
БЕСЧЕЛОВЕЧНЫМ ИЛИ УНИЖАЮЩИМ ДОСТОИНСТВО ВИДАМ
ОБРАЩЕНИЯ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА
УВАЖЕНИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Михаил Александрович СИЛЬНОВ

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, silnov@yandex.ru

Аннотация. Принятый 14 июля 2022 года Федеральный закон № 307-ФЗ дополнил статью 286 Уголовного кодекса Российской Федерации «Превышение должностных полномочий» частью 4, предусматривающей ответственность за применение пыток. Однако в 2024 году за применение пыток, включая случаи, повлекшие смерть или тяжкий вред здоровью (чч. 4 и 5 ст. 286 УК РФ), осуждено всего девять человек. Используя уголовно-процессуальную характеристику понятия пытки, в свете реализации принципа уважения чести и достоинства личности автор размышляет о том, какие элементы механизма правового регулирования противодействия пыткам нуждаются в дополнительной, более эффективной настройке.

Ключевые слова: допустимость мер психологического воздействия при допросе, пытка, шантаж, обман, гипноз, следственные хитрости, принцип сохранения свободы воли

Для цитирования: Сильнов М.А. Вопросы противодействия пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения в свете реализации принципа уважения чести и достоинства личности // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 107 – 115.

Original article

ISSUES OF COMBATING TORTURE AND OTHER CRUEL,
INHUMAN OR DEGRADING FORMS OF TREATMENT IN THE CONTEXT
OF IMPLEMENTATING THE PRINCIPLE OF RESPECT FOR THE HONOR
AND DIGNITY OF THE INDIVIDUAL

Mikhail A. SILNOV

University of prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia, silnov@yandex.ru

Abstract. The Federal Law No. 307-FZ, enacted on July 14, 2022, amended Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation «Abuse of Official Authority» by supplementing it with Part 4, which provides for criminal liability for the use of torture. However, in 2024, only nine people were convicted for torture, including cases that resulted in death or serious harm to health (Parts 4 and 5 of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation). Analyzing the criminal procedural characteristic of the concept of torture in the context of implementing the principle of respect for the honor and dignity of the individual, the author examines which elements of the legal regulatory mechanism of combating torture require improvement to increase its effectiveness.

Keywords: admissibility of psychological coercion measures during interrogation; torture, blackmail, deception, hypnosis, investigative tricks, principle of preserving freedom of will

© Сильнов М.А., 2025

For citation: Silnov M.A. Issues of combating torture and other cruel, inhuman or degrading forms of treatment in the context of implementing the principle of respect for the honor and dignity of the individual. Criminalist. 2025;4(53):107-115. (In Russ.).

Задача предупреждения средствами прокурорского надзора пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания всегда была приоритетной для органов прокуратуры.

В приказах от 17 сентября 2021 года № 544 (ред. от 22 февраля 2023 года) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» и от 19 января 2022 года № 11 (ред. от 22 февраля 2023 года) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» Генеральный прокурор Российской Федерации требует от подчиненных прокуроров соблюдения законности задержания граждан по подозрению в совершении преступлений, при применении к ним мер пресечения, признания недопустимыми доказательств, полученных в ходе предварительного расследования с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, в том числе под давлением.

В приказе от 24 октября 2024 года № 800 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний» Генеральный прокурор Российской Федерации акцентирует внимание подчиненных прокуроров на необходимости тщательной проверки фактов незаконного применения насилия и недозволенных мер воздействия в отношении подозреваемых, обвиняемых, осужденных.

Проблема отграничения дозволенных методов воздействия от других, не отличающихся таким свойством, очень

сложна и неоднозначна. Недаром на протяжении многих лет она находилась в центре внимания ученых и практиков. Ведь даже помещение обвиняемого по уголовному делу под стражу может как преследовать профилактическую цель предупреждения преступной деятельности, так и служить средством запугивания и иного незаконного воздействия на подследственного в целях получения признания в совершении преступления, к которому лицо могло быть и не причастно.

В утратившем ныне силу приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 18 июня 1997 года № 31 «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием» особо предписывалось «не допускать использования задержания и ареста как средств получения от подозреваемого или обвиняемого признания вины в совершении преступления» (п. 1.8).

В настоящее время появляются новые инструменты борьбы с противоправным воздействием на личность обвиняемого, анализ которых представляет актуальную научную и практическую задачу.

Так, 10 июня 2025 года в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации состоялся круглый стол Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству на тему «Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 307-ФЗ „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации“: практика его применения и перспективы совершенствования»¹.

¹ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : офиц. сайт. 10 июня 2025. URL: <http://council.gov.ru/> (дата обращения: 30.06.2025).

Речь шла о почти трехлетнем опыте применения законодательных новелл, направленных на предотвращение пыток. Интерес к теме и стремление законодателя получить обратную связь с участвующими в предупреждении насилия субъектами не случайны. Только практика в конечном счете может позволить оценить эффективность и качество принимаемых законов, показать их преимущества и выявить слабые места. В дискуссии приняли участие представители Верховного Суда Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, научного и экспертного сообщества и др.

В рамках указанного мероприятия основное внимание было уделено вопросам предотвращения пыток в отношении заключенных со стороны работников уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем проблема противодействия пыткам связана не только со злоупотреблениями сотрудниками ФСИН России. Спектр вопросов, давно требующих законодательного разрешения, гораздо шире. О них и пойдет речь в статье.

Характеристика и толкование пыток, равно как и других жестоких, унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания, присутствует в теории как уголовного, так и уголовно-процессуального права. В уголовном праве они проистекают из вопросов реализации *принципа гуманизма*, в частности положения о том, что «наказание и иные

меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ч. 2 ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации; далее — УК РФ), а в уголовно-процессуальном праве связаны с толкованием *принципа уважения чести и достоинства личности*, в соответствии с которым «никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» (ч. 2 ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; далее — УПК РФ).

Механизм правового регулирования в сфере реализации этих основополагающих начал на протяжении многих лет имел в своей основе определенную специфику, связанную с доминированием в нем принципов международного права над нормами национального законодательства. В качестве международно-правовых источников можно назвать Конвенцию ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1984 года)¹, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года), Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (приня-

¹ СССР ратифицировал данный документ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1987 г. № 6416-ХІ. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

ты резолюцией 37/194 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1982 года), Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года). Эти и другие правовые акты были призваны стать основой национальных правил определения допустимого воздействия на личность преступника при полицейском расследовании.

Однако в правовой системе России понятие пытки долгое время отсутствовало, хотя давно было закреплено в международном праве. Таким образом, применительно к характеристике названных принципов материального и процессуального права (ч. 2 ст. 7 УК РФ и ч. 2 ст. 9 УПК РФ) получалось, что нормы международного права более точно и глубоко раскрывали вопросы дозволенных мер воздействия при производстве следственных действий, чем нормы национального законодательства.

Разумеется, ни о какой практике назначения наказания за применение пыток к подсудимым говорить не приходилось, на что обращалось внимание в публикациях прошлых лет и подчеркивалась необходимость закрепления понятия пытки в законе [1, с. 94 – 101].

Ситуация изменилась с принятием Федерального закона от 14 июля 2022 года № 307-ФЗ, дополнившего ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» частью 4, предусматривающей ответственность за применение пыток. В примечании к ст. 286 УК РФ дано понятие пытки, текстуально почти совпадающее с дефиницией Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Вместе с тем, несмотря на появившийся в законодательстве механизм противодействия пыткам, утверждать, что он эффективно заработал, нельзя. В 2024 года

за применение пыток, включая случаи, повлекшие смерть или тяжкий вред здоровью (чч. 4 и 5 ст. 286 УК РФ), осуждено всего девять человек [2].

Статья 302 УК РФ вводит в число действий, составляющих объективную сторону преступления, применение пыток, насилия, издевательств, угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание. Большинство из них получили подробную уголовно-правовую характеристику в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».

Судебная статистика за 2024 год свидетельствует, однако, что за принуждение к даче показаний (ч. 1 ст. 302 УК РФ) обвинительный приговор был вынесен лишь в отношении одного лица, а за те же действия, сопряженные с применением пытки насилия и издевательств (чч. 2, 3 и 4 ст. 302 УК), не осуждался никто¹.

Поэтому остановимся на вопросе о том, какие правовые регуляторы нуждаются, на наш взгляд, в дополнительной, более эффективной настройке.

Сразу отметим, что действия, составляющие объективную сторону преступлений, предусмотренных чч. 4 и 5 ст. 286, чч. 2 – 4 ст. 302 УК РФ, и других похожих преступлений, могут выражаться не только в физическом, но и психическом насилии и, соответственно, подпадать под определение пыток, издевательств, угроз применения насилия или иных незаконных действий.

¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2024 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год. Форма № 10-а. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 09.06.2025)

Из тех же понятийных категорий исходит и международное право, задачей которого как раз и является недопущение физического или психического принуждения в отношении арестованных или содержащихся под стражей лиц. На XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1975 год) была предпринята попытка, и сегодня являющаяся актуальной, установить запрет «пыток, насилия, угроз или влияний какого бы-то ни было рода, обмана, хитростей, обманчивых внушений, продолжительных допросов, гипноза, воздействия наркотиков или любых других средств, способных нарушить или ослабить свободу действий или решений лица, его память или его способность суждения»¹.

То есть в ранних документах ООН понятие пытки толковалось более широко и охватывало действия, в смысловом отношении находящиеся либо очень близко к понятию пытки, либо при определенных условиях пыткой и являющиеся. Например, обман, гипноз, продолжительные допросы, воздействие на допрашиваемого медикаментозными препаратами вполне способны причинить человеку сильную боль и страдания и, следовательно, подпадают под определение пытки.

Ключевым критерием разграничения дозволенных мер воздействия и недопустимых выступает принцип сохранения свободы воли допрашиваемого

¹ В материалах XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, датированных 23 июля 1975 года, содержатся Принципы о свободе от произвольного ареста и содержания под стражей, статья 24 которых содержала указанные положения. Подробнее см.: Аналитическое резюме Генерального секретаря ООН по пункту 75 предварительной повестки дня «Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания в связи с задержанием или тюремным заключением». A/10150 // United Nations Digital Library System. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1303445/files/A_10158-RU.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

лица. Он вытекает, в частности, из Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятого резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года. Принцип 21 устанавливает, что «ни одно задержанное лицо не должно подвергаться во время допроса насилию, угрозам или таким методам дознания, которые нарушают его способность принимать решения или выносить суждения».

Следует отличать принцип сохранения свободы воли от понятия свидетельского иммунитета, закрепленного в ст. 51 Конституции Российской Федерации и заключающегося в том, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом».

Норма ст. 51 Конституции Российской Федерации и развивающие ее положения УПК РФ гарантируют право некоторых участников уголовного судопроизводства давать показания или отказаться сообщать что-либо следствию.

Принцип сохранения свободы воли, в свою очередь, — это не процедура, а критерий оценки законности методов полицейского расследования. Он проявляет ситуацию, когда путем насилия, угроз, запугивания лицо принуждают к совершению действий в интересах государственных должностных лиц², не оставляя лицу, на которое осуществляется воздействие, возможности выбора сценариев поведения. Действие этого критерия наглядно иллюстрирует следующий пример.

В июле 2018 года, в г. Екатеринбурге родители нескольких подростков, ранее задержанных по подозрению в краже телефона, заявили, что их детей избili

² Или иных лиц, выступающих в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома либо молчаливого согласия.

сотрудники отдела полиции № 24. Сообщалось, что «стражи порядка вывозили задержанных в лес и заставляли их ночью копать себе могилы. Факты при проверке заявления подтвердились, возбуждено уголовное дело. 16 марта 2020 года четверых полицейских признали виновными в превышении должностных полномочий и приговорили к различным срокам лишения свободы» [2].

В описываемой ситуации у подозреваемых не было возможностей для защиты. Выбор между смертью или признанием только выглядит дилеммой, на самом деле являет собой механизм насильственного, пыточного принуждения жертвы к определенной программе поведения.

С соблюдением принципа сохранения свободы воли связана и невозможность применения медикаментозных средств с целью получения показаний, поскольку подобные действия могут нарушить память или способность суждения допрашиваемого лица, подпадать под признаки незаконного эксперимента по отношению к задержанному или заключенному под стражу лицу.

Кроме того, Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятые резолюцией 37/194 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1982 года, содержат принципы 3 и 4, в соответствии с которыми «врачи, совершают нарушение медицинской этики, если они вовлечены в любые другие профессиональные отношения с заключенными или задержанными лицами, целью которых не является исключительно обследование, охрана или улучшение их физического или психического здоровья, и если они применяют свои знания и опыт для

содействия проведению допроса заключенных и задержанных лиц».

В части 5 ст. 26 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 года) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержится прямой запрет производства экспериментов в отношении задержанных, заключенных под стражу, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста. При этом российский уголовный закон, в отличие от законов других стран, не содержит специальной нормы об ответственности за незаконные эксперименты на человеке, на что специалисты уже обращали внимание [3, с. 10].

Представляется, что на тех же базовых принципах должна основываться оценка допустимости использования приемов гипноза. Хотя, надо признать, решение этого вопроса не столь однозначно и, по нашему мнению, существует пространство для научной дискуссии и совершенствования законодательства¹. В.Н. Исаенко, например, считает, что «репродукционный гипноз соответствует всем критериям допустимости, предъявляемым к средствам получения доказательств в уголовном судопроизводстве» [4, с. 16], а Н.Н. Китаев придерживается противоположной точки зрения [5, с. 57 – 58].

В оценке допустимости применения гипноза при расследовании мы солидарны с позицией И.В. Смольковой, которая не без оснований утверждает, что «в настоящее время при отсутствии нормативной регламентации примене-

¹ В средствах массовой информации сообщалось, что при расследовании дела о подрыве «Невского экспресса» (13 августа 2007 года) для опроса свидетелей был применен гипноз. См.: «Невский экспресс»: гипнотизеры освежили память свидетеля. 21.07.2009 // Фонтанка.ру : сайт. URL: <https://www.fontanka.ru/2009/07/21/096/> (дата обращения: 11.06.2025).

ния гипноза в следственной практике применять последний преждевременно» [6, с. 210, 218]. Применение гипноза, на наш взгляд, может быть приравнено к медицинскому эксперименту, исход и последствия которого для физического или психического здоровья человека неочевидны и заранее неизвестны.

Вопрос об обмане подозреваемого очень сложен. «Обман, равно как и давление на подозреваемого в рамках предварительного расследования, могут быть вполне легитимными» [7, с. 291].

Тем не менее случаи жалоб со стороны подсудимых на обман их следователем в судебной практике нередки¹.

Отметим в этой связи, что в следственной практике положительно зарекомендовала себя группа тактических приемов, основанных на создании у допрашиваемого преувеличенного представления о совокупности имеющихся в распоряжении следователя уличающих доказательств [8, с. 38]. Немало примеров использования такого рода «следственных хитростей» содержится в литературе [9].

Задачей национального законодателя в связи с этим становится определение юридических критериев допустимости применяемых в практической деятельности следственных органов разнообразных тактических приемов и способов получения доказательственной информации.

¹ Версия Б. об оговоре им П.Г. при даче признательных показаний под влиянием обмана со стороны следователя объективного подтверждения в ходе судебного разбирательства не нашла, сами по себе факты заключения с Б. досудебного соглашения о сотрудничестве и последующего расторжения этого соглашения по инициативе стороны обвинения данную версию осужденного никак не подтверждают и на признание достоверными и допустимыми признательных показаний Б. не влияют. См.: Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 17 октября 2023 г. № 55-561/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом резерв для совершенствования закона в этом направлении имеется. Достаточно сказать, что еще в 1967 году в монографии «Судебная психология для следователей» А.Р. Ратинов сформулировал условия допустимого психологического воздействия на допрашиваемого. По мысли автора, к ним относятся: «законность, познавательная эффективность (направленность приема на установление истины), избирательность воздействия (прием должен давать эффект лишь в отношении виновных лиц и быть нейтральным по отношению к другим допрашиваемым), соответствие профессиональной этике и нормам морали» [10, с. 166 – 171].

Предложенные А.Р. Ратиновым критерии правомерности и допустимости психологических приемов наряду с международно-правовым правилом «сохранения свободы воли» по сей день являются удобным инструментом для отграничения допустимых мер воздействия от недопустимых.

Считаем также, что в УПК РФ, в ст. 5 или примечании к ст. 9, должно быть продублировано уголовно-правовое понятие пытки и прописан принцип сохранения свободы выбора поведения допрашиваемого.

В заключение отметим, что с принятием Федерального закона от 14 июля 2022 года № 307-ФЗ значительно расширена сфера правовой оценки недопустимых методов воздействия, применяемых к личности при получении показаний. Вместе с тем, на наш взгляд, нуждаются в нормативной регламентации в отечественном законодательстве вопросы применения медикаментозных средств при допросе, критерии допустимости гипноза, тактических приемов, основанных на создании у допрашиваемого преувеличенного представления о наличии у следователя обвинительных доказательств, и других «следственных

хитростей» и «ловушек», помогающих раскрывать сложные преступления.

С учетом изложенного предлагаем следующую редакцию ч. 2 ст. 9 УПК РФ: «Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, угрозам его применения, пыткам, издевательствам, шантажу, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, а также продолжительным допросам, воздействию наркотиков или любых других средств воздействия, способных нарушить или ослабить свободу действий или решений лица, его память или способность суждения».

Содержание ст. 302 УК РФ следует уточнить, изложив норму следующим образом: «Принуждение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий, способных нарушить или ослабить свободу действий или решений лица, его память или его способность суждения, со стороны следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производя-

щего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа...».

Кроме того, представляется важным отметить, что действующая редакция Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 544 от 22 февраля 2023 года (п. 1.8), предписывающего прокурорам, участвующим в рассмотрении судами вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, «не допускать использования уголовного преследования в качестве средства давления на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, и на разрешение связанных с ней споров», также нуждается в некоторой коррекции.

Полагаем, что подобная норма должна распространяться не только на предпринимателей как представителей экономически активной части населения, но и на неопределенный круг лиц в целом, как это следует из принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации) и как это правило ранее регламентировал ныне утративший силу приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 18 июня 1997 года № 31 «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием».

Список источников

1. Сильнов М.А. О допустимых методах получения показаний // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4. С. 94 – 101.
2. Полицейские вывозили детей в лес и заставляли их копать себе могилы из-за кражи телефона. 16 марта 2020 // Om1.ru : сайт. URL: https://www.om1.ru/news/incident/187292-policejskie_vyvozili_detej_v_les_i_zastavljali_ikh_kopat_sebe_mogily_iz-za_krazhi_telefona/ (дата обращения: 16.16.2025).
3. Гецманова И.В. К вопросу о создании уголовно-правового запрета на незаконные медицинские эксперименты на людях // Проблемы экспертизы в медицине. 2010. № 1. С. 9 – 11.
4. Исаенко В.Н. Использование композиционных и субъективных рисованных портретов в расследовании особо тяжких преступлений с признаками серийности // Эксперт-криминалист. 2005. № 10. С. 15 – 17.

5. Китаев Н.Н. Гипноз и преступления. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. 60 с.
6. Смолькова И.В. Проблемы использования гипноза при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94). С. 210 – 222.
7. Стандарты справедливого правосудия: международные и национальные практики / М.Р. Воскобитова, Г.В. Диков, С.А. Насонов [и др.] ; под ред. Т.Г. Морщаковой. Москва : Мысль, 2012. 584 с.
8. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактические приемы допроса : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. Санкт-Петербург : С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2006. 56 с.
9. Шейнин Л. Записки следователя. Москва : Советский писатель, 1968. 464 с.
10. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. Москва : Изд-во ВШ МООП СССР, 1967. 290 с.

Информация об авторе

М.А. Сильнов – доцент кафедры основ прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M.A. Silnov – Associate Professor at the Department of fundamentals of prosecutorial activity of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.9

ВОЗБУЖДЕНИЕ ПРОКУРОРОМ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Дарья Сергеевна БЕЛОУСОВА¹, Арина Буладовна СУБАНОВА²

¹ Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, dbelousowa@yandex.ru

² Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, info@dipacademy.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению отдельных аспектов возбуждения прокурором дел об административных правонарушениях в рамках функции административного преследования (на примере Российской Федерации и Республики Казахстан). Детальный анализ правового регулирования рассматриваемых вопросов позволил выявить ряд общих черт и характерных особенностей процессуальной формы возбуждения прокурором производства по делу об административном правонарушении в Российской Федерации и Республике Казахстан, обосновать необходимость дальнейшего детального сравнительно-правового исследования порядка участия прокуроров в производстве по делам об административных правонарушениях в целях эффективной реализации возложенных на прокуратуру задач и формирования единого правового пространства СНГ.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, административное преследование, постановление прокурора, дело об административном правонарушении

Для цитирования: Белоусова Д.С., Субанова А.Б. Возбуждение прокурором дела об административном правонарушении в государствах – участниках СНГ: процессуальная форма (на примере Российской Федерации и Республики Казахстан) // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 116 – 122.

© Белоусова Д.С., Субанова А.Б., 2025

Original article

THE INITIATION BY THE PROSECUTOR OF ADMINISTRATIVE OFFENCE
PROCEEDINGS IN THE CIS MEMBER STATES: PROCEDURAL FORM
(ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Daria S. BELOUSOVA¹, Arina B. SUBANOVA²

¹ University of prosecutor's office of the Russian Federation, Moscow, Russia,
dbelousowa@yandex.ru

² Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
info@dipacademy.ru

Abstract. This article examines selected aspects of initiating proceedings on administrative offences by the prosecutor within the framework of administrative prosecution functions (based on the examples of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan). A detailed analysis of the legal regulation of these issues under consideration has revealed a number of common features and distinctive characteristics of the procedural form of initiating proceedings on administrative offences by prosecutors in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The article substantiates the need for further detailed comparative legal research on the procedures for prosecutors' participation in cases of administrative offences to ensure the effective implementation of tasks entrusted to the prosecution service and establish a unified legal space within the Commonwealth of Independent State (CIS).

Keywords: prosecutor, prosecutorial supervision, administrative prosecution, prosecutor's resolution, administrative offence case

For citation: Belousova D.S., Subanova A.B. The initiation by the prosecutor of administrative offence proceedings in the CIS member states: procedural form (on the example of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan). *Criminalist*. 2025;4(53):116-122. (In Russ.).

Использование в прокурорской деятельности процессуальных возможностей административного преследования является одним из важнейших аспектов реализации прокурором полномочий по участию в производстве по делам об административных правонарушениях. Последовательное изучение условий, процедуры и формальных особенностей такой работы (в контексте достижений не только административно-правовой науки, но и науки о прокурорской деятельности) происходит в последние годы. Хотя накопление опыта привлечения прокурором лиц, нарушивших закон (физических, должностных, а позднее — и юридических), осуществлялось на протяжении ряда десятилетий.

Еще в период формирования советской государственности соответствующие полномочия занимали свое место в компетенции прокурора. Формированию единой практики правоприменения способствовала кодификация законодательства об административных правонарушениях с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях¹, на базе которых разрабатывались кодексы союзных республик [1]. Процессуальный способ начала

¹ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях : приняты Верховным Советом СССР 23 октября 1980 г. № 3145-X : текст с изм. и доп. на 28 июля 1988 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

административного преследования по инициативе прокурора был определен ст. 26 Закона СССР от 30 ноября 1979 года «О прокуратуре СССР»: вынесение мотивированного постановления о возбуждении производства об административном правонарушении¹. Постановление прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении рассматривалось органом или должностным лицом не позднее чем в десятидневный срок после его поступления, о результатах рассмотрения сообщалось прокурору.

Дальнейшее развитие полномочий прокурора в русле оформления национальных законодательств об административных правонарушениях государств — участников СНГ [2], основанных на общих правовых традициях, имеет и определенное сходство и существенные различия. Интерес в этой связи представляет исследование правового регулирования административно-юрисдикционной компетенции прокурора в Российской Федерации и Республике Казахстан, где прокуратура традиционно играет активную роль в обеспечении законности производства по делам об административных правонарушениях, а прокурорский надзор имеет конституционный статус (ч. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации и п. 1 ст. 83 Конституции Республики Казахстан).

Постановление о возбуждении производства об административном правонарушении названо в Модельном законе о прокуратуре² в числе основных правовых актов прокуратуры (гл. 3), применя-

емых прокурором при осуществлении надзорных функций и при выполнении других надзорных полномочий в качестве формы реагирования на выявленные нарушения закона (ст. 18).

В соответствии со ст. 25 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 3 февраля 2025 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации») прокурор, исходя из характера нарушения закона должностным лицом, выносит мотивированное постановление о возбуждении производства об административном правонарушении. Постановление прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении рассматривается уполномоченным на то органом или должностным лицом в срок, установленный законом; о результатах рассмотрения сообщается прокурору в письменной форме. Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) закреплены порядка 50 составов административных правонарушений, возбуждать дела о которых вправе исключительно прокурор. Кроме того, при осуществлении надзора за исполнением законов прокурор вправе возбудить дело о любом другом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации (ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ). О возбуждении дела прокурором выносится постановление, которое должно содержать сведения, предусмотренные ст. 28.2 КоАП РФ (т. е. по содержанию оно аналогично протоколу об административном правонарушении). По делам, рассматриваемым судами, помимо постановления выносится заявление о привлечении к административной ответственности в соответствии с требованиями ст. 28.2 КоАП РФ (дата обращения: 17.10.2025).

¹ О прокуратуре СССР : Закон СССР от 30 ноября 1979 г. : текст с изм. и доп. на 7 янв. 1988 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О прокуратуре : модельный закон : принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановлением № 27-6 от 16 ноября 2006 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902050864> (дата обращения: 17.10.2025).

ваниями ст. 28.8 КоАП РФ, ст. 204 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что действующее правовое регулирование не исключает права прокурора возбудить дело об административном правонарушении, не относящемся к административным правонарушениям, дела о которых в соответствии с ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ уполномочен возбуждать именно прокурор, в том числе в отношении гражданина, если при осуществлении надзора будут установлены соответствующие повод и достаточные данные для возбуждения дела об административном правонарушении и из фактических обстоятельств следует необходимость реагирования именно в такой форме (в частности, если уполномоченные органы не отреагировали надлежащим образом или не определены)¹. Постановление прокурора выносится в сроки, установленные ст. 28.5 КоАП РФ, аналогичные для возбуждения дел об административных правонарушениях иными административно-юрисдикционными органами, за исключением специально установленных законов случаев — постановление выносится немедленно после выявления административного правонарушения либо в течение двух суток (если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела либо дан-

ных о физическом лице или сведений о юридическом лице, в отношении которых возбуждается дело об административном правонарушении). При проведении административного расследования постановление прокурора выносится по его окончании.

Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII «О прокуратуре» (далее — Закон о прокуратуре РК) включает в компетенцию прокурора полномочия по возбуждению и прекращению производства по делу об административном правонарушении (ст. 10)². Процессуальная форма реализации данных полномочий установлена Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (далее — КоАП РК)³.

Статус прокурора как участника производства по делам об административных правонарушениях определен ст. 759 КоАП РК. В рамках своей компетенции прокурор осуществляет высший надзор за соблюдением законности в процессе производства по делам об административных правонарушениях от имени государства, согласование либо отказ в согласовании решений о возбуждении дел об административных правонарушениях в отношении инвесторов, включенных в реестр инвесторов. Решение о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении инвестора, включенного в реестр инвесторов, с материалами, подтверждающими наличие оснований для этого, направляется прокурору в течение одного рабочего дня с момента обнаружения факта совершения административного право-

¹ По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21, пункта 2 статьи 22 и пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», абзаца второй части 6 статьи 28.3 и предложения второй части 1 статьи 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пункта 1 части 3 статьи 16.5 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» в связи с жалобой гражданина П.Н. Лакина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 г. № 15-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О прокуратуре : Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 г. № 155-VII : текст с изм. и доп. на 12 сент. 2023 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31771762 (дата обращения: 17.02.2025).

³ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-X : текст с изм. и доп. на 15 сент. 2025 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577299 (дата обращения: 17.09.2025).

нарушения. Прокурор в течение трех рабочих дней согласовывает решение о возбуждении дела либо отказывает в его согласовании (при необходимости истребования и изучения дополнительных материалов — в течение десяти рабочих дней).

Основания отказа прокурора в согласовании решения о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении инвестора, включенного в реестр инвесторов, установлены п. 63 Правил согласования с прокурором мер запретительно-ограничительного характера, решений о проведении проверки, исков в суд, решения о возбуждении дела об административном правонарушении и обжалования отказа в согласовании решения о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении инвесторов, включенных в реестр инвесторов (приложение 5 к Приказу Генерального прокурора Республики Казахстан от 17 января 2023 года № 32)¹. К их числу отнесены: отсутствие события, состава административного правонарушения и другие обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении; несоответствие тяжести последствий совершенного правонарушения и налагаемого административного взыскания в случае отсутствия угрозы причинения вреда жизни, здоровью человека; наличие вероятных последствий для инвестора, которые негативно отразятся на дальнейшей реализации им инвестиционного проекта либо имеют угрозу прекращения деятельности; отсутствие повода и основания для возбуждения дела об административном правонарушении; наличие обстоятельств, позволяющих не привлекать к административной ответ-

ственности, предусмотренных ст. 742 КоАП РК (например, при малозначительности правонарушения); установление недостоверности документов, подтверждающих материалов и (или) данных (сведений), содержащихся в них.

При этом общий порядок возбуждения прокурором производства по делу об административном правонарушении согласно ст. 805 КоАП РК предусматривает вынесение прокурором постановления о возбуждении дела об административном правонарушении (помимо дел об административных правонарушениях, возбуждение которых прямо отнесено к компетенции прокурора, он вправе возбудить дело о любом ином административном правонарушении). Постановление прокурора о возбуждении производства по делу об административном правонарушении должно содержать сведения, предусмотренные ст. 803 КоАП РК, устанавливающей требования к форме и содержанию протокола об административном правонарушении. Постановление выносится (как и составляется протокол) незамедлительно после обнаружения факта совершения административного правонарушения. Вместе с тем имеется ряд исключений: например, при необходимости дополнительного выяснения обстоятельств административного правонарушения или сведений о лице, привлекаемом к ответственности, постановление выносится в течение трех суток, а при возбуждении дел по отдельным составам — в течение десяти суток с момента обнаружения правонарушения или лица, его совершившего (ст. 806 КоАП РК).

Таким образом, процессуальная форма возбуждения прокурором производства по делу об административном правонарушении в Российской Федерации и Республике Казахстан имеет ряд общих черт и характерных особенностей:

данное решение принимается в виде постановления, имеющего единое наименование;

¹ О некоторых вопросах организации прокурорского надзора : Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 17 января 2023 г. № 32 : текст с изм. и доп. на 6 апр. 2025 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34417400 (дата обращения: 17.09.2025).

законодательством об административных правонарушениях используется единый алгоритм оформления постановления прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении и соответствующего протокола иных административно-юрисдикционных органов (установлены единообразные требования к содержанию). Вместе с тем требования к процессуальной форме возбуждения прокурором дела об административном правонарушении в Российской Федерации регламентированы как Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», так и КоАП РФ, несогласованность норм которых в этой части неоднократно отмечалась исследователями и должна быть устранена. Спецификой возбуждения российскими прокурорами дел об административных правонарушениях, подлежащих рассмотрению судом, является необходимость направления соответствующего постановления с заявлением о привлечении к административной ответственности (более сложная процессуальная форма возбуждения таких дел);

прокуроры в Российской Федерации и Республике Казахстан наделены полномочиями по возбуждению дел о любых административных правонарушениях (при этом ряд составов отнесен к «исключительному ведению» прокурора). В то же время в ст. 805 КоАП РК, в отличие от ст. 28.4 КоАП РФ, отсутствует привязка к возможности реализации прокурором права возбуждать дела о любых административных правонарушениях в связи с осуществлением надзора за исполнением законов, что, как представляется, исключает сомнения в допустимости возбуждения прокурором дел, не отнесенных к «исключительной» компетенции, в отношении неподнадзорных объектов. В отечественной доктрине и правоприменительной практике¹ по вопросу о том, может ли прокурор

возбуждать дела об административных правонарушениях в отношении неподнадзорных объектов, существуют противоположные точки зрения. Так, по мнению А.Ю. Винокурова, К. Винокурова, процедура административного преследования, которую нельзя привязывать исключительно к надзору, может быть инициирована прокурором не только в отношении поименованных в ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» лиц [3; 4]. А. Гальченко, напротив, полагает, что прокурор вправе возбуждать дела об административных правонарушениях лишь в отношении лиц, являющихся объектами прокурорского надзора [5];

постановления составляются немедленно после выявления административного правонарушения либо в течение специально установленного срока;

порядок организации работы, связанной с административным преследованием (включая процессуальное оформление постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, устанавливается организационно-распорядительными документами Генеральных прокуроров Российской Федерации и Республики Казахстан.

Дальнейшее изучение порядка участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях будет способствовать реализации возложенных на прокуратуру задач и формированию единого правового пространства СНГ. Детализация процессуальных особенностей статуса прокурора возможна на уровне модельных рекомендаций.

Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2020 г. № 7-КА19-4; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 октября 2023 г. № 88а-22125/2023; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 сентября 2023 г. № 88А-18794/2023. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 г. № 15-П; Кассационное определение

Список источников

1. Попова Н.Ф. Генезис административно-деликтного законодательства в Российской Федерации // Современное право. 2024. № 12. С. 43 – 47.
2. Винокуров А.Ю. О некоторых вопросах закрепления в кодифицированных актах государств – участников СНГ полномочий по осуществлению административного преследования // Административное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 719 – 725.
3. Винокуров А.Ю. Административное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 52 – 56.
4. Винокуров К. Вынесение прокурором постановления о возбуждении производства по делу об административном правонарушении // Законность. 2003. № 11. С. 19.
5. Гальченко А. Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях // Законность. 2014. № 2. С. 20 – 25.

Информация об авторах

Д.С. Белоусова – заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

А.Б. Субанова – студент Дипломатической академии МИД России.

Information about the authors

D.S. Belousova – Head at the Department of prosecutorial supervision over compliance with federal legislation and the participation of the prosecutor in civil, administrative and arbitration proceedings, University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

A.B. Subanova – Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.963

ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ВАКЦИНАЦИИ И ИММУНОДИАГНОСТИКИ ПОСРЕДСТВОМ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Елена Федоровна ИВАНОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, 150803elena@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы защиты прокурором прав несовершеннолетних на охрану здоровья при проведении иммунопрофилактики, проанализированы наиболее типичные нарушения, допускаемые медицинскими организациями, на которые необходимо обращать внимание при проведении прокурорских проверок, деятельность по вакцинации несовершеннолетних и вакцину предлагается рассматривать как источник повышенной опасности, проанализирована практика Верховного Суда Российской Федерации, предлагаются рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: вакцинация, иммунопрофилактика, несовершеннолетние, участие прокурора в судопроизводстве, согласие на медицинское вмешательство, источник повышенной опасности

Для цитирования: Иванова Е.Ф. Защита прокурором прав несовершеннолетних при проведении вакцинации и иммунодиагностики посредством административного судопроизводства // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 123 – 131.

Original article

THE PROSECUTOR'S ROLE IN SAFEGUARDING MINORS' RIGHTS IN VACCINATION AND IMMUNODIAGNOSTICS THROUGH ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Elena F. IVANOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, 150803elena@mail.ru

Abstract. This article examines contemporary issues of prosecutorial protection of minors' rights to health safeguarding during immunization. The most typical violations committed by medical facilities, which prosecutors specifically focus on during inspections, are analyzed. The activities related to vaccination of minors and the vaccine itself are proposed to be considered as a source of increased danger. Furthermore, the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation is analyzed, and recommendations for improving the current legislation are proposed.

Keywords: vaccination, immunization, minors, prosecutor's participation in judicial proceedings, consent to medical intervention, source of increased danger

For citation: Ivanova E.F. The prosecutor's role in safeguarding minors' rights in vaccination and immunodiagnosics through administrative proceedings. Criminalist. 2025;4(53):123-131. (In Russ.).

© Иванова Е.Ф., 2025

Каждый имеет право, в том числе несовершеннолетние, на жизнь и на охрану здоровья, что является неотчуждаемым конституционным правом человека. Здоровье нации — это стратегическая задача любого государства, решение которой влияет на национальную безопасность. Именно государство предоставляет гражданину гарантии реализации данного конституционного права путем осуществления профилактической, лечебной и иной деятельности, направленной на охрану здоровья населения.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 года) «О безопасности» рассматривает национальную безопасность через призму соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Здоровье человека — национальное достояние, требующее защиты со стороны государства.

Как отметила Т.Г. Воеводина, национальная безопасность и охрана здоровья несовершеннолетних — это понятия взаимосвязанные, взаимодополняющие и постоянно взаимодействующие друг с другом [1, с. 56].

Важным аспектом политики иммунопрофилактики инфекционных заболеваний является деятельность уполномоченных государственных органов по защите населения в сфере охраны здоровья граждан.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 года № 2390-р утверждена Стратегия развития иммунопрофилактики инфекционных болезней на период до 2035 года.

В Стратегии указано, что единственным инструментом, применяемым для борьбы с инфекционными заболеваниями, является иммунопрофилактика. Именно она позволила достичь ликвидации оспы и полиомиелита во многих странах мира, в том числе в Российской

Федерации, обеспечила эффективную защиту в очагах распространения инфекционных заболеваний.

Также в Стратегии отмечено, что детей первых дней жизни с 2017 года вакцинируют и ревакцинируют 5-компонентной вакциной, что снижает инъекционную нагрузку, однако отмечается рост отказов родителей от вакцинации детей, растет число «антипрививочников», что может привести к росту заболеваемости и распространению инфекций среди детского населения, к смертности и ухудшению эпидемиологической обстановки.

Именно органы прокуратуры, осуществляя правозащитную и правоохранительную функции, имеют полномочия по защите права несовершеннолетних на охрану здоровья.

В рамках осуществления надзора за исполнением законов прокуроры в своей деятельности руководствуются приказами Генерального прокурора Российской Федерации от 7 декабря 2007 года № 195 (ред. от 10 сентября 2024 года) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» и от 13 декабря 2021 года № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов», которыми установлена обязанность прокурора по защите конституционных прав несовершеннолетних на охрану здоровья.

Наиболее эффективными являются выездные проверки в учреждениях здравоохранения с изучением документации и применением анонимного анкетирования пациентов. Основные направления оказания детям бесплатной медицинской помощи и выполнение требований региональных целевых программ проанализированы по итогам выездных проверочных мероприятий ав-

торами О.А. Фирсовой и Я.Б. Дицевич в учебно-методическом пособии «Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере здравоохранения» [2, с. 47].

Полагаем, что к проверке необходимо и целесообразно привлекать соответствующих специалистов, проводить комплексные проверки, акцент делать на подготовке к проверке, изучении необходимой нормативно-правовой базы, выработке тактики и методики проверки.

При подготовке к проверке исполнения законов в сфере вакцинации несовершеннолетних следует изучить прежде всего законодательство об охране здоровья граждан.

Правовую основу деятельности в сфере вакцинации несовершеннолетних составляют Федеральный закон от 17 сентября 1998 года № 157-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года) «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 6 декабря 2021 года № 1122н (ред. от 12 декабря 2023 года) «Об утверждении национального календаря профилактических прививок по эпидемиологическим показаниям и Порядка проведения профилактических прививок».

В ходе надзорных мероприятий особое внимание необходимо уделять выявлению фактов нарушений при проведении вакцинации несовершеннолетних, которые могут быть классифицированы с учетом субъекта, допускающего нарушения:

нарушения, допускаемые учреждениями здравоохранения (нарушение порядка хранения вакцины, отсутствие вакцины, нарушение сроков вакцинации в соответствии с национальным календарем прививок, отсутствие лицензии по месту вакцинации на проведение такой медицинской деятельности);

нарушения, допускаемые при непосредственном осуществлении вакцинации (отсутствие согласия на медицинское вмешательство, отсутствие медицинского осмотра и медицинского обследования, введение вакцины не тем способом и не в той дозировке, введение вакцины лицом, не имеющим необходимой квалификации и образования, отсутствие специального кабинета для вакцинации);

нарушения, допускаемые производителем или поставщиком вакцины (нарушение правил транспортировки вакцины, отсутствие вакцины);

нарушения санитарно-эпидемиологического законодательства — нарушение прав других детей на безопасность и санитарно-эпидемиологическое благополучие (когда в образовательном учреждении находится непривитый ребенок, который представляет такую опасность).

Рассматривая вопросы вакцинации несовершеннолетних, нельзя не остановиться и не осветить вопросы диагностических исследований на отсутствие или наличие социально опасных заболеваний, таких, например, как туберкулез. Данные исследования не являются вакцинацией, но ввиду введения определенного препарата в организм детей могут иметь такие же последствия, как и при введении вакцины.

Необходимо обратить внимание, что ранее существовавшие споры разрешил Верховный Суд Российской Федерации при рассмотрении дела по административному исковому заявлению гражданина об оспаривании письма Министерства здравоохранения Российской Федерации от 7 апреля 2017 года № 15-2/10/2-2343, согласно которому рекомендовано не допускать в образовательные учреждения детей, родители которых не представили заключение фтизиатра об отсутствии заболевания

туберкулезом, не представили результаты внутрикожных проб (Манту, Диаскинтеста).

Суд установил, что туберкулез входит в перечень социально значимых заболеваний, которые представляют опасность для окружающих. А обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения является одним из основных условий реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду и права на охрану здоровья. Никто не может нарушать безопасные условия обучения, поэтому при отсутствии обследования ребенка на туберкулезную инфекцию (пробы Манту, Диаскинтест, которые не являются прививками) родители должны выбрать другую форму образования — вне образовательного учреждения¹.

В удовлетворении административного иска гражданину было отказано, чем Верховный Суд Российской Федерации разрешил многолетние споры, что первично, конституционное право на охрану здоровья или право на очное образование.

Данное решение Верховного Суда Российской Федерации касается организаций начального, основного и среднего общего образования, но в отношении дошкольных образовательных организаций такой вопрос до настоящего времени не разрешен. Полагаем, что малолетние, которые не прошли обследование на предмет наличия или отсутствия туберкулезной инфекции, не могут находиться в общей группе детей, но в то же время они не могут быть лишены права на дошкольное образование. Поскольку в дошкольных образовательных организациях отсутствует возможность получения образования дистанционно, вне образовательной организации, данный

вопрос может быть решен путем применения аналогии с введением карантина, когда в учреждении должна быть создана отдельная группа детей, не прошедших такое обследование, с отдельным входом, без какого-либо контакта с другими детьми.

В ходе надзорных мероприятий подлежат проверке порядок вакцинации и соблюдение прав детей на благоприятную окружающую среду, требуют проверки факты нахождения в образовательной организации детей, не вакцинированных против социально значимых заболеваний, что и свидетельствует о нарушении прав остальных детей.

Также при проведении прокурорской проверки необходимо обращать внимание на наличие информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство в отношении детей их законных представителей.

В соответствии с п. 2 ст. 11 Федерального закона от 17 сентября 1998 года № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» профилактические прививки проводятся при наличии информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство гражданина, одного из родителей либо иного законного представителя несовершеннолетнего в возрасте до 15 лет или больного наркоманией несовершеннолетнего в возрасте до 16 лет, законного представителя лица, признанного недееспособным в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Однако зачастую родители не дают согласия на вакцинацию их несовершеннолетних детей, что нарушает права последних на охрану здоровья, поскольку детский организм лишен защиты с помощью иммунопрофилактики.

Несмотря на необходимость применения комплекса мер прокурорского реагирования, представляется важным остановиться на полномочиях прокуро-

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации 18 апреля 2019 г. № АКПИ19-115. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ра, предусмотренных ст. 31.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ).

В этой связи необходимо вспомнить о возможностях, которые предоставляет ст. 31.1 КАС РФ под названием «Производство по делам о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни». Установить критерий «необходимости для спасения жизни» очень сложно, но полагаем, что в условиях чрезвычайных ситуаций, эпидемий данная статья КАС РФ должна применяться.

При изучении судебной практики¹ административных дел по искам прокуроров о защите интересов несовершеннолетнего при отказе его законного представителя от дачи согласия на медицинское вмешательство в виде вакцинации не выявлено, при анкетировании 40 работников органов прокуратуры разных субъектов Российской Федерации, обучавшихся по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников органов прокуратуры в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации, таких примеров также не установлено.

Таким образом, активность прокурора по направлению в суд административных исков в порядке ст. 39 КАС РФ при отказе законных представителей несовершеннолетних от дачи согласия на медицинское вмешательство, вакцинацию, необходимую для спасения жизни детей, отсутствует.

При этом складывается очень интересная судебная практика, что даже при

достижении ребенком 15 лет помимо его согласия на вакцинацию должно быть добровольное информированное согласие одного из его родителей или законного представителя.

Верховный Суд Российской Федерации в своем решении от 21 апреля 2022 года № АКПИ 22-106 указал, что в соответствии с п. 4 Порядка проведения профилактических прививок, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 6 декабря 2021 года № 1122н (ред. от 12 декабря 2023 года), перед проведением профилактической прививки оформляется информированное добровольное письменное согласие на медицинское вмешательство лица, подлежащего вакцинации, или его законного представителя.

В суд обратился бывший несовершеннолетний с административным иском заявлением об обжаловании отказа ему в проведении вакцинации против ковида ввиду отказа законных представителей на такой вид медицинского вмешательства (на момент такого отказа ему было 15 лет). В удовлетворении административного иска отказано².

Такое мнение Верховного Суда Российской Федерации нашло подтверждение в науке.

Так, В.В. Вышкварцев, А.В. Муслимова в своей работе «Вакцинация несовершеннолетних: проблемы и пути совершенствования» пишут, что прививка — это медицинская услуга, оказываемая бесплатно на основании договора, заключенного с Фондом обязательного медицинского страхования Российской Федерации (в настоящее время — Социальный фонд России), где стороной является родитель, заключивший договор в пользу третьего лица — ребенка, по-

¹ Сайты «КонсультантПлюс» (<https://www.consultant.ru/>) и «Судебные и нормативные акты РФ» (<https://sudact.ru/>).

² Решение Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2022 г. № АКПИ22-106. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

этому именно законному представителю предоставлено приоритетное право давать согласие на вакцинацию ребенка (или отказ от вакцинации ребенка) [3, с. 10 – 14].

Такое мнение соответствует основам гражданского законодательства в части договорного права.

На все эти моменты, безусловно, необходимо обращать внимание при проведении прокурорской проверки исполнения законодательства о вакцинации несовершеннолетних.

Прокурор в рамках проведения проверки вправе применять любые меры прокурорского реагирования, но «наиболее эффективным способом защиты прав несовершеннолетних в сфере охраны жизни и здоровья является обращение прокурора в суд с заявлением (иском). Ведь только для судебного решения предусмотрен действенный механизм принудительного исполнения» [1, с. 55]. По мнению М.В. Маматова, «судебный порядок защиты прав несовершеннолетних позволяет прокурорам добиться реального восстановления нарушенных прав, поскольку является более действенным и обеспечен принудительным исполнением судебных актов» [4, с. 4].

Необходимо анализировать практику предъявления административных исков в порядке главы 31.1 КАС РФ, а также практику предъявления исков в порядке ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации — об обязанности получить лицензию на медицинскую деятельность, об обязанности оборудовать медицинский кабинет необходимым оборудованием для хранения вакцины и проведения вакцинации несовершеннолетних, о взыскании компенсации вреда в случае неблагоприятного исхода вакцинации.

Остановимся на точках зрения, которые существуют в науке, относительно

возможности принудительной вакцинации, в том числе несовершеннолетних. Но прежде необходимо проанализировать исторический опыт.

Так, 10 апреля 1919 года был принят декрет Совета народных комиссаров о повсеместной обязательной иммунизации против натуральной оспы. Профилактические прививки делали всем детям до года, всем лицам, поступающим в учебные заведения. Все, кто уклонялся, привлекались к ответственности по ст. 181 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года «Нарушение правил по охране народного здоровья, специально изданных в целях борьбы с эпидемиями». В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года ст. 222 предусматривала ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, если это повлекло массовое распространение инфекционных заболеваний или создало угрозу наступления таких последствий. В 1962 году статья утратила силу. С одной стороны, это нарушение прав граждан, но с другой стороны, уровень инфекционных заболеваний снизился, чем были соблюдены права других граждан на благоприятную окружающую среду и на охрану здоровья.

В.И. Ратникова, Н.В. Стрельникова, И.А. Стрельников считают, что можно принудительно вакцинировать людей. Единственное, должно быть хорошо изучена медицинская документация, генеалогическое древо с указанием близких и дальних родственников, где указаны были бы все их заболевания [5, с. 10 – 14].

А.А. Троицкая, Т.М. Храмова отмечают, что только принудительная вакцинация может остановить пандемию, и в целях национальной безопасности необходимо на законодательном уровне рассматривать данный вопрос [6, с. 89 – 95].

Автор придерживается мнения, что если речь идет об эпидемии, об угрозе эпидемии, то тут возможна при-

нудительная вакцинация. С.В. Гунич и Е.А. Киселева в работе «Тенденции ограничения конституционных прав и свобод гражданина в современном обществе» [7, с. 35 — 39] предлагают такие ограничения конституционных прав рассматривать через призму безопасности государства, прав и свобод граждан.

Конечно, говоря о принудительной вакцинации, надо понимать, что могут наступить и тяжелые последствия вакцинации. Шестидесят шесть процентов граждан отказываются от прививок именно из-за страха наступления негативных для здоровья последствий [8]. Отсюда государство должно предпринять все возможные меры по созданию гарантий ликвидации поствакцинных осложнений.

Люди должны быть уверены в качестве вакцины, отсутствии негативных последствий вакцинации, ответственности медиков и медицинских учреждений, гарантиях, которые государство предоставит в таких случаях.

В соответствии со ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) вред, причиненный личности, возмещается причинителем вреда при наличии вины. Такую вину очень сложно доказать, поэтому любому родителю, законному представителю несовершеннолетнего необходимы гарантии того, что, если наступят осложнения при вакцинации, государством будут гарантированы не только возмещение вреда, причиненного ребенку, но и качественное восстановление здоровья ребенка, его реабилитация.

В части возмещения вреда при наступлении неблагоприятных последствий иммунопрофилактики заслуживает внимания мнение В.В. Вышкварцева, А.В. Муслимовой, которые предлагают конкретизировать в ст. 1079 ГК РФ, что медицинская деятельность по иммуно-

профилактике и вводимые препараты являются источником повышенной опасности, следовательно, ответственность наступает без вины медицинского учреждения и производителя вакцины [3, с. 21].

Однако не видим в этом целесообразности, поскольку вышеназванная статья Гражданского кодекса Российской Федерации не содержит исчерпывающего перечня источников повышенной опасности, в связи с чем может трактоваться по признакам опасности этого источника.

С этим соглашается и судебная практика, когда признает вакцину источником повышенной опасности.

Так, в Московской области в 2016 году вынесено решение о возмещении вреда в результате смерти ребенка после проведения вакцинации, судом вакцина признана источником повышенной опасности. В 2009 году аналогичное дело рассматривалось в Брянске.

Если говорить о внесении изменений в действующее законодательство, то требует пересмотра п. 1 ст. 1085 ГК РФ в части, когда речь идет о компенсации вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего вследствие вакцинации.

Согласно данной норме права, при причинении гражданину повреждения здоровья возмещению подлежат расходы на лечение, приобретение лекарств, протезирование, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств и так далее, но при условии, если потерпевший не имеет права на их бесплатное получение.

Так, если по бесплатной путевке на санаторно-курортное лечение не может быть предоставлен необходимый перечень реабилитационных услуг, то гражданин за собственные средства будет приобретать путевку в тот санаторий, где этот перечень услуг предоставят. Это касается и расходов на лечение.

Если бесплатную операцию будет проводить один врач, молодой специалист, то человек может выбрать платную операцию в другом учреждении, где операцию будут проводить несколько врачей под руководством доктора медицинских наук. То же самое можно говорить и о протезировании, и о лекарствах. Бесплатные лекарства не всегда есть в наличии, за собственный счет их можно приобрести всегда.

Полагаем, что если речь идет о несовершеннолетних, то им в случае наступления неблагоприятных последствий вакцинации должен быть компенсирован вред здоровью путем взыскания денежных средств с ответчиков вне зависимости от возможности получить медицинские услуги, лекарства, санаторно-курортное лечение на бесплатной основе. Каждый родитель должен иметь право выбирать любое медицинское учреждение, более качественные протезы, лекарства и санаторно-курортную организацию по своему усмотрению. Это определенная гарантия восстановления здоровья несовершеннолетнего.

Что касается участия прокурора в гражданском процессе, то в рамках ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предлагаю рассмотреть вопрос о практике предъявления исков как к медицинским организациям, так и к поставщикам и производителям вакцины, когда в результате вакцинации наступают тяжкие последствия у несовершеннолетних,

о возмещения вреда в рамках п. 1 ст. 1079 ГК РФ без вины причинителя вреда, поскольку такая деятельность и вводимые препараты в качестве вакцины являются, безусловно, источником повышенной опасности.

И только после того как будут созданы реальные государственные гарантии восстановления здоровья несовершеннолетних при наступлении неблагоприятных последствий вакцинации, необходимо формировать практику внесения представлений в организации здравоохранения об устранении нарушений действующего законодательства, причин и условий, им способствующих, в части бездействия и непринятия мер по предъявлению административных исков в порядке ст. 31.1 КАС РФ о принудительной вакцинации несовершеннолетних.

Законодательство Российской Федерации должно обеспечивать защиту неотчуждаемого права каждого человека на охрану здоровья, при этом охрана здоровья несовершеннолетних находится в государственном приоритете. Никто не может нарушать это право, даже родители и законные представители, ставить ребенка в опасную для его жизни ситуацию. Именно органы прокуратуры должны своевременно вставать на защиту права ребенка на охрану здоровья, когда мнение и поведение родителей или законных представителей несовершеннолетнего противоречат интересам ребенка.

Список источников

1. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране жизни и здоровья несовершеннолетних / А.В. Гришин, Т.Г. Воеводина, Д.И. Ережипалиев [и др.]. Москва : Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 67 с.
2. Фирсова О.А., Дицевич Я.Б. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере здравоохранения. Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 103 с.
3. Вышкварцев В.В., Муслимова А.В. Вакцинация несовершеннолетних: проблемы и пути решения // Медицинское право. 2023. № 3. С. 10 – 14.

4. Защита прокурором в гражданском и административном судопроизводстве права несовершеннолетних на охрану здоровья : пособие / М.В. Маматов, Е.В. Кремнева, И.А. Маслов, И.С. Симонова. Москва : Ун-т прокуратуры Российской Федерации, 2021. 79 с.
5. Ратникова В.И., Стрельникова Н.В., Стрельников И.А. Историко-правовые аспекты развития иммунопрофилактики инфекционных заболеваний в России // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5 (162). С. 96 – 103.
6. Троицкая А.А., Храмова Т.М. «Принудительный» иммунный ответ: проблемы вакцинации от COVID-19 // Государство и право. 2022. № 5. С. 89 – 95.
7. Гунич С.В., Киселев Е.А. Тенденции ограничения конституционных прав и свобод граждан в современном обществе // Законодательство. 2021. № 5. С. 35 – 39.
8. Моисеева К.Е., Алексеева А.В. Основные причины отказов от вакцинации // Социальные аспекты здоровья населения : электрон. журн. 2019. № 5 (65). URL: <https://vestnik.mednet.ru/content/view/1104/30/lang.ru/> (дата обращения: 15.06.2025).

Информация об авторе

Е.Ф. Иванова – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

E.F. Ivanova – Postgraduate Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 34

МЕДИАДИСКУРС ПРОКУРАТУРЫ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Светлана Павловна СИНЯВСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, sinyavskayasp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы преобразования профессионального юридического дискурса прокуратуры в публичную коммуникацию с позиции дискурсивного анализа медиадискурса. Анализируются особенности взаимодействия прокуратуры с медиа, формирование образа прокуратуры в массовом сознании, а также использование различных медиатехнологий и жанров для передачи правовой информации. Особое внимание уделяется процессам адаптации контента, изменению целей и стратегий коммуникации, а также роли медиадискурса в формировании правовой культуры и общественного мнения. В статье подчеркивается значение медийно-юридического поддискурса как инструмента повышения прозрачности и эффективности деятельности прокуратуры в современном информационном пространстве.

Ключевые слова: медиадискурс, прокуратура, дискурс, медийно-юридический поддискурс, коммуникация, общественное мнение, правовая культура, информационно-коммуникативное пространство, трансформация дискурса, медийные стратегии

Для цитирования: Синявская С.П. Медиадискурс прокуратуры: дискурсивный анализ формирования образа в современном информационном пространстве // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 132 – 138.

Original article

MEDIA DISCOURSE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE: A DISCOURSE ANALYSIS OF IMAGE FORMATION IN THE MODERN INFORMATION SPACE

Svetlana P. SINYAVSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, sinyavskayasp@mail.ru

Abstract. The article examines the mechanisms for transforming the professional legal discourse of the prosecutor's office into public communication from the perspective of discourse analysis. It analyzes the specific features of the interaction between the prosecutor's office and the media, the formation of its public image, and the use of various media technologies and genres for conveying legal information. Special attention is paid to the processes of content adaptation, changes in communication goals and strategies, as well as the role of media discourse in shaping legal culture and public opinion. The article emphasizes the significance of the media-legal subdiscourse as a tool for enhancing transparency and effectiveness of the prosecutor's office activities in the modern information space.

© Синявская С.П., 2025

Keywords: media discourse, prosecutor's office, discourse, media-legal subdiscourse, communication, public opinion, legal culture, information and communication space, discourse transformation, media strategies

For citation: Sinyavskaya S.P. Media discourse of the prosecutor's office: a discourse analysis of image formation in the modern information space. *Criminalist*. 2025;4(53):132-138. (In Russ.).

В современных условиях представление об образе прокурора складывается не только на основе законодательства и официальных данных, но и под влиянием медиаконтента. Средства массовой информации, кинематограф и соцсети формируют устойчивые стереотипы, во многом определяющие то, как общество воспринимает прокуратуру как институт власти. В статье анализируется медиаобраз прокурора с позиций дискурсивного анализа, выделяются основные нарративы и их влияние на общественное мнение.

Взаимодействие со средствами массовой информации является важной составляющей деятельности прокуратуры [1]. Оно дает возможность не только получить объективную обратную связь о работе ведомства, но и способствует повышению правовой грамотности граждан, эффективному информированию о надзорной деятельности, защите государственных интересов в суде, а также профилактике и раскрытию правонарушений. В результате такое сотрудничество укрепляет открытость и прозрачность работы органов прокуратуры.

Понятие «дискурс» имеет в настоящее время множество трактовок. Первоначально это был лингвистический термин. В дальнейшем объем данного понятия сильно увеличился благодаря привлечению к его исследованию методов других научных дисциплин, что позволило рассматривать дискурс уже как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания тек-

ста» [2, с. 8]. Аналогичного мнения придерживается Н.Д. Арутюнова, которая определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [3, с. 136 – 137].

Медиадискурс является относительно новым явлением общественной коммуникации, представляющим собой целостное информационно-коммуникативное пространство и имеющим высокий потенциал социального воздействия. В настоящее время ученые выделяют по крайней мере два подхода к определению медиадискурса. Медиадискурс понимается как особая форма коммуникативной деятельности, присущая исключительно пространству массмедиа. В рамках данного подхода медиадискурс трактуется как один из самостоятельных дискурсов, таких как политический, медицинский, религиозный [4; 5]. Различия между ними обусловлены особенностями языковых практик, коммуникативных ситуаций, несмотря на возможные общие тематические области. Согласно другому подходу медиадискурс — это «любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ» [6, с. 16]. В данном случае имеется в виду то, что один институциональный дискурс включает в свою коммуникативную сферу другой, поглощая его и превращая в поддискурс, например медийный

юридический дискурс, в рамках которого осуществляется медийная деятельность органов прокуратуры.

Современная дискурсология не пришла к единому выводу относительно природы медийного юридического дискурса. Ряд ученых, опираясь на его высокую мобильность, полифоничность и неограниченный потенциал междискурсивного взаимодействия [7, с. 16], рассматривают его как гибридный феномен на стыке дискурсов СМИ и права, а также как подвид дискурса массмедиа [8, с. 11]. Согласно определению медийного дискурса, предложенному Е.А. Кожемякиным, речь идет не о гибридизации, возникающей при пересечении и равноправном взаимодействии двух институциональных дискурсов (юриспруденции и СМИ), а о том, что один из них (дискурс СМИ) вовлекает другой (юридический дискурс) в свою коммуникативную сферу, трансформируя его в поддискурс (медийно-юридический), при условии, если какой-либо социальный институт (в данном случае юридический) использует СМИ как основной канал коммуникации и апеллирует к целевой аудитории СМИ как к своей [7, с. 16].

Таким образом, медийная деятельность прокуратуры может быть рассмотрена как пример функционирования медийно-юридического поддискурса, в рамках которого юридическая информация транслируется через СМИ и приобретает новые коммуникативные характеристики, соответствующие задачам публичного взаимодействия с обществом.

Процесс трансформации дискурса особенно четко проявляется в том, как органы прокуратуры выстраивают свою коммуникацию с обществом через медиа. Этот механизм включает в себя несколько ключевых моментов.

1. Смена адресата и цели. Изначально юридический дискурс прокуратуры

ориентирован на участников процесса (суд, адвокатов, обвиняемых), и его задача — доказать вину в рамках закона. Однако при выходе в медийное пространство прокуратура начинает обращаться к целевой аудитории СМИ — широкой общественности. Ее цели тоже меняются:

информирование населения о результатах работы;

формирование положительного имиджа ведомства;

предупреждение потенциальных правонарушений (профилактическая функция);

демонстрация неотвратимости наказания и торжества справедливости;

снижение социальной напряженности по поводу резонансных дел.

2. Трансформация контента (создание поддискурса). Постановление прокурора или обвинительное заключение не может быть просто опубликовано в СМИ, поскольку они непонятны и неинтересны массовой аудитории. Поэтому происходит переработка:

языка: сложная юридическая лексика заменяется простым, понятным языком. Вместо «квалифицировано по ч. 4 ст. 159 УК РФ» в пресс-релизе напишут «обвиняется в мошенничестве в особо крупном размере»;

формата: многостраничные документы превращаются в короткие пресс-релизы, лаконичные комментарии для новостных каналов, посты в соцсетях с инфографикой или видеороликами;

акцентов: сухие юридические факты дополняются эмоционально насыщенными деталями (например, подчеркивается цинизм преступника или беззащитность жертвы). В результате фокус смещается с процессуальных тонкостей на социальную значимость события.

3. Принятие правил медиа. Прокуратура начинает использовать СМИ в качестве основного канала взаимодействия с обществом. Она создает пресс-службы, назначает официальных представите-

лей, проводит пресс-конференции, ведет официальные аккаунты в соцсетях. Это показывает, что для донесения своих сообщений и позиции до граждан она предпочитает работать через медийные платформы, а не ограничивается публикацией нормативных документов в специальных юридических изданиях.

В результате прокуратура, выступая в СМИ, перестает быть исключительно юридическим институтом. Она становится актором медийного поля, который для достижения своих целей вовлекает свой профессиональный дискурс в доминирующий медийный дискурс. В результате этого и рождается тот самый медийно-юридический поддискурс, о котором говорит Е.А. Кожемякин: информация о реальном уголовном деле, «упакованная» по законам медиа — с упрощениями, расстановкой акцентов и ориентацией на массового зрителя или читателя.

Для реализации своих коммуникативных потребностей прокуратура активно задействует различные каналы массовой информации — телевидение, радио, социальные сети, печатные СМИ. Эти средства «не только передают, но и путем осознанного отбора выделяют и субъективно интерпретируют события окружающей действительности, влияя на сознание личности и формируя общественное мнение» [9, с. 252].

В зависимости от медиаформата надзорного ведомства корректируется стиль взаимодействия с аудиторией. Например, в телевизионных эфирах важную роль играют как вербальные элементы, так и невербальные: выразительные жесты, мимика, зрительный контакт, усиливающие убедительность сообщения. В радиоформатах, где отсутствует визуальный контакт, акцент смещается на четкость дикции, логичную структуру изложения и эмоциональную окраску голоса — интонация становится основным инструментом передачи смысла.

Таким образом, эффективная коммуникация требует учета специфики каждого медиаресурса, чтобы информация была не только донесена, но и воспринята аудиторией в заданном ключе.

Каждый коммуникативный канал опирается на свой набор жанров. Как правило, профессиональные особенности работников прокуратуры обуславливают их участие в телевизионных и радиопередачах преимущественно в рамках информационных программ. Однако в последнее десятилетие жанровое разнообразие медиапространства расширилась благодаря развитию компьютерного дискурса. В деятельности прокуратуры данный жанр нашел широкое применение для публикации информационных материалов, обработки обращений граждан, а также организации онлайн-приемов. Таким образом, взаимодействие участников может осуществляться как в устной, так и в письменной форме, в зависимости от выбранного канала и формата коммуникации.

Медиадискурс как предметная область формируется на основе ключевых концепций, определяющих его тематическую и смысловую основу. Так, анализ содержательной стороны информационного потока показал, что современный медиадискурс структурируется вокруг устойчивых тематических блоков. Можно сделать вывод, что СМИ, таким образом, выстраивают динамичную, но систематизированную картину мира, опираясь на постоянные тематические категории. Например, к таким устойчивым темам относятся политика, экономика, спорт, культура, погода, новости международной и региональной жизни и другие. Эти темы формируют основу для структурирования информации, сохраняя при этом гибкость в подаче текущих событий [10, с. 29].

Однако наряду с общими тематическими направлениями в медийном про-

странстве формируются и специализированные дискурсы, тесно связанные с отдельными институтами общества. Особое место здесь занимает медийный юридический дискурс, который отражает функционирование права в публичной сфере и демонстрирует специфику представления юридической информации средствами массовой коммуникации. Юридический дискурс, «разворачиваясь» в межинституциональной и межкультурной среде, с одной стороны, основывается на ценностях и принципах таких культурных институтов, как политика, религия и экономика, но с другой стороны, он также «обслуживает» иные институты, формируя устойчивые и эффективные механизмы демаркации легитимного и нелегитимного, поддержки социального контроля, регулируя институциональные отношения. Правовые элементы характерны для всех сфер общественной жизни. Юридические категории глубоко интегрированы в политическую, религиозную, образовательную и другие области культуры. Это взаимопроникновение демонстрирует универсальный характер права как регулятора социальных отношений [11, с. 132–133].

Таким образом, медийный юридический дискурс выступает связующим звеном между специализированным правовым языком профессионалов и общественным пониманием права, обеспечивая доступность юридической информации и формируя правовую культуру общества.

Цели медиадискурса могут реализовываться не только на уровне содержания, но и в сфере коммуникации, что отражается в особенностях взаимодействия участников. Статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики участников, условия передачи и восприятия медийных сообщений (такие как сфера и среда коммуникации, базовые знания, исторические прецеденты), а также стратегии общения (мотивы,

степень контроля) и способы взаимодействия (канал, стиль, режим) — все это, с одной стороны, влияет на интерпретацию сообщений, а с другой — формирует структуру коммуникационного процесса.

Прокурорский дискурс — это особая форма коммуникации, адресованная всему обществу. Когда представитель прокуратуры выступает в СМИ, его речь может быть предназначена для самой разной аудитории, включающей различные возрастные группы. Коммуникация в таких случаях строится между экспертами (сотрудниками прокуратуры) и неэкспертами (телеведущими и аудиторией). Данное взаимодействие имеет статусно-ролевой характер и разворачивается в рамках строго ограниченного набора социальных ролей, где участники действуют как представители определенных общественных групп [12, с. 28].

В медиадискурсе предметная область не представлена как абстрактная идея, а раскрывается через знаки и символы с помощью языковых элементов и речевых стратегий. Существует явная зависимость между типом медиадискурса и его прагматикой: чем более дискурс ориентирован на передачу объективных фактов, тем однозначнее и нейтральнее становятся его языковые выражения. И наоборот, если основная цель — воздействие на аудиторию, используются менее точные или многозначные термины, которые открывают пространство для интерпретации.

Для успешной коммуникации с общественностью через телевидение прокурор применяет комплексный подход, включающий следующие коммуникативные стратегии:

доступность языка: замена профессиональной лексики общеупотребительными словами, устранение неоднозначных формулировок, иллюстрирование

абстрактных понятий через жизненные ситуации;

структурированная подача материала: построение цепочки взаимосвязанных утверждений с фактическим обоснованием;

интерактивные элементы через вопросы, обращенные к зрителям;

опора на проверенные данные: цитирование нормативных актов, судебной практики, академических работ, заключений специалистов;

эмоциональная выразительность: подбор экспрессивных слов, работа с темпом речи, акцентирование ключевых моментов, создание образных картин;

художественные средства языка: повторы начальных конструкций, противопоставления, образные переносы, аналогии.

Такой многоуровневый подход позволяет прокурору не только информировать граждан о правовых вопросах, но и формировать общественное мнение, продвигать правовую культуру и мотивировать к соблюдению законов.

В качестве основных выводов можно отметить следующее.

1. Формирование медиадискурса в практике взаимодействия прокуратуры с обществом является ключевым ин-

струментом преобразования профессионального юридического дискурса в доступную для широкой аудитории публичную коммуникацию.

2. Процесс трансформации включает изменение целей, содержания и форматов коммуникации, что способствует повышению прозрачности деятельности ведомства и формированию положительного имиджа в обществе.

3. Использование разнообразных медийных платформ и жанров, а также адаптация языка и стиля подачи информации в зависимости от особенностей каждого канала усиливает эффективность информационного воздействия.

4. Медиадискурс выступает важным связующим звеном между профессиональным правовым языком и обществом, способствуя развитию правовой культуры и укреплению доверия к институтам власти.

5. В условиях многослойного медиасреды необходимо учитывать особенности восприятия информации, балансируя между информативностью и эмоциональной привлекательностью для достижения максимальной эффективности коммуникации и формирования объективного общественного мнения.

Список источников

1. О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 мая 2018 г. № 296 : текст с изм. и доп. на 22 апр. 2022 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprocuratury-rossii-ot-17052018-n-296-ovzaimodeistvii> (дата обращения: 17.09.2025).

2. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. Вступительная статья // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Москва : Прогресс, 1989. С. 5—11.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.» ; Ин-т языкознания АН СССР ; гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва : Советская энциклопедия, 1990. С. 136—137.

4. Засурский Я.Н. Российские медиа в XXI веке: «вверх по лестнице, ведущей вниз» // Засурский Я.Н. Испытание свободой : Российская журналистика : 1990—2007. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 228—237. (21 век. Информация и общество).

5. Полонский А.В. Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова // Русский язык в современном медиaprостранстве : Междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 23—26 сен-

тября 2009 г.) : сб. науч. тр. / Белгород. гос. ун-т ; отв. ред. А.В. Полонский. Белгород : БелГУ, 2009. С. 151 – 160.

6. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 11, № 2 (73). С. 13 – 21.

7. Соловьева Ю.О. Популярно-юридический дискурс vs медийный юридический дискурс // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 19, №. 1. С. 15 – 21.

8. Силанова М.А. Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Силанова Мария Александровна. Москва, 2016. 22 с.

9. Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 250 – 259.

10. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 2. С. 20 – 33.

11. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика. 2011. №. 11. С. 131 – 145.

12. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21). С. 17 – 34.

Информация об авторе

С.П. Синявская – доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат филологических наук.

Information about the author

S.P. Sinyavskaya – Assistant Professor at the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Linguistics).

Научная статья
УДК 342

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Яна Константиновна ЧЕПЕНКО¹, Илья Андреевич ШЕСТАВИН²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹chepenko55@mail.ru

²i.shestavin@yandex.ru

Аннотация. Образование играет ключевую роль в жизни современного общества. Качество образования и его доступность являются залогом успешного и благополучного развития государства. Однако несмотря на гарантии, закрепленные в Конституции Российской Федерации, по-прежнему существует множество проблем, связанных с реализацией права на образование. В статье исследованы проблемы реализации гражданами России конституционного права на образование, а также предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: право на образование, конституционные права граждан, реализация права на образование, государственные гарантии

Для цитирования: Чепенко Я.К., Шеставин И.А. Конституционное право на образование и проблемы его реализации // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 139 – 145.

Original article

THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO EDUCATION AND THE CHALLENGES TO ITS IMPLEMENTATION

Yana K. CHEPENKO¹, Ilya A. SHESTAVIN²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹chepenko55@mail.ru

²i.shestavin@yandex.ru

Abstract. Education plays a crucial position in contemporary society. The quality of education and its accessibility constitute the foundation for successful and prosperous national development. However, despite the guarantees enshrined in the Constitution of the Russian Federation, there are still numerous challenges related to the realization of the right to education. This article examines the problems encountered by Russian citizens in exercising their constitutional right to education and proposes potential solutions to their resolution.

Keywords: the right to education, constitutional rights of citizens, realization of the right to education, state guarantees

For citation: Chepenko Ya.K., Shestavin I.A. The constitutional right to education and the challenges to its implementation. Criminalist. 2025;4(53):139-145. (In Russ.).

Образование — одна из важнейших сфер общественной жизни, без него невозможно нормальное и слаженное функционирование большинства общественных институтов. Образованию отведена одна из ведущих ролей в формировании системы взглядов и ценностей личности. При помощи образования люди приобретают необходимые знания и полезные навыки, которые находят применение на практике.

Ключевая функция образования — это функция социального лифта, суть которого заключается в возможности занять более высокую ступень в общественной иерархии благодаря знаниям, полученным в ходе образовательного процесса. Исходя из этого, можно заключить, что институт образования является весьма демократичным, поскольку позволяет способным в интеллектуальном отношении людям из самых различных регионов страны, зачастую ограниченным в возможностях собственной реализации финансово, двигаться вверх по карьерной лестнице.

Особую роль образования в жизни страны неоднократно подчеркивал в своих выступлениях Президент Российской Федерации В.В. Путин. Так, во время встречи с учащимися вузов Калининградской области, прошедшей 25 января 2024 года, глава государства отметил, что в нашей стране на протяжении веков уделяли огромное внимание и придавали большое значение развитию образования. По его мнению, будущее государства зависит во многом именно от уровня образования граждан, поскольку знания стали частью экономического роста, повышения обороноспособности страны, сохранения государственности, традиций и этносов России [1].

Право на образование — одно из базовых и фундаментальных прав человека и гражданина. В Российской Федерации оно гарантировано Конституцией. Согласно ч. 1 ст. 43 Основного закона

каждый имеет право на образование. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 29 сентября 2025 года) «Об образовании в Российской Федерации» определяет основные принципы государственной политики в сфере образования, устанавливает правовые и организационные основы образования в России, а также регулирует взаимные права и обязанности участников образовательного процесса.

Одной из актуальных проблем реализации конституционного права граждан на образование многие авторы выделяют угрозу вытеснения бесплатного образования, которое гарантировано Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», образованием платным. Так, М.М. Кияткина считает, что такая тенденция обусловлена недофинансированием российского образования [2, с. 29].

Напомним, что согласно ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации наша страна является социальным государством. Это значит, что политика российского государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Положение упомянутой нормы, безусловно, касается и сферы образования. Государство предоставляет гражданам широкий спектр гарантий, в том числе гарантию доступного бесплатного образования. Таким образом, государство берет на себя обязательство обеспечить гражданам возможность реализовать право на образование прежде всего финансово, за счет средств федерального бюджета.

Однако, как отмечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, хотя Россия провозгласила себя социальным государством, зафиксировав данный факт в Конституции, это пока еще только цель,

для достижения которой потребуется приложить немалые усилия. Положение о социальном государстве остается на данный момент лишь «конституционным идеалом» [3, с. 49], а потому далеко не все социальные гарантии государства могут быть реализованы на практике в полном объеме. Это, к сожалению, касается и гарантий реализации права на образование.

Продолжая исследовать проблему недостаточного финансирования российского образования в качестве существенного препятствия на пути реализации гражданами своего конституционного права на образование, уместно обратить внимание на то, как на законодательном уровне закреплялся вопрос о государственном финансировании образования.

Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 года № 3266-1 устанавливал фиксированный размер государственных трат на сферу образования. В пункте 2 ст. 40 этого Закона, посвященной государственным гарантиям приоритетности образования, декларировалось, что «государство гарантирует ежегодное выделение финансовых средств на нужды образования в размере не менее 10 процентов национального дохода...».

Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» уже не устанавливал государственные гарантии ежегодного выделения финансовых средств на нужды образования. В своей работе А.А. Тимофеева констатирует, что таким образом «власть сняла с себя зафиксированные ранее финансовые обязательства» [4, с. 50].

Одной из традиционных проблем для российского образования является его труднодоступность, вызванная географическими факторами.

Не всегда государство может обеспечить близость образовательных учреждений к местам проживания обучаю-

щихся. Частично эта проблема решается путем предоставления иногородним обучающимся мест в общежитиях. Но и такую меру зачастую проблематично реализовать. Во-первых, не каждое образовательное учреждение имеет возможность предоставить учащимся услуги общежития. Во-вторых, по-прежнему существует множество образовательных учреждений, у которых нет достаточных ресурсов для поддержания общежитий в нормальном и безопасном состоянии. В-третьих, высокая плата за проживание в общежитии также может стать существенным препятствием для обучающихся.

Большие по площади территории, зачастую не имеющие между собой хорошо налаженного сообщения, представляют реальную проблему для реализации конституционного права граждан на образование. Чаще всего эта проблема затрагивает районы с недостаточно развитой транспортной инфраструктурой, расположенные преимущественно в сельской местности.

Следует учитывать и иные географические факторы, также препятствующие получению образования или создающие серьезные проблемы его получения. К таковым относится характер местности (например, ее гористость, заболоченность) и сложные климатические условия, характерные для северных регионов.

Существует ряд других проблем реализации права на образование, связанных с его доступностью. К таким проблемам можно отнести малое количество образовательных учреждений в регионах, нехватку подготовленных педагогических кадров, слабое взаимодействие между различными уровнями образования и т. д.

Так, О.Е. Козлова в качестве проблемы реализации конституционного права на доступное образование указывает на частое отсутствие соответствующей ма-

териальной базы, необходимой для полноценного функционирования образовательного учреждения, выражающееся прежде всего в отсутствии специальных устройств и оборудования для обучения лиц с ограниченными возможностями [5, с. 3].

Решение этих проблем, на наш взгляд, возможно посредством значительных денежных вложений со стороны государства в сферу образования. Однако это не всегда осуществляется на практике.

Еще одной трудностью, с которой нередко сталкиваются граждане при реализации своего конституционного права на образование, является его цифровизация. Особенно остро проявилась эта проблема в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), когда ввиду неблагоприятной эпидемиологической обстановки в стране большинство образовательных учреждений были вынуждены перейти на удаленную работу.

Ю.Г. Мыслякова и Н.В. Усова называют пандемию коронавирусной инфекции новым глобальным вызовом, с которым столкнулась Российская Федерация в последнее десятилетие. Этот вызов оказал существенное влияние на функционирование всех сфер жизни общества, и прежде всего на область образования. Исследователи отмечают, что пандемия выступила в роли катализатора процесса масштабной цифровизации российского образования, поскольку до 2020 года доля граждан, активно пользовавшихся информационными технологиями в образовательных целях, была невелика и составляла менее трех процентов от общего числа учащихся по стране [6, с. 327].

Дистанционное обучение, широко внедряемое в последние годы, представляет собой, безусловно, инновационное направление, однако оно также сопряжено со множеством факторов, затруд-

няющих в полной мере реализацию конституционного права на образование.

К их числу можно отнести недостаточную техническую оснащенность образовательных учреждений, плохую подготовку педагогических кадров к работе в новых условиях, проблемы с выходом в сеть «Интернет» и так далее. Определенные проблемы при дистанционном обучении испытывают и сами обучающиеся. Статистика показывает, что подавляющее большинство участников образовательного процесса (преподаватели и обучаемые) признают, что качество образования с использованием информационных, в том числе дистанционных, технологий пока еще значительно уступает качеству образования очного формата обучения.

Дискуссионным остается вопрос применения на практике знаний, полученных дистанционно. Не всегда можно приобрести необходимые навыки и умения заочно, вне стен образовательного учреждения. Прежде всего это касается будущих медицинских работников.

В качестве решения проблем онлайн-образования А.И. Беляйкина предлагает комплекс государственных мер, которые будут способствовать непрерывности образования и его доступности для всех граждан. К числу таковых автор относит: выделение денег из бюджета на приобретение для малообеспеченных семей персональных компьютеров; обучение учащихся основам компьютерной грамотности; спонсирование развития образовательных платформ. А.И. Беляйкина надеется, что компенсированием расходов на образование из дома будут заниматься не только государство, но и представители гражданского общества (общественные организации, фонды) [7, с. 106].

Таким образом, не отрицая наличия существенных недостатков в области дистанционного образования, для устра-

нения которых, безусловно, необходимо принятие ряда мер, мы констатируем, что внедрение информационных технологий никак не лишает граждан возможности реализовать их конституционное право на образование.

Кроме того, отметим, что рассмотренная форма обучения в условиях чрезвычайных ситуаций (таких, например, как пандемия COVID-19 в 2020 году) является оправданной и, пожалуй, единственной доступной формой предоставления и получения образовательных услуг.

Также считаем необходимым, чтобы применение формата дистанционного обучения было четко урегулировано законодателем. В частности, нам представляется важным закрепление в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» оснований применения дистанционного образования (к которым относятся и чрезвычайные ситуации) отдельным перечнем. Это позволило бы избежать правовой неопределенности относительно целесообразности введения дистанционного обучения в тех или иных ситуациях.

Считаем необходимым рассмотреть вопрос о месте и роли Болонской системы высшего образования, некогда существовавшей в нашей стране, и о том влиянии, которое она оказала на реализацию гражданами России своего конституционного права на образование.

Россия присоединилась к Болонской декларации в сентябре 2003 года. Как отмечают О.А. Кириевская, Е.В. Листопада и С.Е. Туркулец, главными ориентирами вхождения в Болонский процесс для России являлись адекватный ответ вызовам глобализации, перспективы интеграции в мировое образовательное пространство и полноправное участие в создании транснациональной системы образования [8, с. 168].

Цель, заявленная при вступлении России в Болонский процесс, казалась для своего времени прогрессивной.

Предполагалось, что благодаря единому общеевропейскому образовательному стандарту российские студенты смогут, начав получать высшее образование в отечественных вузах, завершить его получение уже за рубежом. Эта и многие другие идеи, положенные в основу Болонской системы, на первых порах казались многим привлекательными, а главное — перспективными, поскольку должны были предоставлять обучающимся большие возможности, в том числе для карьерного роста.

Н.С. Бондарь смотрит на процедуру вступления России в Болонскую систему более прагматично. Он полагает, что существенных предпосылок для интеграции России в общеевропейские образовательные стандарты не было. Повышение качества высшего образования никак не являлось мотивом вступления нашей страны в Болонский процесс. Унификация европейских образовательных систем сама по себе являлась целью. Таким образом, автор полагает, что Россия необдуманно скопировала западноевропейские образовательные стандарты, тем самым подорвав основы национального высшего образования [9, с. 33].

Отметим, что даже сами европейские государства, ратифицировавшие Болонскую декларацию, вступали в нее с осторожностью и значительными оговорками, обеспечивая участие в Болонском процессе интересы прежде всего своего национального образования. Кроме того, далеко не все европейские институты приняли Болонскую систему, поскольку не согласились отказаться от собственных образовательных программ, имеющих многовековую историю, ради создания общеевропейского образовательного стандарта.

Несомненно, для Европейского союза, создающего единое социальное, экономическое и политическое межгосударственное пространство, идея унификации высшего образования кажется весьма актуальной. Однако Россия не

является членом этого западноевропейского сообщества. Ценности, декларируемые Болонской системой, оказались чуждыми отечественному высшему образованию.

Поэтому закономерно, что цели Болонского процесса в России достигнуты не были. Как отмечает З.У. Дзодзиков, обещанного автоматического и безусловного признания российских дипломов в Европе так и не произошло. Выход на международный рынок труда с российскими дипломами оказался также затруднен. И наконец, широкое распространение получила практика отказа в приеме на работу вчерашних студентов, окончивших систему бакалавриата, поскольку большинством работодателей диплом бакалавра воспринимался как высшее неоконченное (неполное) образование. Этот факт вынуждал многих студентов продолжать получение высшего образования дальше по направлению «магистратура». Хотя европейские учредители Болонской системы относили бакалавриат к образованию высшему и, безусловно, полному [10, с. 41].

Н.С. Бондарь констатирует, что каждое общество вырабатывает свои уникальные образовательные стандарты. Болонская система не должна была менять национальную стратегию развития высшего образования у нас в стране. Россия нуждается в национальной образовательной концепции, основанной на традициях единства науки, обучения и воспитания. Болонские ориентиры не могли этого предложить, они ограничивались лишь тем, что готовили по ускоренной программе узких специалистов [11, с. 20–21].

Многие исследователи сходятся во мнении, что наша страна могла стать участницей Болонского процесса и без разрушения традиционной отечественной системы высшего образования. Двухуровневую систему можно было реализовать, не отказываясь от оправдавшей себя модели специалитета в качестве первой ступени высшего образо-

вания. Вторым уровнем должна была стать магистратура, предусмотренная уже Болонскими стандартами. Однако в настоящее время реализовать такой проект по объективным причинам не представляется возможным. В апреле 2022 года Российская Федерация отказалась от Болонской системы.

Рассмотренные нами несоответствия между Болонским процессом и отечественной системой высшего образования явно не способствовали полноценной и беспрепятственной реализации гражданами России своего конституционного права на образование. Напротив, имела место открытая дискриминация российских дипломов европейскими образовательными учреждениями, что, в свою очередь, являлось не чем иным, как необоснованным ограничением и грубым ущемлением российских граждан в их конституционных правах.

В связи с этим нам представляется верным устоявшееся в отечественной научной среде утверждение о том, что Болонская система в нашей стране не «прижилась». Она не была реализована в полной мере, поскольку не сумела интегрироваться в российское образовательное поле и не смогла продемонстрировать свою эффективность на практике. Болонская система в большинстве своем носила формальный характер, а многие ее инновационные программы так и остались на бумаге.

Большинство специалистов отмечают, что процесс выхода России из Болонской системы, запущенный в апреле 2022 года, не сделает отечественное высшее образование самостоятельным одномоментно. Для этого потребуется какое-то время. Кроме того, процедура выхода из Болонской системы будет сопряжена со множеством трудностей, к числу которых И.И. Богданова относит значительные издержки, связанные с переработкой образовательных стандартов, программ и планов. Помимо финансовых издержек, считает автор, процесс перехода на новую, отечественную си-

стему высшего образования будет сопряжен с длительными бюрократическими процедурами, которые могут затянуть процесс изменений и оставить систему образования в неопределенном состоянии на годы [12, с. 14].

Список источников

1. Встреча с учащимися вузов Калининградской области 25 января 2024 года // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73303> (дата обращения: 01.08.2025).
2. Кияткина М.М. Проблемы реализации конституционного права граждан Российской Федерации на образование // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2016. № 3 (3). С. 27 – 30.
3. Зорькин В.Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62). С. 46 – 50.
4. Тимофеева А.А. Проблемы реализации права граждан Российской Федерации на образование в условиях его модернизации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 2 (29). С. 47 – 53.
5. Козлова О.Е. Проблемы реализации конституционного права граждан на образование // Новый юридический вестник. 2020. № 9 (23). С. 3 – 5.
6. Мыслякова Ю.Г., Усова Н.В. Цифровая трансформация образовательных услуг вузов в условиях глобальных вызовов: региональный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 326 – 353. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44117406> (дата обращения: 01.08.2025).
7. Беляйкина А.И. Конституционное право на образование и проблемы его реализации // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 2 (48). С. 103 – 109.
8. Кириевская О.А., Листопадова Е.В., Туркулец С.Е. Магистратура в России в свете выхода из Болонского процесса: проблемы и перспективы // Право и практика. 2023. № 2. С. 168 – 171.
9. Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. 2-е изд., доп. Москва : Юрист, 2014. 62 с. (Серия «Библиотечка судебного конституционализма» ; вып. 3).
10. Дзодзиков З.У. Проблемы реализации конституционного права на образование в России // Юридические исследования. 2023. № 10. С. 35 – 53.
11. Бондарь Н.С. Конституционализм — базовое начало юридического образования // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2023. № 6. С. 4 – 29.
12. Богданова И.И. Отмена Болонской системы: проблемы и перспективы высшего образования в России // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. Т. 3, № 8. С. 11 – 16.

Информация об авторах

Я.К. Чепенко — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

И.А. Шеставин — студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

Ya.K. Chepenko — Associate Professor at the Department of state and legal disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

I.A. Shestavin — Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340.15

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ И ВИДЫ НЕГАТИВНЫХ СЕРВИТУТОВ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Виталий Алексеевич МАКСИМОВ¹, Юлия Михайловна БОБРОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ maximovva@mail.ru

² j.m.bobrova@gmail.com

Аннотация. В статье авторы раскрывают юридическую природу негативных сервитутов, их историческое развитие и применение в праве Рима, а также потенциал для интеграции в российское гражданское законодательство. Отрицательные сервитуты представляют собой уникальный вид вещного права, который обеспечивает защиту интересов владельцев, ограничивая права соседей на осуществление определенных действий с их недвижимостью для сохранения естественных благ. В исследовании выделяются основные признаки негативных сервитутов: невозможность их в активных действиях, неделимость, а также необходимость их полезности для господствующего участка. Авторы дают оценку роли негативных сервитутов в современных правовых системах и их особенностей в контексте исторического опыта. В статье анализируются различные виды негативных сервитутов: запрет загромождать свет и вид, ограничения по высоте зданий и правила, касающиеся действий, которые могут препятствовать свободному пользованию недвижимостью. Яркие примеры из римского частного права иллюстрируют значимость установления таких запретов и последствия их нарушения. Обобщая материалы исследования, авторы приходят к выводу, что негативные сервитуты играют важную роль в управлении частными имущественными правами, способствуя гармонии и соблюдению интересов соседей. Предложенные выводы и рекомендации могут служить основой для дальнейшего изучения возможностей внедрения аналогичных правовых норм в российский правовой порядок.

Ключевые слова: право собственности, ограниченные вещные права, недвижимость, земельный участок, положительный сервитут, отрицательный сервитут

Для цитирования: Максимов В.А., Боброва Ю.М. Специфические черты и виды негативных сервитутов в римском частном праве // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 146 – 150.

© Максимов В.А., Боброва Ю.М., 2025

Original article

SPECIFIC FEATURES AND TYPES OF NEGATIVE
EASEMENTS IN ROMAN PRIVATE LAW

Vitaly A. MAKSIMOV¹, Yulia M. BOBROVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ maximovva@mail.ru

² j.m.bobrova@gmail.com

Abstract. In the article the authors successfully reveal the legal nature of negative easements, their historical development and application in Roman law, as well as their potential for integration into Russian civil legislation. Negative easements are a unique type of property law that protects the interests of owners by restricting the rights of neighbours to perform certain actions with their real estate in order to preserve natural benefits such as light and view. The study identifies the main attributes of negative easements, including: the impossibility of their maintenance in active actions, indivisibility, as well as the necessity of their utility for the serving area. The authors evaluate the role of negative easements in modern legal systems and their features in the context of historical experience. The article analyses different types of negative easements, such as the right not to obstruct light and views, height restrictions on buildings, and rules concerning actions that may prevent the free use of another's property. Vivid examples from Roman private law illustrate the significance of such prohibitions and the consequences of their violation. Summarising the research materials, the authors conclude that negative easements play an important role in the management of private property rights, promoting harmony and respect for the interests of neighbours. The proposed conclusions and recommendations can serve as a basis for further study of the possibilities of introducing similar legal norms into the Russian legal order.

Keywords: property right, limited property rights, real estate, land plot, positive easement, negative easement

For citation: Maksimov V.A., Bobrova Yu.M. Specific features and types of negative easements in roman private law // Criminalist. 2025;4(53):146-150. (In Russ.).

Законодательство не может охватить все возможные виды запретов, которые участники частноправовых отношений желают ввести в отношении соседней недвижимости. Единственным способом возложения таких запретов может быть договор, устанавливающий сервитут, содержание которого заключается в воздержании обязанной стороны от совершения определенных действий. Этот вид вещного права на чужое имущество нашел свое место в праве многих государств. Изучение юридической природы и особенностей негативных сервитутов в римском праве поможет определить целесообразность и возможные пути внедрения этого вещного права в российское гражданское законодательство.

Отрицательные сервитуты имеют признаки, присущие всем вещным сервитутам.

1. *Servitus in faciendo consistere non potest* — содержание сервитута не может заключаться в совершении действий, т. е. владелец обслуживаемой вещи не должен совершать активных действий в пользу сервитуария.

2. *Servitus servitutes esse non potest* — нельзя устанавливать сервитут на сервитут, ведь служить может только реальная, телесная вещь, а сервитут является правом, которым нельзя непосредственно удовлетворять интересы лиц.

3. *Nemini res sua servit iure servitutes* — нельзя установить сервитут для себя на

собственную вещь, ведь владелец имеет право пользоваться своим участком в полном объеме на основе права собственности.

4. *Servitutes dividi non possunt* — часть сервитута не может иметь самостоятельного правового существования, сервитут является неделимым.

5. *Sine utilitate servitus consistere nequit* — сервитут должен представлять конкретный интерес для лица, которое его устанавливает, быть ему полезным. Не может быть признано сервитутом ограничение владельца в осуществлении определенных действий по отношению к своей земле, если это не дает другому лицу какой-либо выгоды [1, с. 21–22].

Негативные сервитуты отличаются от положительных тем, что имеют отрицательное содержание, т. е. владелец господствующего участка получает выгоду не от пользования соседним участком, а от эксплуатации своего участка с доступом, например, к виду, в связи с которым был установлен отрицательный сервитут. Интерес сервитуария составляет определенное бездействие (пассивное поведение) соседа по отношению к своей недвижимости. Именно несовершение определенных действий владельцем соседней недвижимости не лишает определенного блага сервитуария.

В отличие от положительного сервитута, который может устанавливаться по отношению как к лицу, так и к земельному участку, негативный сервитут касается только участка. Поэтому, например, нельзя устанавливать запрет возводить здание выше определенной высоты к конкретному лицу, это должно касаться участка в целом. Вместе с тем нельзя устанавливать негативный сервитут, если он будет создавать выгоду лично для владельца господствующего участка.

Целью установления негативного сервитута в римском праве было не предоставление права пользования чужой недвижимостью, а наоборот — лишение владельца соседней недвижимости права осуществлять со своей недвижи-

мостью определенные действия (или ограничение его в праве). Владелец соседней (служащей) недвижимости в случае установления негативного сервитута должен был не терпеть действия сервитуария (как при положительном сервитуте), а сам воздерживаться от действий, на которые у него было право до установления негативного сервитута как у владельца [2, с. 40]. Если это был сельский негативный сервитут, то владелец служащего земельного участка был ограничен в чрезмерном пользовании определенным природным ресурсом (в добыче воды, песка, извести, полезных ископаемых). Если же это был городской негативный сервитут, то собственник служащего здания должен был воздерживаться от действий, которые бы привели к изменению его недвижимости (от надстройки этажа, насаждения деревьев, возведения забора и т. д.).

Относительно видов негативных сервитутов надо отметить, что почти все они в римском праве относились к городским сервитутов (*servitus altius non tollendi* — право запрещать соседу возводить любые здания или строения до определенной высоты, чтобы не препятствовать доступу солнечного света или надлежащему виду из окна [3, с. 232]; *servitus ne luminibus officiatur* — право требовать, чтобы сосед никоим образом (ни повышением или понижением здания, ни насаждением деревьев и т. п.) не препятствовал поступлению солнечного света; *servitus ne prospectui officiatur* — право требовать от соседа, чтобы он никоим образом не заслонял вид [4, с. 138]), кроме одного сельского сервитута (право на запрет для соседа добывать воду (песок, известь) на своей земле, если это приводит к уменьшению запасов воды на господствующем участке) [1, с. 24, 26–27; 5, с. 309–512].

Разграничение между солнечным светом и видом дает Павел во 2-й книге «Сокращений дигест Алфена». Свет — это когда видно небо. И есть разница между светом и видом, так как вид су-

ществует даже с мест, расположенных внизу, а света с места, расположенного внизу, быть не может (D.8.2.16) [6, с. 308].

Вместе с тем выделяли также сервитут, который запрещал красить стену, на которую выходили окна владельца здания, в красный или черный цвет.

Еще одним видом негативного сервитута является право запрещать соседу заниматься определенным ремеслом, если это отвечает интересам господствующего участка. Установить такой сервитут можно лишь при условии, что запрет заниматься определенным ремеслом будет приносить выгоду господствующему участку, например будет уменьшать опасность от огня, который может возникать от занятия определенной хозяйственной деятельностью. Сервитутом нельзя запрещать заниматься определенной деятельностью, если это будет создавать выгоду только для владельца господствующего участка, а не для участка вообще [7, с. 211].

Один из самых распространенных негативных сервитутов — сервитут не заслонять свет — можно проиллюстрировать казусом из Дигест Юстиниана.

Гавр консультировался у Марцела: «Я (Гай) являюсь владельцем двух домов, один из которых предоставляю в наследство тебе (Тиций). Мой наследник (Ульпий) увеличивает высоту дома и тем самым перекрывает тебе свет. Как ты думаешь, имеет ли значение, увеличивает ли он высоту собственного или завещанного здания?» [8, с. 392 — 394].

На самом деле в любом случае действия наследника будут правомерными, учитывая отсутствие установления какого-либо запрета на увеличение высоты здания. Однако, имея возможность увеличивать высоту дома, надо понимать, что затемнять другое здание можно лишь до определенной степени: чтобы свет внутри не заслонялся полностью и его бы было столько, сколько достаточно для жителей этого дома для дневного пользования. Если же при передаче в наследство в отношении здания будет

установлен отрицательный сервитут, то, конечно, наследник должен будет воздерживаться от определенных действий, предусмотренных содержанием данного вещного права. Итак, наследник (Ульпий) будет иметь возможность увеличить высоту здания или иным образом заслонять свет соседнему зданию, если не будет установлен негативный сервитут, с помощью которого можно сохранить первоначальный вид здания.

Гай, владелец дома, обремененного сервитутом на запрет увеличивать высоту строения в пользу дома Тиция, посадил рядом со своим домом дерево, которое закрыло вид его соседу (Тицию). Прошло два года, но Тиций не протестовал, и тогда Гай заявил, что сервитут прекращен, и начал строительство еще одного этажа [8, с. 394 — 395].

Анализируя правовую природу негативного сервитута, следует отметить, что в целом крайне трудно признать прекращение сервитута по давности. Вместе с тем надо акцентировать внимание на том, что сервитут, которым был обременен дом Гая, устанавливался по отношению именно к изменению высоты здания, а не вообще к запрету каким-либо образом закрывать вид или свет. В то же время есть мнение, что дома, обремененные негативным сервитутом, могут иметь сады, которые также не должны превышать определенную сервитутом высоту. Если сервитут касается вида и сад будет заслонять его, то владелец дома не может иметь такой сад (D.8.1.12). Однако считаем, что деревья нельзя сравнивать со зданием, учитывая изменчивость растений как по высоте, так и по своему положению, а потому и сравнивать последствия насаждения растений и увеличения высоты строения невозможно.

Достаточно логичным представляется мнение о допустимости в данной ситуации прекращения сервитута по давности, поскольку не было никаких протестов со стороны Тиция, хотя дерево закрывало ранее оговоренный между

сторонами вид так же, как если бы его закрывал еще один этаж здания. Однако считаем действия Гая неправомерными, поскольку, во-первых, негативный сервитут касался именно здания, а не вида в целом; во-вторых, неодинаковы последствия того, как вид загораживает дерево или здание; в-третьих, деревья и вообще растения имеют свойство меняться, в отличие от дома, надстроенного этажа и тому подобного.

Таким образом, римское право, в котором была разработана юридическая конструкция сервитута, предложило также такой вид сервитута, который в современном гражданском праве называют негативным. Особенностью такого вида сервитута является возможность сервитуария влиять на соседнюю

недвижимость (здание или участок) таким образом, что ее владелец должен воздерживаться от определенных действий. То есть содержанием негативного сервитута являются не положительные действия сервитуария, а запрет соседу осуществлять со своей недвижимостью определенные действия, которые могут негативно повлиять на пользование сервитуарием своей недвижимостью (как то: надстройка этажа или возведение забора, что приведет к загромождению для сервитуария вида или ограничению доступа света на господствующий участок; добыча воды, песка или извести на земельном участке в таком количестве, что это приведет к уменьшению их запасов на участке сервитуария).

Список источников

1. Копылов А.В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве. Москва : Статут, 2000. 255 с.
2. Максимов В.А. Негативные сервитуты по римскому частному праву и праву Англии: вопросы рецепции // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2025. № 1. С. 39–46.
3. Барон Ю. Система римского гражданского права. В 6 кн. Кн. 2. Право владения. Кн. 3. Вещные права. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс», 2005. 1100 с.
4. Fernand Bernard. The First Year of Roman Law / trans. Charles P. Sherman. New York : The Lawbook Exchange. 2008. 326 p.
5. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред., с предисл. В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2003. 496 с.
6. Дигесты Юстиниана. Т. 2. Кн. V – XI / отв. ред. Л.Л. Кофанов. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 2008. 622 с.
7. Дернбург Г. Пандекты. В 3 т. Т. 1, ч. 2. Вещное право / под ред. А. Ф. Мейендорфа ; пер. с нем. А. Ю. Блоха [и др.]. Санкт-Петербург : [б. и.], 1905. 364 с.
8. Гарсия Гаррида М.Х. Римское частное право. Казусы, иски, институты / пер. с исп.: Ю.В. Пущаев [и др.] ; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Москва : Статут, 2005. 812 с.

Информация об авторах

В.А. Максимов — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Ю.М. Боброва — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

V.A. Maksimov — Associate Professor at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

Yu.M. Bobrova — Senior Lecturer at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

РЕЦЕНЗИИ ОБЗОРЫ МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья
УДК 34

ВII ВСЕРОССИЙСКИЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА КРИМИНАЛИСТИКИ». ОБЗОР НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Мария Александровна ГРИГОРЬЕВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, mgrek@inbox.ru*

Аннотация. Представлен обзор научно-практического мероприятия «VII Всероссийский (с международным участием) Криминалистический форум „Санкт-Петербургская школа криминалистики“». Изложены основные тезисы выступлений участников форума.

Ключевые слова: Г.А. Густов, метод расследования преступлений, перспективы развития криминалистики, криминалистика, программно-целевой метод, метод моделирования, предварительное расследование, криминалистическое обеспечение

Для цитирования: Григорьева М.А. VII Всероссийский (с международным участием) Криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики». Обзор научно-практического мероприятия // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 151 – 159.

Review article

THE VII ALL-RUSSIAN (WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION) CRIMINALISTIC FORUM «SAINT-PETERSBURG SCHOOL OF CRIMINALISTICS». CONFERENCE PROCEEDINGS REVIEW

Maria A. GRIGORIEVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, mgrek@inbox.ru*

Abstract. The article provides an overview of the proceedings of the VII All-Russian Criminalistic (with international participation) Forum «St. Petersburg School of Criminalistics». The main theses of the forum participants' presentations are outlined.

© Григорьева М.А., 2025

Keywords: G.A. Gustov, crime investigation method, prospects for the development of criminalistics, criminalistics, program-target method, modelling method, preliminary investigation, criminalistic support

For citation: Grigorieva M.A. The VII All-Russian Criminalistic (with international participation) Forum «St. Petersburg School of Criminalistics». Conference proceedings review. Criminalist. 2025;4(53):151-159. (In Russ.).

9–11 октября 2025 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации (далее — Институт) состоялся VII Всероссийский (с международным участием) Криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики». Мероприятие, организованное и проведенное кафедрой уголовного процесса и криминалистики Института, включало научно-практический криминалистический семинар «Криминалистическое обеспечение уголовного преследования: современное состояние, перспективы, проблемы» (к 100-летию со дня рождения Г.А. Густова), панельную дискуссию «Научное наследие профессора Генриха Арсеньевича Густова и его современная интерпретация» (к 100-летию со дня рождения Г.А. Густова), а также молодежную секцию криминалистического форума. Посвящение Всероссийского криминалистического форума «Санкт-Петербургская школа криминалистики» памяти известных криминалистов, работавших в Институте, стало традицией.

В мероприятии приняли участие более 200 человек: представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, прокуратур субъектов Российской Федерации и специализированных прокуратур — слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Института, обучающиеся по программе профессиональной переподготовки прокурорских работников, состоящих

в резерве кадров для выдвижения на должности прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров специализированных прокуратур; представители Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы по финансовому мониторингу, налоговых органов; представители ведущих российских государственных судебно-экспертных учреждений; ученые, аспиранты, студенты ведущих юридических вузов России; профессорско-преподавательский состав, аспиранты и студенты Университета прокуратуры Российской Федерации и его филиалов.

Честь открыть Форум и приветствовать его участников была предоставлена заместителю директора Института кандидату юридических наук А.В. Сальникову, поблагодарившему участников за проявленный к научному событию интерес, отметившему значимость Санкт-Петербургской школы криминалистики в развитии отечественной науки криминалистики. А.В. Сальников акцентировал внимание на необходимости проведения посвященных юбилейным датам ведущих ученых Института научных мероприятий, позволяющих помнить людей, заложивших основы науки криминалистики в Институте, и сохранять их научное наследие.

Участники научно-практического криминалистического семинара, панельной дискуссии и молодежной секции выступили с докладами, посвященными творческому наследию профессора Г.А. Густова и его вкладу в развитие криминалистического учения; информационному обеспечению расследования;

современным проблемам производства следственных действий; криминалистическому обеспечению при проведении разведывательно-поисковых мероприятий в рамках архивно-поисковой работы; новеллам законодательства Республики Беларусь; новациям в сфере производства различных видов экспертиз; криминалистическому обеспечению противодействия преступлениям различных видов и многим другим актуальным проблемам современной криминалистики.

Обращаем внимание читателей на отдельные выступления, вызвавшие особый интерес у участников научно-практического семинара и панельной дискуссии.

Руководитель Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области кандидат юридических наук, профессор, генерал-лейтенант юстиции С.Т. Сазин, выступивший с докладом «Криминалистическое обеспечение при проведении разведывательно-поисковых мероприятий в рамках архивно-поисковой работы», отмечая значимость поискового движения, заявил, что архивно-поисковая работа рассматривается как инструмент защиты исторической правды о нацистских злодеяниях, поскольку память о предках, отстоявших независимость нашей Родины, актуальна, важна, особенно в нынешнее время, фальсификация истории недопустима ни в какие времена. В 2022 году председателем Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК РФ) А.И. Бастрыкиным дано указание о создании в ряде регионов (в тех, где было совершено наибольшее число немецких злодеяний) организаций по поисково-исторической работе. В Ленинградской области создан Консультативный совет по координации поисковой и историко-архивной работы при Следственном управлении СК РФ

по Ленинградской области, в состав которого включены историки, общественники, волонтерские отряды, поисковые отряды, ветераны и сотрудники Главного следственного управления СК РФ по Ленинградской области. В Совете созданы рабочие группы, в составе которых сотрудники территориальных следственных отделов, криминалисты, студенты Санкт-Петербургской академии СК РФ. Заключены соглашения с поисковыми отрядами «Доблесть», «Искра», «Боевое братство» и другими. С момента начала поисковой и историко-архивной работы в 2020 году обнаружено значительное количество останков расстрелянных немцами мирных жителей, бойцов, находившихся в концлагерях, в Лужском, Гатчинском, Тосненском, Волосовском, Ломоносовском районах. Эта работа связана с рядом организационных проблем, поскольку в местах захоронений в настоящее время находятся жилые дома, земельные участки граждан. Сложность поисковой работы заключается и в ее объемах, значительном количестве объектов осмотра, необходимости обнаружения объектов поиска в грунте, в том числе на значительной глубине, в толще воды, на дне водоемов и других труднодоступных местах. В качестве поисковых технических средств используются металлоискатели и поисковые щупы, эхолоты, квадрокоптеры, георадары, эндоскопы и многие другие. В целях фиксации хода и результатов поисковых мероприятий используется фото- и видеосъемка. Проводятся сотни судебно-медицинских и медико-криминалистических экспертиз, а также баллистические, молекулярно-генетические, почерковедческие и историко-товароведческие экспертизы документов. Докладчиком приведены яркие примеры из следственной практики, в том числе об использовании архивных данных и криминалистических возможностей при

осуществлении поисковой деятельности. Отмечено, что поисковая работа осложняется рядом объективных факторов: неблагоприятными погодными условиями, невозможностью ее осуществления в холодное время года и другими. С.Т. Сазин отметил, что в Следственном управлении СК РФ по Ленинградской области создана постоянно действующая межведомственная аналитическая следственно-оперативная группа по расследованию неочевидных тяжких и особо тяжких преступлений против личности, представляющих особую общественную значимость, в том числе совершенных в прошлые годы (в ее состав входят следователи, эксперты, сотрудники уголовного розыска; заседания проводятся еженедельно). Итогом поисковой и историко-архивной работы Следственного управления СК РФ по Ленинградской области явилось уголовное дело, направленное прокурором Ленинградской области в суд в 2022 году. По результатам его рассмотрения Ленинградским областным судом признаны военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом советского народа действия фашистов в годы Великой Отечественной войны на территории региона. Поисковая и историко-архивная работа продолжается, устанавливается и материальный ущерб, в том числе причиненный объектам культурного наследия. В заключение выступления С.Т. Сазин передал в библиотеку Института книгу ««Защита исторической правды о фактах нацистских злодеяний в Ленинградской области», посвященную работе сотрудников Следственного управления по выявлению ранее неизвестных злодеяний немецко-фашистских оккупантов и их союзников в отношении мирного населения — жителей Ленинградской области.

В докладе «Программно-целевой метод профессора Г.А. Густова и прокурор-

ский надзор» профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина доктор юридических наук, профессор В.Н. Исаенко обратил внимание на то, что труды Г.А. Густова хорошо известны ученым и практикам, многие весьма высоко оценивают его научные разработки, особенно программно-целевой метод расследования преступлений. Значение упорядоченного подхода к установлению признаков и обстоятельств преступления, выявлению и изобличению совершившего их лица (лиц) подчеркивали многие ученые-криминалисты. В научной и учебной литературе предлагались типовые следственные программы, программы и схемы расследования преступлений. Г.А. Густовым были разработаны криминалистические модели и программы расследования преступлений различных видов: хищений государственной собственности, убийств, хищений оружия и боеприпасов и др. Однако автор предостерегал от механического использования программ и отмечал, что выбор соответствующего решения на базе анализа и оценки ситуации принадлежит следователю и зависит от его умения мыслить творчески и самостоятельно. Докладчик особо отметил недопустимость шаблонных, бездумных действий следователя, механически выполняющего рекомендуемые типовой программой операции без осмысления целесообразности их выполнения. В этой связи В.Н. Исаенко сказал, что именование криминалистических программ расследования математическим понятием «алгоритм» представляется в корне неверным. Ученые-математики утверждают, что алгоритм — есть типовая схема действий, предназначенных к использованию неразмышляющим субъектом, которая в любом случае даст положительный результат,

даже если субъект применения алгоритма является некомпетентным в этой области лицом. Вряд ли можно говорить о таком подходе в работе следователя по конкретному делу. Докладчик сообщил и о скептических мнениях относительно программно-целевого метода расследования Г.А. Густова: опытные сотрудники могут обходиться и без рекомендуемых программ; программно-целевой метод, называя цели расследования, не содержит перечня средств их решения. Вместе с тем, в отличие от субъективного подхода, использование программ предполагает исследование исчерпывающего перечня обстоятельств, оценка которых позволяет выдвигать версии, определять задачи расследования, средства и способы их решения. Криминалистические программы — это система не только криминалистических задач, но и типовых средств их решения, скомпонованных по типичным следственным ситуациям. Г.А. Густов указывал, что программа расследования выполняет и контрольные функции, служит своего рода эталоном оценки прокурором полноты и качества досудебного производства по изучаемому им прекращенному, приостановленному либо поступившему для решения вопроса о направлении в суд уголовному делу. В этом плане программа рассматривается как детализированная до мелочей типовая криминалистическая методика расследования, положения которой подсказывают варианты действий в той или иной ситуации. В.Н. Исаенко привел перечень навыков, которые, по мнению Г.А. Густова, должны быть сформированы у следователя. Выразил уверенность, что эти положения полностью экстраполируются и на сферу прокурорского надзора в досудебном уголовном судопроизводстве. Требования к подготовке прокуроров в этой части изложены в ряде приказов Генерального прокурора Российской Федерации.

Резюмировал В.Н. Исаенко свое выступление тезисом, что разработанный Г.А. Густовым программно-целевой метод расследования рассматривался и рассматривается как значительный вклад в развитие не только Санкт-Петербургской школы криминалистики, но и всей отечественной криминалистики. Знание, использование и развитие положений, заложенных Г.А. Густовым и другими учеными Ленинградского, а ныне Санкт-Петербургского института, являются необходимым условием обеспечения эффективности и надзора за расследованием преступлений, да и самого расследования.

В.А. Финевич, начальник Управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи выступила с докладом «Новеллы законодательства Республики Беларусь в сфере защиты прав несовершеннолетних», в котором рассказала о работе, проделанной органами прокуратуры Республики Беларусь при осуществлении надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи, вкладе в порядок и развитие нормативно-правового регулирования в сфере защиты детей.

Наблюдается снижение подростковой преступности в Республике Беларусь (на 25 % в сравнении с 2024 годом, а за последние 10 лет — на 50 %). В то же время особую тревогу вызывают преступления, связанные с вовлечением подростков в преступления, совершаемые с использованием сети «Интернет» (мошенничество, хищение и фальсификация компьютерной информации, заведомо ложное сообщение об опасности, незаконный оборот наркотических средств). Одной из самых важных и эффективных форм профилактики подростковой преступности является вовлечение несовершеннолетних в трудовую

занятость. В этой связи по предложению Генеральной прокуратуры Республики Беларусь Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь утвердило перечень легких видов работ для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет: доставка почтовых отправок, печатной продукции, оформление помещений для торжественных мероприятий и др.

Докладчик отметила, что семейное неблагополучие является одной из причин совершения преступлений подростками. В целях раннего выявления семейного неблагополучия нормативно расширены показатели и критерии социального положения несовершеннолетних, при наличии которых допускается государственное вмешательство (к ним добавлены совершение родителями правонарушений в состоянии наркотического опьянения и уклонение от диспансерного наблюдения в связи с зависимостью от психоактивных веществ, случаи, когда родители не работают, допускают ненадлежащее использование пособий, вследствие чего не удовлетворяются основные жизненные потребности детей). С января 2025 года действует новое Положение о порядке признания детей, находящихся в социально опасном положении, нуждающимися в государственной защите, которое призвано обеспечить оперативность решений, принимаемых комиссией по делам несовершеннолетних, демократизацию процедур, персональную ответственность руководителей государственных органов и комиссий по делам несовершеннолетних.

В Республике Беларусь на протяжении почти двадцати лет реализуется подход, согласно которому родители, лишённые родительских прав, возмещают в полном объеме расходы государства на содержание детей. Обязанность возмещения расходов возникает со дня

помещения ребенка на государственное обеспечение. Условием обеспечения взыскания таких расходов является нормативно урегулированное обязательное трудоустройство обязанных лиц, а также перечень организаций, где оно должно осуществляться.

В целях минимизации рисков совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних по инициативе Генеральной прокуратуры Республики Беларусь принят закон, определяющий наряду с наказанием по приговору суда принудительное лечение лиц, страдающих педофилией. Министерством здравоохранения разработан клинический протокол лечения, включающий в себя в том числе химическую кастрацию. В Уголовном кодексе Республики Беларусь предусмотрено обязательное установление надзора в отношении осужденного за данное преступление с возложением на него обязанности поступить на работу, являться в организацию здравоохранения для соответствующего лечения. В случае невыполнения указанных обязанностей лица возвращаются в места лишения свободы.

Органы прокуратуры играют немаловажную роль в вопросах патриотического воспитания детей. В 2021 году Генеральным прокурором Республики Беларусь возбуждено уголовное дело о геноциде белорусского народа. Расследование преступлений нацистов продолжается до настоящего времени. Активно осуществляются раскопки мест массовых расстрелов и захоронений мирных граждан. Прокуроры на постоянной основе доводят до общественности результаты расследования геноцида белорусского народа, уделяется особое внимание информированию студентов, школьников о фактах и обстоятельствах злодеяний, совершенных нацистами и их пособниками, в целях формирования у подрас-

тающего поколения правильного отношения к историческому прошлому: в каждом образовательном учреждении открыта музейная экспозиция, посвященная геноциду белорусского народа; особое внимание уделяется проведению патриотических акций и мероприятий воспитательного характера, в том числе в учреждениях образования; разработаны и внедрены в учебный процесс учебные пособия о геноциде мирного населения на территории СССР в годы Великой Отечественной войны, основанные на материалах уголовных дел и адаптированные для обучающихся различных возрастных категорий.

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь на основании материалов уголовных дел издан ряд книг о геноциде белорусского народа. Две книги преподнесены в дар Санкт-Петербургскому юридическому институту (филиалу) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Начальник Юридического управления Федеральной службы по финансовому мониторингу доктор юридических наук О.Н. Тисен в своем выступлении «Цифровая криминалистика по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют» обратила внимание на то, что преступления, совершенные с использованием криптовалют, оставляют общедоступные цифровые следы. Единые методики выявления и расследования названных преступлений, реальная статистика по ним отсутствуют. В Российской Федерации криптовалюта не признана имуществом в целях уголовного судопроизводства, однако, несмотря на это, судебные решения о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют, выносятся. Все указанные преступления О.Н. Тисен условно разделила на три категории: 1) деяния, в которых криптовалюта использовалась для конспирации преступной деятельности

либо в качестве средства платежа (что прямо запрещено федеральным законодательством) (легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем; коррупционные преступления); 2) деяния, в которых криптовалюта явилась предметом преступления (хищения); 3) злоупотребления при совершении майнинга, разрешенного в Российской Федерации с 2024 года (хищения электроэнергии для размещения так называемых майнинговых ферм на территории в том числе субъектов Российской Федерации, где до 2030 года майнинг запрещен).

Отмечено, что при производстве по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, помимо традиционных следственных и процессуальных действий необходимо: 1) установить факт наличия криптовалютного кошелька у фигуранта; 2) отследить криптовалютную транзакцию; 3) установить провайдера виртуальных активов, которым пользовался преступник; 4) установить открытый и приватный ключи от криптовалютного кошелька; 5) установить владельца криптовалютного кошелька; 6) арестовать и изъять соответствующую криптовалюту.

Докладчик рассказала, что в цифровом устройстве фигуранта можно обнаружить, помимо традиционных, новые цифровые следы: это различные приложения, используемые владельцами криптовалютных кошельков и сервисов для хранения криптовалюты и совершения транзакций, различные следы взаимодействия с криптобиржами и обменниками, факты размещения в свободном доступе сведений о криптовалютных транзакциях либо открытых ключей от криптовалютных кошельков, письма службы поддержки и т. д.

В настоящее время в России проводится судебно-компьютерная экспертиза, на разрешение которой предлагаются

вопросы, направленные на установление следов использования криптовалюты в преступной деятельности. Докладчик акцентировала внимание слушателей на том, что анонимность использования криптовалюты в открытых блокчейнах — это миф. Информацию о транзакциях всех криптовалют, за исключением анонимных, может получить каждый желающий с использованием сети «Интернет» в доступных открытых системах отслеживания криптовалютных транзакций (достаточно знать открытый ключ от криптовалютного кошелька). Однако то, кому принадлежит криптовалютный кошелек, можно увидеть только в специальных сервисах (например, прозрачный блокчейн), которые предоставляются правоохранительным органам Росфинмониторингом.

В заключение своего выступления докладчик продемонстрировала, как могут выглядеть «холодные» криптовалютные кошельки, а также различные приложения для хранения криптовалют для того, чтобы правоприменители понимали, какие объекты и где следует искать в ходе следственных действий. Был освещен порядок взаимодействия правоохранительных органов с криптовалютными биржами.

В докладе «Программно-целевой метод Г.А. Густова и его значение для современной криминалистической методики» профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации доктор юридических наук, профессор О.В. Чельшева заявила о важности переосмысления вклада ученых-криминалистов Санкт-Петербургской криминалистической школы в развитие науки криминалистики, усовершенствование правоприменительной практики. Обра-

тила внимание слушателей на то, что в современных учебниках криминалистики отсутствует описание методов расследования преступлений. Вместе с тем разрабатываются многочисленные разновидности методик расследования преступлений, количество которых неуклонно растет. О.В. Чельшева выразила сомнение, что подобные результаты научных исследований значимы для правоприменительной деятельности.

Большим достижением Г.А. Густова, по мнению докладчика, явилось то, что он попытался сформулировать, что такое «метод расследования преступлений». Программно-целевой метод направлен на упорядочивание расследования, предполагает разработку ряда кратких и развернутых программ. Докладчик резюмировала выступление выводом о необходимости широкого применения программно-целевого метода в современных научных работах по криминалистике.

Прокурор отдела по надзору за исполнением федерального законодательства, за оперативно-разыскной и процессуальной деятельностью управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу А.В. Резцов выступил с докладом «В тени судебной реформы: научные работы профессора Г.А. Густова». А.В. Резцов продемонстрировал слушателям, что угасание интереса к программно-целевому методу в настоящее время детерминировано практически полным отсутствием научных работ Г.А. Густова в свободном доступе. В «Концепции судебной реформы в РСФСР» кризис юстиции был обоснован недостаточной раскрываемостью преступлений, в связи с чем появилась необходимость реформировать судоустройство, нотариат и пр. Вместе с тем советская криминалистика «знала», как повысить раскрываемость преступлений. По словам Г.А. Густова, «необходимо повышать

компетенцию следователей и прокуроров, а отсутствие аналитических навыков — это тупик в расследовании». В выступлении отмечена необходимость обеспечения доступности качественной научной и методической литературы для правоприменителей. В заключение своего выступления докладчик проанализировал последствия снятия грифа «для служебного пользования» с указанных работ.

В.Д. Пристансков, и.о. заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук и С.П. Кушниренко, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета в докладе «Генрих Арсеньевич Густов о теории расследования преступлений» поставили вопрос о необходимости дискуссии о применении методов расследования преступлений, предложенных Г.А. Густовым, в дидактике. Ответили на этот вопрос положительно, отметив, что это является частью практического применения его теории. А теория, как известно, живет, пока она реализуется на практике. Практическая кримина-

листическая деятельность включает в себя познавательную-аналитическую и поисково-познавательную. Докладчики обратили внимание, что формирование навыков криминалистического мышления у обучающихся необходимо, поскольку будущие правоприменители должны уметь думать. В Санкт-Петербургском государственном университете в рамках преподавания дисциплины «Криминалистика» с этой целью докладчиками и их коллегами разрабатываются кейсы для разных тем курса, в том числе для проведения экзамена. В результате выполнения заданий кейсов студентами преподаватели могут оценить, как они мыслят, каковы полученные ими навыки.

В ходе мероприятий криминалистического форума «Санкт-Петербургская школа криминалистики» прозвучали и другие не менее интересные и значимые выступления, однако ограниченность объема обзорной статьи не позволяет их осветить. Уважаемые читатели смогут ознакомиться с их содержанием в сборнике материалов форума на сайте Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Информация об авторе

М.А. Григорьева — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M.A. Grigorieva — Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.9

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ СИНЧУРИНА
ОЛЕГА ВИТАЛЬЕВИЧА НА ТЕМУ «СЛУЖЕБНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ
В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАКУПОК,
И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ
СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.1.4
«УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ»**

Шамиль Мурадович ШУРПАЕВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, s.shurpaev@mail.ru*

Аннотация. Приведен отзыв официального оппонента Шурпаева Ш.М. на диссертацию Синчурина Олега Витальевича на тему «Служебные преступления коррупционной направленности, совершаемые в сфере государственных (муниципальных) закупок, и их предупреждение», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки». В отзыве изложены результаты оценки оппонентом актуальности избранной темы исследования, степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверности и новизны, а также заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней.

Ключевые слова: служебные преступления, отзыв официального оппонента, государственные закупки

Для цитирования: Шурпаев Ш.М. Отзыв официального оппонента на диссертацию Синчурина Олега Витальевича на тему «Служебные преступления коррупционной направленности, совершаемые в сфере государственных (муниципальных) закупок, и их предупреждение», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 160 – 167.

Original article

**THE OFFICIAL OPPONENT'S REVIEW OF THE DISSERTATION
BY OLEG VITALIEVICH SINCHURIN TITLED «CORRUPTION-RELATED
OFFICIAL CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF PUBLIC PROCUREMENT
AND THEIR PREVENTION», SUBMITTED FOR THE ACADEMIC DEGREE
OF CANDIDATE OF SCIENCE (LAW) IN SPECIALTY 5.1.4
«CRIMINAL LAW SCIENCES»**

Shamil M. SHURPAEV

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, s.shurpaev@mail.ru*

Abstract. The article presents a review, prepared by the official opponent Sh. M. Shurpaev, of the dissertation by Oleg Vitalievich Sinchurin titled «Corruption-related official crimes committed

© Шурпаев Ш.М., 2025

in the sphere of public procurement and their prevention», submitted for the academic degree of Candidate of Science (Law) in Specialty 5.1.4 «Criminal Law Sciences». The review evaluates the relevance of the chosen research topic, the substantiation of scientific propositions, the validity and novelty of the conclusions and recommendations formulated in the dissertation, and determines whether the research work meets the criteria established by the Regulations on the Award of Academic Degrees.

Keywords: official crimes, official opponent's review, public procurement

For citation: Shurpaev Sh.M. The official opponent's review of the dissertation by Oleg Vitalievich Sinchurin titled «Corruption-related official crimes committed in the sphere of public procurement and their prevention», submitted for the academic degree of Candidate of Science (Law) in Specialty 5.1.4 «Criminal Law Sciences». Criminalist. 2025;4(53):160-167. (In Russ.).

Актуальность избранной темы исследования. Диссертация О.В. Синчурина выполнена на тему, обладающую высокой степенью актуальности как для уголовно-правовой, так и для криминологической науки.

Об актуальности темы диссертационного исследования свидетельствуют основные направления современной государственной политики в области противодействия коррупции.

В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 (далее — Стратегия), для достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности одной из задач установлено «предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, а также возмещение ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышение уровня ответственности за их совершение» (п. 13 Стратегии).

В докладе Генерального прокурора Российской Федерации И.В. Краснова на расширенном заседании коллегии,

посвященном итогам работы органов прокуратуры за 2023 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2024 год, особое внимание уделялось решению задач в области противодействия коррупции¹.

По данным статистической отчетности Генеральной прокуратуры Российской Федерации (статистический отчет «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» по форме ОН), в последние годы растет количество выявленных нарушений законодательства о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: 204 835 нарушений в 2023 году, что на 3,5 % выше аналогичного показателя за 2022 год и на 76 % выше аналогичного показателя 2014 года. Увеличилось число направленных материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ: 1282 таких материала было направлено в 2023 году, или на 4,1 % выше аналогичного показателя за 2022 год. Количество возбужденных уголовных дел по материалам, направленным прокурорами

¹ В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2023 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2024 год // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94022374> (дата обращения: 28.11.2024).

в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, в рассматриваемой сфере в 2023 году составило 997, что на 10 % выше аналогичного показателя за 2022 год и на 52 % выше аналогичного показателя 2014 года¹.

Сформулированная диссертантом цель исследования, состоящая в «обосновании служебных преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок, в качестве самостоятельного объекта исследования, а также в формировании теоретической модели их уголовно-правового и криминологического предупреждения» (с. 8), определила необходимость решения ряда подчиненных ей актуальных задач. Например, решение задачи выявления социальных и юридических оснований уголовно-правовой охраны отношений в сфере государственных (муниципальных) закупок (с. 8) позволило обобщить социальные предпосылки, юридические основания и роль для правоприменителя введения в уголовное законодательство специальных запретов на нарушение профильного законодательства в сфере закупочной деятельности. Постановка соискателем ученой степени иных частных научных задач — систематизация уголовно-правовых средств противодействия служебным преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в сфере государственных (муниципальных) закупок; определение состояния правового регулирования государственных (муниципальных) закупок с позиции профилактики служебных преступлений коррупционной направленности; выделение и характеристики криминологических особенностей служебных преступлений коррупционной направленности в сфере закупок; обобщение детерминационного комплекса служебных преступлений

коррупционной направленности в сфере государственных (муниципальных) закупок; разработка мер общесоциального и специально-криминологического предупреждения преступлений исследуемого вида в том числе — охватила основной объем факторов научного и практического значения, определивших актуальность избранной темы исследования.

Таким образом, актуальность избранной соискателем темы диссертационного исследования не вызывает сомнений. Теоретические и практические положения, образующие комплекс мер уголовно-правового и криминологического предупреждения служебных преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок, станут одним из условий повышения эффективности государственной политики в области противодействия коррупции и коррупционной преступности.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность определяются использованием автором исследования широкой теоретической, нормативной и эмпирической базы, отвечающей современному уровню научного знания.

Поскольку объект и предмет диссертационного исследования имеют междисциплинарный характер, теоретическая основа исследования закономерно представлена трудами ученых различных областей знаний, не только права (уголовного, гражданского, административного), но и экономики, психологии и других. Для подготовки диссертации автором использовано более 300 источников. Широкий спектр источников исследования определяет в том числе научную обоснованность полученных при его проведении результатов.

Нормативная база исследования включает положения Конституции Рос-

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 28.11.2024).

сийской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральных законов «О противодействии коррупции», «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», «О государственном оборонном заказе», «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», других нормативно-правовых актов, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Основные научные положения диссертационной работы, выводы и рекомендации основаны на корректно примененных соискателем ученой степени элементах методологии юридического исследования, в том числе общенаучных и частнонаучных методов познания. Как показал анализ положений диссертационного исследования, в ходе решения поставленных в нем задач применена совокупность таких общенаучных методов, как анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение, классификация. Автором исследования корректно применены частнонаучные методы познания: логико-семантический, формально юридический, правовое моделирование, статистический, анкетирование, выборочное изучение уголовных дел, контент-анализ сообщений в средствах массовой информации. Это также подтверждает обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность.

Важное значение для определения степени достоверности и обоснованности разработанных научных положений, выводов и рекомендаций имеет качество эмпирической базы исследования. Анализ структурных разделов диссертации показал, что его эмпирическая база включает:

официальную статистику о состоянии коррупционной правонарушаемости и преступности, источником которой стали данные Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Федеральной антимонопольной службы, Счетной палаты Российской Федерации и других государственных органов;

анализ материалов 127 уголовных дел о служебных преступлениях коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных (муниципальных) закупок;

проведенные социологические опросы. Стоит отметить, что автор исследования не ограничился опросом представителей правоохранительных органов — для достижения поставленных в исследовании задач в число респондентов включены также субъекты предпринимательства.

Новизна научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Ряд научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, обладает научной новизной, о чем свидетельствует анализ содержания структурных разделов диссертации.

Диссертация изложена на 256 страницах и состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и двух приложений. Содержание глав и параграфов диссертации последовательно раскрывает тему диссертационного исследования и соответствует сформулированным в нем цели и задачам.

Во **введении** раскрыта актуальность темы исследования; проведен анализ степени научной разработанности темы; сформулированы цель и задачи исследования; определены его объект и предмет;

дана характеристика нормативной, теоретической и методологической основы исследования; обоснована научная новизна диссертации; представлены основные положения, выносимые на защиту; приведены сведения о теоретической и практической значимости результатов исследования, степени их достоверности, апробации и внедрения, а также о структуре диссертационного исследования.

Первая глава диссертационного исследования «Уголовно-правовые и иные юридические основы предупреждения служебных преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных (муниципальных) закупок» включает три параграфа.

В первом параграфе (с. 24 – 45) автор решает задачу анализа и обобщения социальных и юридических оснований уголовно-правовой охраны отношений в сфере государственных (муниципальных) закупок. Можно выделить вывод автора о том, что «установление в уголовном законе запрета на общественно опасное поведение в сфере государственных (муниципальных) закупок является социально обусловленной мерой» (с. 44).

Во втором параграфе «Система уголовно-правовых средств противодействия служебным преступлениям коррупционной направленности, совершаемым в сфере государственных (муниципальных) закупок» (с. 45 – 73) соискатель приходит к ряду выводов, в том числе относительно:

понятия «служебные преступления коррупционной направленности в сфере государственных (муниципальных) закупок» (с. 70);

содержания системы служебных преступлений коррупционной направленности в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд (с. 70 – 71);

недостаточной степени эффективности уголовно-правовых средств реагирования на коррупционное поведение участников контрактных отношений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд, наделенных управленческими функциями или специальными полномочиями по участию в закупках (с. 70 – 71);

рекомендации уголовно-правового характера по оптимизации современной системы служебных преступлений коррупционной направленности в сфере государственных (муниципальных) закупок (с. 71 – 73).

В третьем параграфе автор исследует современное состояние правового регулирования государственных (муниципальных) закупок как необходимого условия профилактики служебных преступлений коррупционной направленности (с. 74 – 91). В данной части исследования заслуживает внимания вывод, сформулированный на с. 91 диссертации, о том, что «качество правового регулирования отношений в исследуемом секторе во многом зависит от реализации принципов, составляющих основу законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных или муниципальных нужд. Основопологающие начала, закрепленные в актуальной редакции Закона о контрактной системе, согласуются с основными принципами противодействия коррупции. Одновременно в целях усиления антикоррупционного потенциала контрактного законодательства следует расширить перечень его принципов».

Вторая глава диссертационного исследования «Криминологические особенности служебных преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных (муниципальных) закупок, и их предупреждение» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе проводится криминологический анализ служебных преступлений коррупционной направленности в сфере государственных (муниципальных) закупок (с. 92 – 125). В числе прочего можно выделить вывод автора о факторах, определяющих высокий уровень латентности деяний анализируемого вида в сфере государственных (муниципальных) закупок (с. 124).

Во втором параграфе второй главы диссертационного исследования (с. 125 – 154) проведен анализ детерминационного комплекса служебных преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных (муниципальных) закупок. Стоит отметить выделенные автором организационные и методические факторы, создающие благоприятные условия для совершения служебных преступлений коррупционной направленности в сфере госзакупок, к которым отнесены: ошибки в кадровой политике, отсутствие единого органа, осуществляющего административный контроль и управление системой государственного заказа, слабо развитые институты общественного контроля и др. (с. 153 – 154).

В третьем параграфе изложен комплекс общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения служебных преступлений коррупционной направленности в сфере государственных (муниципальных) закупок. Особо стоит выделить комплекс превентивных мер специально-криминологического характера, включающий блоки организационных и правовых мер (с. 182 – 184).

В **заключении** автором сделаны теоретические выводы, сформулированы предложения по совершенствованию норм действующего уголовного и отраслевого законодательства, выработаны рекомендации по профилактике рассматриваемых преступлений.

Как представляется, новизна диссертационного исследования состоит в выделении в качестве самостоятельного объекта уголовно-правового и криминологического познания служебных преступлений коррупционной направленности в сфере государственных (муниципальных) закупок.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают следующие конкретные результаты, выводы и рекомендации.

1. Обобщение и классификация социальных предпосылок уголовно-правовой охраны отношений в сфере государственных (муниципальных) закупок, разделенных автором на основные и производные.

2. Авторский подход к определению служебных преступлений коррупционной направленности в сфере государственных (муниципальных) закупок как общественно опасных деяний корыстно мотивированных лиц, наделенных управленческими функциями или специальными полномочиями по участию в закупках, причиняющих вред отношениям, урегулированным законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд, либо создающих угрозу причинения такого вреда.

3. Авторская классификация служебных преступлений коррупционной направленности в сфере государственных (муниципальных) закупок, разделенных на три группы в зависимости от субъекта, совершающего такие преступления.

4. Выводы, сделанные на основе криминологического анализа служебной коррупционной преступности в сфере закупок, характеризующие детерминационный комплекс данного вида преступности.

5. Разработанные предложения по совершенствованию уголовного и кон-

трактного законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

6. Комплекс разработанных автором положений, определяющих систему мер общесоциального и специально-криминологического предупреждения служебных преступлений коррупционной направленности в сфере государственных (муниципальных) закупок.

Диссертационное исследование обладает теоретической и практической значимостью. Теоретическая значимость исследования, проведенного О.В. Синчуриным, состоит в том, что сформулированные в нем выводы расширяют научные знания о преступлениях коррупционной направленности, в том числе совершаемых должностными лицами и служащими в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования разработанных предложений в процессе совершенствования законодательства, в деятельности контролирующих и правоохранительных органов по предупреждению исследуемого вида преступлений, в учебном процессе при проведении лекционных и практических занятий по дисциплинам «Уголовное право (Особенная часть)» и «Криминология», а также специальным дисциплинам антикоррупционной направленности.

Автореферат диссертации соответствует ее содержанию, раскрывает выносимые на защиту положения и соответствует требованиям, предъявляемым к его содержанию, структуре, объему и оформлению.

Основные положения диссертации отражены в 16 научных статьях, 11 из которых — в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень, утвержденный ВАК при Минобрнауки России

для опубликования основных научных результатов диссертаций.

В целом положительно оценивая диссертационное исследование О.В. Синчурина, следует отметить, что, как и любая актуальная научная работа, оно не лишено отдельных недостатков и дискуссионных положений, требующих пояснений.

1. Автор для целей диссертационного исследования использует понятие «система служебных преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для государственных (муниципальных) нужд». Понятие системности связывается с категориями и свойствами структурности, связи элементов, целостности, устойчивости и др.¹ Какие свойства, по мнению автора, характеризуют рассматриваемую группу преступлений как систему?

2. На с. 70 текста диссертации автор делает частный прогноз и оценку направлений дальнейшего изменения уголовно-правового регулирования в исследуемой сфере: «С учетом существующего вектора деловой активности законодателя можно ожидать продолжение дифференциации ответственности за коррупционные преступления в сфере государственных (муниципальных) закупок». Видится уместной конкретизация возможных сценариев развития такого вектора с учетом сложившихся тенденций в данном профильном уголовно-правовом регулировании.

3. На с. 91 исследования делается вывод о том, что «полномочия ведомств, призванных осуществлять контроль в области закупочной деятельности, дифференцированы ненадлежащим образом, вследствие чего неизбежно развивается конфликт интересов в системе государственных органов и среди хозяйствующих субъектов. Решение про-

¹ Напр.: Благодир А.Л. О понятии, свойствах и структуре системы права // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-1. С. 84 — 91.

блемы видится в создании независимого специализированного ведомства, занимающегося вопросами осуществления государственной политики в сфере закупок». Как известно, Минфин России определен федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на исполнение функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Полагает ли автор целесообразным передачу соответствующих функций узкопрофильному ведомству и каков потенциал такого решения с точки зрения возможных результатов противодействия рассматриваемому виду преступности?

4. Глава 2 диссертации посвящена исследованию криминологических особенностей служебных преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере государственных (муниципальных) закупок. В том числе раскрываются состояние данного вида преступности, его детерминанты, кри-

минологическая характеристика личности преступника. Вместе с тем в предмет криминологической науки включаются и другие направления анализа, например виктимологического. Как автор оценивает потенциал виктимологической профилактики данного вида коррупционной преступности?

Отмеченные замечания, однако, не влияют на общую положительную оценку работы.

Таким образом, диссертационное исследование О.В. Синчурина является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовного права и криминологии. Работа отвечает требованиям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842. В свою очередь, Синчурин Олег Витальевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки».

Информация об авторе

Ш.М. Шурпаев – заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук.

Information about the author

Sh. M. Shurpaev – Head of the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Economics), Candidate of Science (Law).

ПЕРСОНАЛИИ В НАУКЕ

Персоналии
УДК 34

НАУЧИТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ МЫСЛИТЬ – НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Г.А. ГУСТОВА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)

Алексей Васильевич ХОЛОПОВ¹, Оксана Евгеньевна ТИМОЩУК²,
Ольга Юрьевна ДЕМЕНТЬЕВА³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ alekseiholopov@yandex.ru

² okstim23@yandex.ru

³ Olenyuka_k82@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся ученому-криминалисту, яркому представителю Санкт-Петербургской школы криминалистики Г.А. Густову. Авторы представили наиболее яркие вехи его биографии и анализ научного наследия ученого.

Ключевые слова: Г.А. Густов, криминалистика, программно-целевой метод, метод моделирования, факторный анализ, комплексный анализ

Для цитирования: Холопов А.В., Тимощук О.Е., Дементьева О.Ю. Научить следователя мыслить — научное наследие профессора Г.А. Густова (к 100-летию со дня рождения ученого) // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 168 – 177.

Personalities

TEACHING AN INVESTIGATOR TO THINK – THE SCIENTIFIC LEGACY OF PROFESSOR G.A. GUSTOV (ON THE 100TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Alexey V. KHOLOPOV¹, Oksana E. TIMOSHCHUK², Olga Y. DEMENTEVA³

^{1,2,3} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ alekseiholopov@yandex.ru

² okstim23@yandex.ru

³ Olenyuka_k82@mail.ru

© Холопов А.В., Тимощук О.Е., Дементьева О.Ю., 2025

Abstract. The article is dedicated to the distinguished forensic scientist and prominent representative of the St. Petersburg School of Criminalistics, Professor G.A. Gustov. The authors presented the most significant milestones of his biography and analysed his scientific legacy.

Keywords: G.A. Gustov, criminalistics, program-targeted method, modelling method, factor analysis, complex analysis

For citation: Kholopov A.V., Timoshchuk O.E, Dementeva O.Y. Teaching an investigator to think — the scientific legacy of Professor G.A. Gustov (on the 100th anniversary of his birth). *Criminalist*. 2025;4(53):168-177. (In Russ.).

В октябре 2025 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялся VII Всероссийский криминалистический форум

«Санкт-Петербургская школа криминалистики», в рамках которого прошли научно-практический криминалистический семинар «Криминалистическое обеспечение уголовного преследования: современное состояние, перспективы, проблемы» (к 100-летию со дня рождения Г.А. Густова) и панельная дискуссия «Научное наследие профессора Генриха Арсеньевича Густова и его современная интерпретация» (к 100-летию со дня рождения Г.А. Густова).

Генрих Арсеньевич Густов — выдающийся ученый-криминалист, чье научное наследие мы рассмотрим сквозь призму необходимости научить следователей особенностям профессионального мышления, поскольку именно в этом кроется фундаментальность его научного наследия [1; 2] и значение в криминалистике как системе научных знаний и учебной дисциплине.

Г.А. Густов родился 5 января 1925 г. в г. Кириллове Вологодской области в семье медиков. Родители, уделявшие большое внимание воспитанию сына, обстановка трудных для страны после-

революционных и предвоенных лет оказали серьезное влияние на формирование личности будущего ученого. Начавшаяся Великая Отечественная война также не оставила Генриха Густова равнодушным к судьбе Родины. И после окончания школы, достигнув возраста 18 лет, в 1943 г. он поступает в Ленинское пехотное училище. Затем была служба в 91 отдельной танковой бригаде, 3 гвардейской танковой армии — командир стрелкового отделения, командир отделения разведки, помощник командира взвода разведки 1-го Украинского фронта. На фронте был трижды ранен. Г.А. Густов награжден орденом «Отечественная война» II степени, медалью «За победу над фашистской Германией», юбилейной медалью «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Одним из значимых событий, повлиявших на судьбу разведчика, стала встреча в госпитале, где он лечился после ранения. В одной палате с ним лежал судья, форменное обмундирование которого привлекло внимание, и Генрих Арсеньевич спросил, что это за служба. Судья подробно рассказал ему о специфике расследования преступлений и уголовном судопроизводстве. С удивлением старший сержант Густов отметил, что деятельность по расследованию преступлений во многом схожа с деятельностью разведчика. Можно сказать, что эта встреча и беседа в госпитале имели решающее значение для выбора гражданской профессии. Так служба в танковой разведке во время Великой Отечествен-

ной войны стала одной из предпосылок его научной деятельности в области криминалистики.

После прохождения лечения будущий ученый-криминалист в августе 1946 г. поступил на юридический факультет Московского государственного университета, который окончил с отличием в 1951 г.

С августа 1951 г. по август 1965 г. Г.А. Густов проходил службу в органах прокуратуры Ставропольского края, последовательно занимая должности следователя прокуратуры Невиномысского района, старшего следователя прокуратуры Ставропольского края, прокурора отдела по надзору за органами милиции, прокурора Благодарненского района, начальника следственного отдела краевой прокуратуры.

Генрих Арсеньевич вспоминал, что расследование тяжких и многоэпизодных преступлений, конечно, представляет собой сложный процесс познания, но значительные интеллектуальные усилия требовались при расследовании преступлений, совершенных в области так называемых финансово-экономических отношений, где следователю необходимо анализировать большое количество бухгалтерской, финансовой и иной документации, связанной с хозяйственной деятельностью предприятий. Опыт, полученный в ходе подобных сложных расследований, лег в основу его кандидатской диссертации на тему: «Расследование и предупреждение хищений хлебопродуктов при заготовке и переработке», которую Г.А. Густов подготовил, обучаясь в Москве в очной аспирантуре Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР и Верховном Суде СССР. В этом же институте до октября 1966 г. он работал старшим научным сотрудником — по результатам проведенных исследований были подготовле-

ны и опубликованы несколько научных статей [3; 4; 5].

В апреле 1966 г. по указанию заместителя Генерального прокурора СССР Генрих Арсеньевич был направлен в порядке перевода в Институт усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка (ныне — Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации) на постоянную работу и назначен старшим преподавателем кафедры тактики и методики расследования преступлений.

На основании решения президиума ВАК 16 июня 1971 г. Г.А. Густов назначен на должность доцента кафедры тактики и методики расследования преступлений, а 1 сентября 1990 г. он возглавил кафедру методики расследования преступлений. Однако здоровье не позволило ему долго оставаться на этом посту, и в октябре 1991 г. по его инициативе состоялся перевод на должность доцента кафедры.

После присвоения 18 февраля 1994 г. ученому звания доктор юридических наук он был назначен на должность профессора кафедры методики расследования преступлений против личности, а затем кафедры прокурорско-следственной деятельности в сфере борьбы с корыстно-насильственной преступностью, на которой трудился до выхода на пенсию в августе 1997 г.

За время службы в органах и организациях прокуратуры Г.А. Густов неоднократно поощрялся приказами Генерального прокурора СССР и Российской Федерации, награжден нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации».

Профессор Густов рассказывал, что, преподавая следователям особенности расследования хищений на предприятиях, буквально был вынужден объяснять особенности анализа финансово-хозяй-

ственной документации, в которой отражено событие преступления, на примере простейших последовательностей логических операций, отображаемых им в виде схем. Таким образом, преподаватель Г.А. Густов, опираясь на аналитическое исследование документации, схематически воспроизводил способ совершения хищения, схему его участников, а также событие преступления в целом.

Генрих Арсеньевич часто подчеркивал, что расследование преступлений — это сложная творческая интеллектуальная деятельность, которой также необходимо учить. Именно в этом, считал он, заключается суть и одна из важнейших основ повышения квалификации следователей в Институте на Литейном, 44, ведущем свою историю от Курсов усовершенствования следователей (образованы в 1947 г.) и Ленинградской следственной школы (образована в 1949 г.).

В те годы, используя результаты своей научной деятельности и опыт, полученный в процессе обучения следственных работников, направленных в Институт для повышения квалификации, ученый пришел к заключению, что для следователей необходимо создать совокупность научных рекомендаций в виде учебных пособий, посвященных особенностям аналитической работы, которые будут использоваться ими в качестве инструмента в познании преступления. Профессор Густов считал, что следователя нужно не просто заставить думать, но необходимо научить мыслить аналитически, т. е. привить умение исследовать и систематизировать криминалистически значимую информацию. Это была сложная задача теоретико-прикладного характера, требующая прежде всего описать процесс анализа как научный метод познания. Соответственно, исходя из того, что криминалистика представ-

ляет собой синтетическое научное знание, логичным решением ученого-криминалиста явилась организация поиска и интегрирования в теорию и практику расследования преступлений научных методов познания как приоритетной, с его точки зрения, задачи в повышении квалификации работников следствия прокуратуры СССР.

На 60–80-е годы прошлого века пришелся расцвет так называемых системных исследований, представляющих собой теоретические и практические аспекты положений системного подхода, являющегося реализацией принципа системности всеобщего диалектического метода познания, лежащего в основе уголовного процесса и теории доказательств и составляющего логику доказывания, а также основу методологии криминалистики [6]. Другими словами, системный подход и его практическую форму реализации — системный анализ — следует рассматривать как «прикладную диалектику» [7].

Полагаем, что именно в контексте системных исследований следует воспринимать логику развития идеи в научном наследии Г.А. Густова. Одним из подтверждений сказанного служит тот факт, что в домашней библиотеке Генриха Арсеньевича можно было наблюдать обширную подборку литературы по кибернетике, теории систем и системному анализу, теории информации, теории управления и организации, т. е. научной литературы, посвященной теории и практике системного подхода. Профессор Густов объяснял, что одной из форм практической реализации системного подхода как аналитического инструмента в исследовании объектов системной природы является метод системного анализа, центральный элемент которого — моделирование изучаемой системы. Системный анализ это не только универсальный метод, но и методо-

логия познания, позволяющая создать целостную и объективную модель объектов-систем, к которым можно отнести как идеи, тексты, факты, явления, предметы, технические конструкции (объекты), так и социальные процессы, негативной (противоправной, антисоциальной) разновидностью которых является преступление.

Как преподаватель Г.А. Густов учил следователей на основе исследования криминалистически значимой информации, отраженной, например, как в объектно-следовой обстановке, так и в различной документации, создавать модель события преступления посредством мысленного моделирования с помощью его анализа как объекта-системы, а как ученый-криминалист — пытался создать соответствующую криминалистическую методику [8; 9; 10].

Генрих Арсеньевич вспоминал, что его научные исследования в области научных методов познания, в части применения моделирования как метода познания преступления, не находили в Институте полной поддержки среди профессорско-преподавательского состава. Для научной дискуссии о состоятельности его исследований и применимости метода моделирования в расследовании преступлений Г.А. Густов пригласил в Институт видного ленинградского ученого-философа в области теории познания В.А. Штоффа [11], который, после изучения представленных ему для ознакомления материалов уголовных дел и заслушивания мнений профессорско-преподавательского состава, заключил, что процесс расследования преступления сравним с моделированием, а уголовное дело в целом можно назвать моделью преступления. Отметим, что академик В.Н. Кудрявцев также сказал о том, что все наши представления о преступлении — это модели [12].

Продолжив научные исследования, Г.А. Густов в 1980 г. издает учебное пособие «Моделирование в работе следователя» [13]. Это пособие можно назвать уникальным как с позиции того времени, так и с точки зрения современности. В отличие от работы И.М. Лузгина [14], во многом носящей теоретический характер, в пособии Г.А. Густова процесс моделирования преступления описывался в форме прикладных методических рекомендаций, состоящих из этапа создания его мысленной модели и ее наглядного графического представления (визуализации) в виде рисунков, а также структурно-логических (аналитических) схем.

Генрих Арсеньевич подчеркивал, что эффективность применения метода моделирования в следственной работе прямо пропорциональна степени полноты понимания следователем преступления как объекта познания, имеющего системную природу. Для этого необходима разработка соответствующей теории, являющейся основой процесса мысленного формирования модели события как системы. Другими словами, следующий этап научных исследований был сфокусирован на реализации аналитического потенциала моделирования как основного метода и процедуры системного анализа преступления посредством его описания как объекта-системы с использованием терминов и понятий теории систем, что в целом послужило фундаментом формирования криминалистической теории преступления. В частности, в статье, посвященной формированию такой теории, Г.А. Густов писал, что «для успешного расследования и раскрытия преступления нужны не только знание уголовного и уголовно-процессуального законов, криминалистической техники, тактики и методики расследования, но и информация о преступлении как реальном явлении действительности. <...>

Вследствие недостаточной изученности материальной конструкции преступления, в криминалистике не получили должной интерпретации и не используются следователями и работниками дознания такие общенаучные методы, как моделирование, системный анализ, комплексный подход» [15]. Также в указанной статье Генрих Арсеньевич ссылается на труды известных ученых-системщиков, например Берталанфи Л. «Общая теория систем — обзор проблем и результатов» (1969 г.) и «Проблемы методологии системного исследования» под редакцией И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина (1970 г.).

С методологической точки зрения центральным элементом информационно-аналитической деятельности субъектов уголовного судопроизводства выступает процесс моделирования события преступления, модель которого обладает интегративными характеристиками, позволяющими осуществить познание преступления как объекта системной природы. По нашему мнению, такая информационно-аналитическая составляющая процесса познания преступления представляет собой технологию системного анализа, в котором основным этапом является моделирование системы.

В этом смысле в научных исследованиях и публикациях Г.А. Густова можно рассмотреть определенную логику и закономерность в изложении его идей, которые прежде всего основаны на внедрении в криминалистику достижений системного подхода (системной методологии), практической формой реализации которого служит системный анализ, относящийся к научным методам познания объектов-систем.

Логика заключается в том, что другие этапы системного анализа, предшествующие моделированию и следующие за ним, являются методами создания модели и ее проверки. Научные работы Г.А. Густова, посвященные использо-

ванию в расследовании преступлений программно-целевого метода [16], факторного [17] и комплексного анализа [18], можно рассматривать в качестве методов, используемых для обеспечения процесса создания модели события преступления, описанного в его работе «Моделирование в работе следователя» [13].

Особо следует сказать о разработке и внедрении программно-целевого метода в практику расследования преступлений как одном из значимых достижений научных исследований профессора Густова. Этому методу он отводил роль своего рода аналитического инструмента, позволяющего систематизировать разнородную криминалистически значимую информацию и тем самым организовать расследование преступления как процесс познания его события. Генрих Арсеньевич говорил, что логику доказывания можно свести к умению описывать любую ситуацию (событие) в виде формулировки системы конкретных вопросов, отражающих необходимые характеристики преступления (способ, время, место, орудие, субъект, объект и т. д.), поиск ответов на которые составляет процесс его познания. В этом смысле следователь нуждался в помощи в части организации его мышления посредством использования разработанных типовых криминалистических программ, представляющих собой систему задач процесса расследования, сформулированных в виде вопросов. Прежде чем строить мысленную модель события преступления или отображать ее в наглядной форме, следователю необходима система вопросов, организованных в виде программы, нацеливающих его мышление на поиск и аналитическую обработку ответов в виде получения криминалистически значимой доказательственной информации.

Практическое применение программно-целевого метода Густова в расследо-

вании преступлений оказывало направляющее и организующее воздействие на мыслительную деятельность следователей. Другими словами, программно-целевой метод и моделирование как прикладные методики являлись основными инструментами в познании преступления, т. е. буквально учили следователей специфике криминалистического мышления, основу которого составляла аналитическая работа [19].

В 1993 г., обобщив проведенные научные исследования, Г.А. Густов подготовил научный доклад и защитил докторскую диссертацию на тему: «Проблемы методов научного познания и организации расследования преступлений».

Одним из значимых результатов докторского научного исследования стало заключение о том, что для полноценной организации познавательной деятельности в следствии необходимо рассматривать процесс расследования преступлений с позиции системно-деятельностного подхода, т. е. сформировать криминалистическую теорию расследования и криминалистическое понятие преступления.

Актуальность и значимость научно-го наследия профессора Г.А. Густова заключается в разработанных им теоретических положениях и практических рекомендациях по организации и управлению расследованием как процессом познания преступления с помощью научных методов, составляющих содержание аналитической работы следователя, базирующейся на реализации положений методологии системного анализа.

Фактически ученый осуществил на основе системной методологии (теории систем и системного анализа) теоретическую разработку криминалистического понятия преступления как объекта познания и следственной деятельности по его расследованию как процесса познания.

В формировании криминалистического понятия преступления Генрих Арсеньевич использовал термины, раскрывающие его системную природу, например: «материальная конструкция преступления имеет вид иерархического построения его элементов — конструктивно устойчивой, повторяющейся»; «целеустремленная, внутренне согласованная материальная сложная система (суперсистема)» [20].

Говоря о необходимости разработки криминалистической теории расследования преступления, Г.А. Густов констатировал отсутствие в криминалистической науке единого понимания расследования. В связи с этим он считал необходимыми использование в криминалистических исследованиях системного анализа, мысленного моделирования и других методов научного познания, исследование возможностей компьютеризации расследования, а также применение в работе следователя знаний кибернетики и науки управления [21].

Именно эти теоретические разработки, а также методики моделирования, программно-целевого метода, комплексного и факторного анализа преступлений авторства профессора Г.А. Густова позволяют говорить об уникальности трехтомного учебника «Курс криминалистики» [22], выпущенного Санкт-Петербургским юридическим институтом Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ныне — Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации) в 2004 году.

Г.А. Густов, разработав криминалистические учения о преступлении как об объекте познания и о расследовании преступления как о процессе познания, заложил фундамент в решении проблем автоматизации как одной из форм практической реализации положений системного подхода в организа-

ции и управлении какой-либо деятельностью, в том числе следственной.

Одна из высших форм реализации системного подхода в познании — формирование системного мышления, составляющего основу аналитической работы, а в практической деятельности — создание автоматизированной системы управления, избавляющей субъекта познания от выполнения рутинных операций и организующей информационно-аналитическую составляющую его познавательной деятельности. Именно этим проблемам были посвящены одни из последних научных работ Г.А. Густова [23; 24].

Таким образом, уникальность научного наследия профессора Густова и его вклад в развитие криминалистики заключается в создании теоретических основ (криминалистические теории преступления и расследования, криминалистическое понятие преступления, основы компьютеризации (автоматизации) расследования) и практических методик (моделирование, программно-целевой метод, комплексный и факторный анализ преступлений), позволяющих осу-

ществить организацию и управление процессом расследования преступлений как информационно-аналитической деятельности, использующей научные методы познания, основанные на методологии системного анализа. В настоящее время научное наследие Генриха Арсеньевича используется как методологический базис криминалистического обеспечения прокурорской деятельности в части осуществления прокурором функций надзора за следствием и дознанием и поддержания государственного обвинения.

В этом смысле профессор Г.А. Густов является первопроходцем не только в формировании теоретических основ познания в криминалистике, но и в разработке и внедрении методик, реализующих на практике осуществление такой главной задачи криминалистики, как выработка криминалистического типа мышления у субъектов уголовного судопроизводства, что в целом делает его одним из столпов и ярчайших представителей Санкт-Петербургской школы криминалистики [25; 26].

Подробности на сайте Института: www.procuror.spb.ru

Список источников

1. Корсаков К.А. К 90-летию Генриха Арсеньевича Густова (05.01.1925 — 15.01.2012) // Вестник криминалистики. 2014. № 4 (52). С. 112 — 115.
2. Пристансков В.Д. Генрих Арсеньевич Густов // КриминалистЪ. 2012. № 1 (10). С. 134 — 137.
3. Густов Г.А. Работа с документами при расследовании организованных хищений на хлебоприемных пунктах и мельницах // Следственная практика / Прокуратура Союза ССР, Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Вып. 66. Москва : Юрид. лит., 1964. С. 45 — 60.
4. Густов Г.А. Мельников А., Эминов В. О некоторых мероприятиях по предотвращению хищений хлебопродуктов при их заготовке и переработке // Социалистическая законность. 1964. № 8. С. 46 — 48.

5. Густов Г.А. Назначение технической экспертизы при расследовании хищений хлебопродуктов // Следственная практика : [сб. ст.] / Прокуратура Союза ССР, Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Вып. 69. Москва : Юрид. лит., 1964. С. 97 – 105.
6. Густов Г.А. О языке криминалистики // Вопросы совершенствования предварительного следствия : [сб. ст.] / Прокуратура СССР, Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД. Вып. 4. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД, 1976. С. 24 – 40.
7. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. Москва : Высш. шк., 1989. 367 с.
8. Густов Г.А. Преступление как объект исследования на предварительном следствии // Вопросы совершенствования предварительного следствия : [сб. ст.] / Прокуратура СССР, Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД. Вып. 3. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД, 1974. С. 98 – 112.
9. Густов Г.А. Построение моделей события хищений // Вопросы совершенствования предварительного следствия : [сб. ст.] / Прокуратура СССР, Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД. Вып. 3. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД, 1974. С. 40 – 56.
10. Густов Г.А. Расследование хищений в торговле. Пособие. Часть 1. Криминалистическая модель преступления. 3-е изд., перераб. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД, 1979. 219 с.
11. Штофф В.А. Моделирование и философия. Москва ; Ленинград, 1966. 311 с.
12. Кудрявцев В.Н. Взаимосвязь элементов преступления // Вопросы борьбы с преступностью : [сб. ст.] / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Вып. 25. Москва : Юрид. лит., 1978. С. 12 – 92.
13. Густов Г.А. Моделирование в работе следователя : учеб. пособие. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1980. 188 с.
14. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. Москва : Юрид. лит., 1981. 152 с.
15. Густов Г.А. К разработке криминалистической теории преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 3. С. 88 – 92.
16. Густов Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств : учеб. пособие. 2-е изд., стер. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1997. 122 с.
17. Густов Г.А. Обнаружение способа должностного хищения в сложной ситуации. Факторный анализ. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1985. 95 с.
18. Густов Г.А. Комплексный подход к раскрытию убийства. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1988. 104 с.
19. Густов Г.А. Научить анализу информации — одна из важнейших задач подготовки следователей и прокуроров // Проблемы повышения уровня подготовки специалистов для работы в органах предварительного следствия : тезисы Всесоюз. совещания-семинара руководителей органов предварительного следствия и заведующих кафедрами криминалистики высших учебных заведений, г. Ленинград, 13 – 14 ноября 1990 г. / Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, Башкирский гос. ун-т ; отв. ред. А.И. Бастрыкин. Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников при Прокуратуре СССР, 1991. С. 49 – 53.
20. Густов Г.А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2000. № 2. С. 78 – 85.
21. Густов Г.А. К разработке криминалистической теории расследования // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Федерации. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2000. № 3. С. 127 – 132.

22. Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 3 т.

23. Густов Г.А., Кононов А.А. Компьютеризация расследования преступлений. Учеб. пособие. Ч. 1. Содержание и структура материалов для компьютерной работы по уголовному делу. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1997. 42 с.

24. Густов Г.А., Кононов А.А. Формирование системы расследования // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1999. № 1. С. 77 – 84.

25. Данилова Н.А., Елагина Е.В. Научное наследие ленинградской школы криминалистики и его современная интерпретация // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 27 – 31.

26. Холопов А.В. Санкт-Петербургская школа криминалистики: истоки и традиции // Санкт-Петербургская школа криминалистики : материалы ежегодного криминалистического форума, Санкт-Петербург, 25 – 26 октября 2019 года / под общ. ред. А.А. Сапожкова. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 101–118.

Информация об авторах

А.В. Холопов – заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

О.Е. Тимошук – заведующий отделом научной информации и издательской деятельности Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

О.Ю. Дементьева – заведующий отделом государственной службы и кадровой работы Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

A. V. Kholopov – Head of the Forensic laboratory, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

O.E. Timoshchuk – Head of the Department of Scientific Information and Publishing Activities, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation;

O.Yu. Dementyeva – Head of the Department of Civil Service and Human Resources, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Статьи следует представлять в распечатанном виде и в электронном варианте.

Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Word for Windows и отпечатан на одной стороне стандартных листов писчей бумаги формата А4.

Поля: верхнее, нижнее, левое, правое — 25 мм.

Нумерация страниц располагается внизу по центру.

Стиль оформления основного текста должен содержать следующие установки. Гарнитура «Times New Roman Cyr». Расстояние между строками текста — 1,5 интервала, между текстом и заголовками — 1 строка, заголовок — прописными. Размер шрифта — 14. Абзацный отступ — 0,75. Выравнивание — по ширине. Перенос — автоматический.

Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок, а также отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице («References»). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

В статье могут быть внутритекстовые и подстрочные примечания.

Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи.

Внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде.

Рекомендуемый объем статьи от 0,4 до 0,6 учетно-издательского листа (16 000 — 24 000 знаков, включая пробелы между словами).

К рукописи статьи прилагается следующая информация на русском и английском языках: аннотация; список ключевых слов; фамилия, имя, отчество (полностью), должность и место работы (службы), ученая степень и ученое звание автора. Также следует указать номер телефона, адрес электронной почты для связи.

Вместе с рукописью автором в обязательном порядке направляется справка о проверке статьи в системе «Антиплагиат» (при отсутствии указанной справки статья к рассмотрению редакционной коллегией приниматься не будет). Оригинальность исследования в программе системе «Антиплагиат» должна составлять не менее 60 %.

Также к рукописи просим прилагать «Согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети «Интернет»».

Рукопись должна быть подписана всеми авторами.

ТРЕБОВАНИЯ К НАПИСАНИЮ АННОТАЦИЙ

Аннотация выполняет следующие функции:

дает возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;

предоставляет информацию о документе и устраняет необходимость чтения полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя второстепенный интерес;

используются в информационных, в том числе автоматизированных системах для поиска документов и информации.

Аннотация следует сразу после сведений об авторе (авторах) статьи, выполняет функцию расширенного названия и используется в качестве элемента библиографической записи, элемента выходных сведений и элемента оформления публикуемых материалов. В аннотации указывают, что нового несет в себе данный документ в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению.

Аннотация включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты. Аннотация кратко и лаконично характеризует статью, поэтому не стоит делать краткую версию статьи, надо дать именно ее характеристику.

В аннотации не рекомендуется вести повествование от собственного имени и выражать собственное мнение (следует избегать оборотов «Я думаю», «Я считаю», «По моему мнению» и т. п.); использовать штампы, речевые обороты, научные термины и приводить общеизвестные сведения. Обязательно указание аудитории, которой описанные в статье результаты могут стать интересными. Соответственно, аннотация показывает, что наиболее ценно и применимо в выполненной автором работе.

Рекомендуемый объем аннотации: не более четырех предложений.

Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ВЫБОРУ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана статья), тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов — 5–7 на русском и английском языках, количество слов внутри ключевой фразы — не более трех. Основные принципы подбора ключевых слов:

применяйте базовые термины вместе с более сложными;

не используйте слишком сложные слова, слова в кавычках, слова с запятыми;

каждое ключевое слово — это самостоятельный элемент. Ключевые слова должны иметь собственное значение.

ГРАФИК ПРИЕМА СТАТЕЙ

Журнал «Криминалист» выпускается четыре раза в год.

Статьи принимаются на постоянной основе.

Решение об опубликовании, необходимости доработки, об отказе в опубликовании статей принимается по результатам рецензирования статей редакционной коллегией.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЫБОР УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

ЧИТАЙТЕ В КАЖДОМ НОМЕРЕ:

- ◆ ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ
- ◆ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ
- ◆ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 256-71-51

E-mail: vest@msk.rsnet.ru

Индекс в подписном агентстве
«Урал-Пресс»: 82370.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ЖУРНАЛА ПУБЛИКУЮТСЯ НА ПОРТАЛЕ
СПРАВОЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «КОНСУЛЬТАНТПЛЮС».